

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

МАЙ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Слово, сказанное въ день празднованія совершеннолѣтія
Благовѣрнаго Государя Цесаревича Великаго Князя **НИКОЛАЯ**
АЛЕКСАНДРОВИЧА Преосвященнаго Амвросія.

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I
и идея Священнаго союза. Профессора Императорскаго Харь-
ковскаго университета В. Надлера.

Очеркъ исторіи благотворительности въ русской Церкви
(окончаніе) А. Вертеловскаго.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Нужна-ли философія? (продолженіе) Профессора Москов-
ской духовной академіи В. Кудрявцева.

Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго
міросозерцанія древней Греціи И. Корсунскаго.

Письма философа Сенеки (продолженіе) * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опрежденія Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харь-
ковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Извѣстія и замѣтки.—
Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НЕМЕЦКАЯ, № 26.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЪ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ Вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ релігіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ своего приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія Правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года; то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ приобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Піста: вообще.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Мая 15 дня 1884 года. Г. Харьковъ.

Цензоръ, Протоіерей Т. Павлозъ.

СЛОВО

Преосвященнаго Амвросія Епископа Харьковскаго

въ день празднованія совершеннолѣтія Благозѣрнаго Государя Цесаревича Великаго Князя НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА *)

О НАШИХЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ПОТОМСТВУ.

*И возвѣстятъ правду Его людемъ
родитися и мущимъ, яже сотвори
Господь. (Пс. 21, 32).*

Радуется нынѣ сердце Благочестивѣйшаго Государя нашего о вступленіи въ совершенный возрастъ Его Первенца и Наслѣдника Престола: сорадуемся Ему и мы милліонами сердець. Радуется Царь, наблюдая, какъ Сынъ Его, *возрастая, укрѣпляется духомъ* (Лук. 1, 8), сообразно высокому Своему призванію: радуется и народъ Его, видя обезпеченіе промысломъ Божиимъ благомъ состоянія Своего государетва и непрерывности престолонаслѣдія и преемствія Царствующаго Домашнаго. Но если цари, любящіе свои народы, заботятся о приуготовленіи имъ въ будущемъ достойныхъ властителей и народы, любящіе своихъ царей и свое отечество, обязаны заботиться каждый о своемъ потомствѣ, чтобы продолжать въ немъ свою силу и способность къ исполненію своего историческаго призванія; такъ какъ и мудрые цари могутъ совершать великія дѣла для блага

*) Произнесено 1 мая въ Харьковскомъ Каѳедральномъ соборѣ.

своихъ царствъ только при способности къ такимъ дѣламъ своихъ народовъ.

Приходить — ли намъ на память эта забота о потомствѣ и стараемся-ли мы объ исполненіи по отношенію къ нему нашихъ обязанностей? Или наши помышленія, планы, предпріятія, труды ограничиваются только настоящимъ? Мы любимъ говорить: „наше время требуетъ, по нашему времени нужно то и другое“, но мало слышно у насъ разсужденій о томъ, что нужно для нашего будущаго. Государь принимаетъ мѣры для обезпеченія въ будущемъ безопасности и величія нашего отечества защитою его предѣловъ благонадежными союзами, упроченіемъ связи и единства во всѣхъ его частяхъ близкихъ и отдаленныхъ: но мы съ своей стороны приращаемъ-ли народныя силы—внутреннія и внѣшнія, возвышаемъ-ли въ своихъ взглядахъ до отдаленнаго будущаго, чтобы блюсти связь этого будущаго съ нашимъ настоящимъ, и обсудить послѣдствія и значеніе для потомства задатковъ и основаній, полагаемыхъ нами нынѣ въ частной и общественной жизни. Скажемъ по совѣсти: мало мы объ этомъ думаемъ; иначе дѣлали-бы мы много, чего теперь не дѣлаемъ, и не позволяли-бы себѣ многого, что теперь позволяемъ. А между тѣмъ побужденія къ заботѣ о благѣ нашего потомства такъ естественны и такъ сильны, и наши обязанности по отношенію къ нему такъ велики и такъ важны, что только легкомысліе, разсѣянность и себялюбивыя помышленія о нашихъ личныхъ выгодахъ и удовольствіяхъ въ настоящемъ могутъ затемнять все это въ нашемъ сознаніи и памяти.

Укажемъ сначала побужденія къ заботѣ о потомствѣ, вложенныя въ насъ самою природою.

Одинъ изъ основныхъ законовъ, неуклонно дѣйствующихъ не только въ родѣ человѣческомъ, но и во всемъ

міръ животныхъ, есть любовь къ дѣтямъ и къ подобнымъ себѣ. Въ людяхъ это естественное чувство любви проявляется не только въ обеспеченіи дѣтей всѣмъ необходимымъ для жизни внѣшней, но и для ихъ усовершенствованія въ жизни внутренней, — умственной и нравственной. Если хотите вызвать это чувство изъ самой глубины человѣческаго сердца, спросите самыхъ развращенныхъ родителей: неужели вамъ не жаль, что вы ввергаете въ нищету дѣтей вашихъ? Вы услышите отъ нихъ если не слово, то вздохъ сожалѣнія. Спросите: неужели вы не боитесь привить пороки и страсти ваши дѣтямъ своимъ? И вы услышите отвѣтъ: „о, нѣтъ, избави Богъ! Пусть лучше мы одни отъ нихъ страдаемъ“. Это — глубина любви къ потомству. Но посмотрите въ тѣхъ — же опытахъ жизни, какъ эта любовь къ своему роду и племени развивается, такъ сказать, въ широту и долготу. Мы почитаемъ *своимъ* соплеменника нашего, не только живущаго въ одной съ нами странѣ, но и заброшеннаго въ самые отдаленные края міра. Намъ жаль легкомысленныхъ переселенцевъ, оставляющихъ наше богатое отечество ради неизвѣстныхъ благъ въ другихъ странахъ, и бѣдствующихъ на чужбинѣ. Насъ оскорбляетъ обида, нанесенная русскому купцу въ Китаѣ; насъ потрясаютъ до глубины души рассказы о страданіяхъ, какія выносили русскіе плѣнники въ Хивѣ и Бухарѣ, и мы благословляемъ нашихъ доблестныхъ воиновъ, неимовѣрными лишеніями, трудами и своею кровію освободившихъ на будущее время нашихъ соотечественниковъ отъ подобныхъ бѣдствій и опасностей. Но мы въ своемъ сочувствіи къ единоплеменникамъ идемъ еще дальше: намъ жаль было Славянъ, страдавшихъ подъ турецкимъ игомъ, родныхъ намъ по крови, по языку и по вѣрѣ; и сколько намъ ни говорятъ враги ихъ и наши съ сожалѣніемъ о жерт-

вахъ, принесенныхъ для нихъ нашимъ отечествомъ и о мнимой неблагодарности ихъ по отношенію къ намъ, — мы спокойны, мы чувствуемъ, что мы удовлетворены, что долгъ любви нами исполненъ, и мы вѣруемъ въ блаженную участь нашихъ братьевъ и дѣтей, *положившихъ души свои за други своя*. Если хотите испытать свое сердце, какъ далеко простирается его любовь къ соплеменникамъ въ прошедшемъ, — вспомните страданія и борьбу за свободу и благо отечества нашихъ предковъ. Вы не знаете своего родословнаго дерева, вы не знаете, кто изъ собственныхъ предковъ вашихъ участвовалъ въ тѣхъ или другихъ событіяхъ нашей исторіи, но вы выносите глубокое страданіе изъ исторіи татарскаго ига, тяготѣвшаго надъ общими предками нашими; вы внутренно торжествуете при описаніи подвиговъ Дмитрія Донскаго, Минина, Пожарскаго. Какъ переноситесь мыслию въ прошедшее, такъ перенеситесь и въ будущее, и вы также будете страдать за потомковъ вашихъ, если предвидите для нихъ какія-либо несчастія, и будете радоваться за нихъ, если что-нибудь прочное приготовите для ихъ благосостоянія.

Изъ этого богатства любви, какое способно обнаружить наше сердце по отношенію къ родному племени, происходятъ и тѣ возвышенныя чувства ревности о благѣ и славѣ отечества, которыя составляютъ честь народную. Намъ больно подумать, что у насъ сосѣди могутъ оторвать какой-нибудь клочекъ изъ необъятнаго количества земли, входящей въ наши границы: не земли намъ жаль; мы готовы пріютить къ себѣ людей всякаго племени, но живи они на землѣ нашей, а не отнимай ее у насъ; съ этимъ не мирится наше чувство чести и сознаніе нашего могущества. Когда вообразишь себѣ что-нибудь подобное въ будущемъ относительно нашего великаго отечества, — его крушеніе, раздробле-

ніе, порабощеніе, то такъ болѣно становится на сердцѣ, что кажется кости наши застонутъ въ землѣ, если надъ нашими могилами совершится что-либо подобное.

Наконецъ, та же любовь побуждаетъ насъ заботиться и о взаимности со стороны потомковъ; о томъ, чтобы оставить по себѣ добрую память на землѣ, чтобы и насъ потомки наши помянули съ благодарностію за доброе наслѣдство, которое мы имъ оставимъ, какъ мы съ любовію поминаемъ нашихъ славныхъ предковъ. Посмотрите, какъ тщательно историки отыскиваютъ и опредѣляютъ тѣ времена и поколѣнія въ жизни народовъ, съ которыхъ началось возвышеніе или паденіе великихъ царствъ, и какую горечью отзываются ихъ сужденія о тѣхъ недальновидныхъ, себялюбивыхъ и развратныхъ поколѣніяхъ, которыя положили начало паденія и гибели своихъ народовъ и государствъ. Сердце обливается кровью при мысли, что и на насъ за наше легкомысліе и пороки, могущіе повредить въ будущемъ величію и славу нашего отечества, можетъ пасть осужденіе и, можетъ быть, страшно сказать, даже и проклятiе нашего потомства.

Когда въ душѣ и совѣсти нашей пробудится со всею силою это сознаніе нашего долга любви и заботливости о благѣ потомства, тогда, во всѣхъ дѣлахъ и распоряженіяхъ нашихъ для настоящаго, мы будемъ спрашивать себя: что изъ этого выйдетъ для потомства? — Укажемъ общія обязанности наши въ этомъ отношеніи, чтобы можно было прилагать ихъ къ каждому частному случаю.

Первая обязанность наша въ отношеніи къ потомству состоитъ въ сохраненіи и приумноженіи для него нашихъ народныхъ силъ — физическихъ и духовныхъ. Только народъ, передающій изъ поколѣнія въ поколѣніе крѣпость тѣлесную и силы духовныя, можетъ надѣяться

на свою долговѣчность въ будущемъ, на самостоятельность и видную дѣятельность въ исторіи человѣчества. Чѣмъ обеспечивается въ народахъ сохраненіе для потомства этого богатства, составляющаго основаніе всѣхъ другихъ отраслей благосостоянія? Опытъ вѣковъ говоритъ, что крѣпость тѣлесная и даровитость духовная въ дѣтяхъ и потомкахъ обеспечивается правильною жизнію, умѣренностію и нравственною чистотою молодыхъ людей, своевременными браками, супружескимъ цѣломудріемъ, простотою жизни, трудолюбіемъ, воздержаніемъ, строгимъ поведеніемъ родителей и заботливостію о нравственномъ воспитаніи дѣтей. Предки наши не были сильны въ наукахъ, но именно при этихъ условіяхъ скопили намъ великое богатство природныхъ силъ, судя потому, какое государство они создали, и какіе задатки этихъ силъ намъ оставили, какъ видимъ еще и нынѣ въ томъ напряженіи силъ народныхъ, какое обнаружилось на нашихъ глазахъ въ послѣднихъ политическихъ событіяхъ.—Что-же мы, при нашемъ образованіи, которымъ такъ гордимся, дѣлаемъ для сохраненія силъ народныхъ? Мы растрачиваемъ эти силы съ какимъ-то ожесточеніемъ, какъ легкомысленный наслѣдникъ расточаетъ богатство, оставленное ему заботливыми родителями, еще укоряя ихъ за то, что они не умѣли жить. Не трудно понять, какое мы произведемъ потомство при этой безнадзорной жизни и раннемъ развращеніи нашихъ юношей, при умноженіи всякихъ способовъ къ преступнымъ наслажденіямъ, при этомъ истощеніи отцевъ до вступленія въ супружество, при постоянно умножающихся внѣбрачныхъ сожителствахъ, при этихъ разводахъ и развѣздахъ супруговъ, при этомъ изнуреніи дѣвицъ и молодыхъ матерей непомѣрнымъ развитіемъ всякихъ удовольствій и увеселеній... Правда (горькая правда), всѣ эти пороки особен-

но усиливаются у насъ въ сословіяхъ, объявляющихъ притязанія на имя образованныхъ; люди, понимающіе значеніе распространяющагося зла, возлагаютъ надежды относительно сохраненія нашихъ силъ на простой народъ, живущій въ близости къ природѣ, но увы!—Не мы-ли, въ нашемъ слѣпомъ движеніи къ свободному развитію гражданственности, соблазнили народъ удешевленіемъ вина и изнурили его пьянствомъ? Не мы-ли своею безпечностію допустили его заразиться фабричными пороками? Не мы-ли слабостію и колебаніями въ отправленіи правосудія подорвали въ немъ страхъ передъ закономъ и развили безстрашіе къ преступленіямъ? Не по нашей-ли винѣ онъ оскудѣлъ и постигся не изъ доброй воли, какъ дѣлали наши предки при достаткѣ, для соблюденія уставовъ Церкви и укрѣпленія духа, а просто голодаетъ отъ нужды и бѣдности? Какое при этихъ условіяхъ и отъ него пойдетъ потомство? При видѣ всего этого какъ-то становится тяжело читать наши заботливыя ученныя разсужденія о кроткомъ обращеніи съ животными, объ улучшеніи ихъ породъ, о тщательномъ уходѣ за ними, когда все эти непреложныя законы развитія и охраненія всякой органической жизни пренебрегаются нами въ родѣ человѣческомъ, и притомъ въ собственномъ нашемъ племени. Вотъ гдѣ благовременно вспомнить тотъ страшный историческій законъ, по которому начало паденія царствъ всегда совпадаетъ съ развитіемъ внѣшняго образованія при забвеніи законовъ нравственныхъ и пренебреженіи къ нимъ. Не похвалятъ насъ наши потомки за это истощеніе силъ, которое мы допускаемъ въ самой плоти и костяхъ нашего народа.

Вторая обязанность наша по отношенію къ потомству состоитъ въ сохраненіи добрыхъ нравовъ, служащихъ изъ древности къ огражденію нашей народной

жизни и силы. Уже изъ сказаннаго нами видно, какъ забыта нами эта великая обязанность; прибавьте къ этому наше пренебреженіе къ преданіямъ и обычаямъ, внѣдреннымъ вѣками въ жизнь нашего народа православною Церковію, — и вы получите полную картину быстрого развращенія нашихъ народныхъ нравовъ подъ вліяніемъ ложнаго просвѣщенія. Мы остановимся въ этомъ отношеніи только на одномъ величайшемъ заблужденіи нашемъ: мы надѣемся замѣнить народныя преданія наукою, образованіемъ, успокоивая себя прибавкою къ курсу наукъ Закона Божія: тщетная надежда! Самый утонченный взяточникъ знаетъ, что онъ беретъ взятки, и беретъ; самый искусный похититель казеннаго и общественнаго достоянія знаетъ, что онъ крадетъ, и крадетъ; самый отчаянный игрокъ знаетъ, что онъ пускаетъ по міру свое семейство, и продолжаетъ играть. Изъ этихъ опытовъ видно, что мало знать, что нужно дѣлать, чтобы дѣлать добро, а надобно съ малыхъ лѣтъ привыкнуть къ дѣланію добра, освоиться съ нимъ, полюбить его, ввести въ свою природу, чтобы зло представлялось намъ противоестественнымъ и потому страшнымъ и ненавистнымъ, и только тогда добрая дѣятельность наша обезпечена, только тогда мы становимся истинно нравственными и благонадежными людьми. Какъ достигается это утвержденіе человѣка въ добродѣтели? Исторія наша говоритъ, что воспитаніемъ и содержаніемъ себя въ страхъ Божіемъ со всевозможнымъ удаленіемъ отъ грѣха и упражненіемъ въ добродѣтели, начиная это упражненіе съ соблюденія церковныхъ заповѣдей и обрядовъ, притомъ подъ наблюденіемъ одного поколѣнія за другимъ, при постоянныхъ примѣрахъ старшихъ на глазахъ младшихъ, и не иначе, какъ при условіи полнаго единообразія всего строя христіанской жизни въ цѣломъ народѣ сверху до низу. Мы, люди об-

разованные, во имя науки перервали въ большинствѣ семействъ эту цѣль преданій, это теченіе добра изъ поколѣнія въ поколѣніе, и сдѣлали трудно-поправимое зло. Тяжкое осужденіе отъ потомства падеть на насъ за растрату этого священнаго, вѣками скопленнаго богатства предковъ нашихъ, — богатства вѣры и благочестія. Но у насъ есть еще остатки этого духовнаго стяжанія, еще есть къ чему руки приложить: намъ нужно только опомниться, образумиться.

Третья наша обязанность въ отношеніи къ потомству, это — передать ему живое и ясное сознаніе нашего народнаго призванія. Историки говорятъ, что призваніе народовъ трудно опредѣляется. Предоставляемъ каждому народу понимать свое призваніе по своему, но наше призваніе для насъ ясно. Вспомните слова псалмопѣвца, взятая нами въ основаніе бесѣды нашей: *и возвѣстятъ правду Его людемъ родитися и мушумъ, яже сотвори Богъ*, т. е. наличныя, живущія поколѣнія должны постигать въ событіяхъ своего прошедшаго и настоящаго *правду Божию*, или намѣренія и цѣли божественнаго промысленія о своемъ народѣ, и эти воззрѣнія на судьбу свою, какъ священный завѣтъ, передавать *людемъ родитися и мушумъ*, т. е. своему потомству. Гдѣ и какъ явлена намъ *правда Божія* о насъ? Въ призваніи насъ къ православнои вѣрѣ и водвореніи у насъ Церкви Божіей. *Что въ нашемъ прошедшемъ сотворилъ для насъ Богъ?* Возрастилъ насъ въ народъ великій, испыталъ и укрѣпилъ насъ многими скорбями, избавлялъ насъ отъ величайшихъ бѣдствій и опасностей, явилъ въ средѣ нашей мужей сильныхъ вѣрою, разумомъ и мужествомъ, и даровалъ намъ въ обладаніе необозримыя пространства земли со всевозможными богатствами. А что сдѣлала для насъ св. Церковь? Она воспитала въ нашемъ народѣ духъ благочестія съ глу-

бокимъ расположеніемъ къ духовному усовершенствованію и подвижничеству, кротость и послушаніе агнца съ мужествомъ и силою льва, преданность своей вѣрѣ съ сознательною вѣротерпимостію, любовь къ ближнимъ, возвышающуюся до самопожертвованія, часто непонятнаго для другихъ народовъ, расположеніе къ просвѣщенію безъ разногласія его съ вѣрою, гостепріимство безъ лукавства и своекорыстія, наконецъ, беззавѣтную преданность Царямъ, но безъ раболѣпства, а съ сыновнею любовію и всегдашнею готовностію положить жизнь свою за нихъ и за отечество. Пусть кто хочетъ докажетъ намъ, что это не господствующія черты нашего народа, что онѣ не оправданы его исторіею. Что-же мы должны передавать *людемъ отъ насъ родитися имущимъ*? Чтобы они хранили свою святую вѣру, какъ жизнь своего духа, любили св. Церковь и были покорны ей, какъ своей матери и воспитательницѣ; просвѣщали святою вѣрою и вводили въ ограду Церкви племена, невѣдущія Бога истиннаго; чтобы свѣтили своимъ чистымъ исповѣданіемъ вѣры и народамъ образованнымъ, но утратившимъ чистую Христову истину; чтобы показали міру возможность совмѣщенія высокаго просвѣщенія съ послушаніемъ вѣрѣ, и свободы духа и мысли съ покорностію Царямъ и ихъ законамъ. Кто намъ можетъ сказать, что это не благое наслѣдство и не святое завѣщаніе?

Обратитесь отъ этого прямаго нашего призванія къ новымъ ученіямъ, у насъ распространяемымъ, и подумайте, какое наслѣдство мы готовимъ въ нихъ нашему потомству. Не хотите-ли вы вмѣсто православной вѣры завѣщать ему *безразличіе* въ исповѣданіи вѣры христіанской, смѣшеніе вѣрѣ и равнодушіе ко всѣмъ вмѣстѣ (индифферентизмъ)? Не хотите-ли вселить въ него *отрицаніе* бытія Бога и міра духовнаго и обездушить его

(матеріализмъ)? Не находите-ли полезнымъ заставить его полюбить, столь нынѣ знакомый намъ, *обликъ всемірнаго гражданина* (космополитизмъ), чтобы народъ нашъ пересталъ быть тѣмъ, что онъ есть, и былъ поглощенъ другими народами, которые съумѣютъ сохранить свою личность? Не желаете-ли утвердить въ потомствѣ нашемъ сознаніе *равноправности* на власть, богатство и общественное вліяніе—и умнаго и глупаго, и прилежнаго и лѣниваго, и добродѣтельнаго и злодѣя (соціализмъ), и тѣмъ убить въ немъ дарованія, трудъ и уваженіе къ нравственному достоинству? Не полагаете-ли благосостоянія нашего потомства *въ обособленіи* и отдѣльномъ развитіи каждой части нашего государства и каждаго племени, сплоченныхъ подъ одну державу трудами и кровію нашихъ предковъ и современныхъ героевъ (сепаратизмъ), чтобы царство наше съ теченіемъ времени распалось, какъ разрыхленная громадная льдина, несомая бурною рѣкою въ весеннемъ разливѣ? Наконецъ, не признаете-ли для него истиннымъ благомъ этого тупаго чаянія совершенства и благополучія, имѣющаго родиться на мѣстѣ *общаго разрушенія*, которое почитаютъ своею обязанностію всесвѣтныя и наши крамольники (коммунизмъ)?..

Боже мой! Неужели все это растлѣніе умовъ, всю эту гниль, накопившуюся у насъ подъ покровомъ внѣшняго образованія должно унаслѣдовать отъ насъ наше потомство? Соберитесь съ духомъ, добрые русскіе люди, вооружитесь вашимъ природнымъ здравымъ смысломъ, и поставьте крѣпкую плотину, чтобы этотъ потокъ современныхъ заблужденій не достигъ нашего потомства, чтобы только нами было исчерпано все зло, ими порожденное и нами заслуженное. Какъ устроить эту преграду? Перестаньте довѣрять проповѣдникамъ перечисленныхъ нами ученій, отнимите у нихъ недостойно но-

симосъ ими имя служителей науки и отечественнаго просвѣщенія, разумѣйте ихъ не иначе, какъ обьюродѣвшими и хотя въ большинствѣ своемъ безсознательными, но все-же измѣнниками и предателями своего отечества и народа.

Послѣднее наслѣдство, которое мы обязаны передать потомкамъ нашимъ—есть Божіе благословеніе. Оно есть благодатная сила Божія, споспѣшествующая всякой доброй дѣятельности и всякому преуспѣянію какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ добродѣтельныхъ, служащихъ истинному благу человѣчества: *родъ правыхъ благословится* (Пс. III, 2), *Господь въ родъ праведныхъ*, говоритъ псалмопѣвецъ. Еще въ пустынь Аравійской Самъ Богъ сказалъ народу Израильскому: „Я Господь Богъ твой, Богъ-ревнитель, наказывающій дѣтей за вину отцевъ до третьяго и четвертаго рода ненавидящихъ Меня, и творящій милость до тысячи родовъ любящимъ Меня и соблюдающимъ заповѣди Мои“ (Исх. 20, 5). Заблужденія, пороки и несчастія нашихъ послѣднихъ поколѣній уже свидѣтельствуютъ объ отнятіи отъ нихъ Божія благословенія за грѣхи отцевъ ихъ. Сколько прошло этихъ поколѣній, и сколько еще пройдетъ,—мы счесть не можемъ, но пора имѣть и жалость къ нимъ. Возвратимъ себѣ и дѣтямъ нашимъ Божіе благословеніе умственнымъ отрезвленіемъ, нравственнымъ исправленіемъ, вѣрою и любовію къ благодѣвшему и долготерпящему намъ Богу, и Онъ, вѣрный въ своихъ обѣтованіяхъ, снова ниспошлетъ свое благословеніе народу нашему „въ тысячи родовъ“.

Дадимъ этотъ сердечный обѣтъ Богу, Благоудетивѣйшему Господарю нашему, Наслѣднику, Цесаревичу, Отечеству и потомству нашему, Нѣтъ лучшаго дара и выт-раженія чувствъ нашихъ, [которыми мы могли бы озна-меноваты настоящий радостный и торжественный день Аминь!]

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА.

I.

Прошло почти девятнадцать вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ Христомъ Спасителемъ и Его Апостолами возвѣщены были міру божественныя истины христіанства. Успѣло-ли человѣчество воплотить въ себя и въ своей жизни ученіе Христово, за этотъ сравнительно долгій періодъ времени, и достигло-ли человѣческое общество той нравственной высоты, какую указалъ ему божественный Основатель христіанской религіи, и чего нужно еще желать для человѣчества въ этомъ отношеніи, — вотъ вопросы, которые задаютъ себѣ невольно пытливые умы, подвизающіеся на поприщѣ научнаго, объективно - историческаго знанія. Въ большей части случаевъ отвѣтъ на всѣ эти вопросы получается отрицательный. Да иначе и быть не можетъ. Было время, когда ученые смотрѣли свысока на христіанство, когда они не задумывались ставить его наравнѣ съ буддизмомъ и исламомъ, когда христіанство казалось людямъ, получившимъ философское образованіе, уже пройденною, побѣжденною ступенью человѣческаго развитія, что разуму и научному знанію предстоитъ открывать новые пути и указывать средства къ дальнѣйшему усовершенствованію человѣчества и благоустройству его жизни, что недалеко время установленія между людьми совершеннаго равенства въ правахъ на всѣ

преимущества власти и богатства и на всѣ наслажденія жизни. Европейское челоѳчество дорого поплатилось за эти заблужденія своихъ философскихъ представителей. Путемъ горькаго опыта, тяжкихъ страданій, неслыханнаго разрушенія, оно дошло до убѣжденія, что христіанская религія должна оставаться твердою и неизблемою основою челоѳческихъ обществъ, что потребность въ ней для челоѳчества никогда не можетъ прекратиться, что нравственный идеаль христіанства останется навсегда недостижимымъ вполне, что челоѳчество можетъ лишь вѣчно стремиться и приближаться къ нему по мѣрѣ силъ своихъ и что именно въ этомъ стремленіи, а не въ усовершенствованіяхъ, относящихся къ жизни внѣшней, не въ накопленіи знанія, заключается главная сущность всемірно-историческаго прогресса.

Христіанство вліяетъ на извѣстную и, быть можетъ, самую лучшую часть челоѳчества уже въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ. Какія неисчислимыя блага принесло оно уже съ собою въ міръ, какая высокая цивилизація развилаь, благодаря ему, въ средѣ европейскихъ народовъ, и однако-же, какъ далека еще современная цивилизація отъ идеала христіанскаго, какъ сильно пропикнута она еще элементами языческими! Божественныя истины и начала христіанства, его высокое нравственное ученіе сдѣлались, повидимому, уже достояніемъ всѣхъ и каждаго, но только, повидимому. На словахъ, все преклоняется предъ христіанскими идеями, все говоритъ и дышетъ христіанскою любовію, а на дѣлѣ совсѣмъ иное! Взгляните на частную и общественную жизнь любого христіанскаго народа, и что вы встрѣтите на каждомъ шагу? — Грубый матеріальный взглядъ на жизнь, борьбу за существованіе, возведенную и оправданную современною наукою, эгоизмъ и господство сильнаго, гоньбу за наживою и преимуществами, за удовлетвореніемъ грубыхъ животныхъ потребностей нашей природы. Развѣ это не царство тьмы, озаряемое лишь по временамъ далекими отблесками божественнаго свѣта христіанства?

Хотя прискорбно видѣть эти явленія въ христіанскомъ мірѣ, но въ жизни частной и сословной борьбы челоѳческихъ об-

щества они отчасти объясняются личными страстями и столкновениями эгоистическихъ стремленийъ и интересовъ. Но что сказать о той болѣе широкой и возвышенной сферѣ, откуда направляется политическая жизнь народовъ? Что сказать о тѣхъ началахъ, которыми опредѣляются взаимныя отношенія правительствъ и народовъ, на которыхъ устанавливается общая жизнь христіанскаго міра? Здѣсь мы уже встрѣчаемъ полнѣйшее отреченіе отъ всѣхъ основныхъ идей христіанской нравственности, тутъ уже настоящее царство грубаго насилія и лжи. Но и въ этой сферѣ человѣчество любитъ, если не отличаться христіанскими дѣлами и подвигами, то по крайней мѣрѣ прикрываться христіанскими словами и фразами. Вотъ уже сколько вѣковъ христіанскіе народы заключаютъ между собою то и дѣло вѣчный миръ, а дипломаты ставятъ въ заголовкѣ своихъ трактатовъ обычную формулу: „Во имя Бога“, „во имя святой и живоначальной Троицы“, а затѣмъ всякій разъ новое кровопролитіе, вѣчное и постоянное нарушеніе договоровъ, освященныхъ торжественно именемъ божественнаго авторитета.

Но спрашивается, неужели въ теченіи долгаго ряда вѣковъ не было предпринимаемо ни одной серьезной и искренней попытки организовать международныя отношенія на чистыхъ началахъ христіанской нравственности? Да, такая попытка была дѣйствительно предпринята однажды, предпринята сознательно и искренно, но она вызвала лишь всеобщее противодействие и глумленіе и прошла почти безслѣдно для человѣчества. На печальную исторію этой попытки и думаемъ мы обратить вниманіе нашихъ читателей.

Священный союзъ между европейскими державами, возникшій по благородному почину Императора Александра Благословеннаго, пользуется, какъ извѣстно, крайне дурною славою и въ господствующемъ историческомъ преданіи, и въ современномъ общественномъ мнѣніи. Ни объ одномъ событіи новѣйшей исторіи не распространена такая масса невѣрныхъ и превратныхъ представленій. Всякій современный газетчикъ и кропатель передовыхъ статей считаетъ своимъ долгомъ глумиться и надъ идеею Священнаго союза, и надъ попыткою ея

осуществленія *). Для однихъ и, быть можетъ, самыхъ умѣренныхъ историковъ и публицистовъ, Священный союзъ представляется порожденіемъ фантастической мечтательной головы единичнаго человѣка, порожденіемъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго значенія и практическаго смысла **). Другіе, болѣе либеральные представители исторической традиціи, смотрятъ на Священный союзъ, какъ на ловко придуманное орудіе реакціи, какъ на преступную попытку остановить свободное естественное развитіе европейскаго человѣчества, осудить его на неподвижность, застой и рабство ***). Выказывая такіе рѣзкіе приговоры надъ Священнымъ союзомъ, подтверждая ихъ всѣми практическими послѣдствіями этого союза для Европы, западные историки и политики стараются набросить при этомъ возможно большую тѣнь на характеръ Императора Александра и на побужденія, руководившія имъ. Такая тактика, впрочемъ, совершенно понятна. Принципы, положенные въ основаніе Священнаго союза, сами по себѣ таковы, что возражать противъ нихъ что-либо по существу крайне трудно. Можно доказывать ихъ неосуществимость, но невозможно оспаривать, по крайней мѣрѣ, ихъ благородный, чистый и дѣйствительно христіанскій характеръ. Иное дѣло утверждать, что основатель Священнаго союза руководился побужденіями эгоистическими и нечистыми, что, прикрываясь лицемерно маскою религіи, онъ хотѣлъ достигнуть цѣлей чисто политическихъ, хотѣлъ присвоить себѣ владычество надъ Европою. Иное дѣло доказывать, что Императоръ Александръ дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ не самостоятельно, что онъ былъ не болѣе, какъ орудіе въ рукахъ темныхъ фаватиковъ, надутыхъ ханжей и ловкихъ лицемѣровъ. Для того и другаго толкованія можно дѣйстви-

*) Еще недавно по поводу сближенія Германіи съ Россією, австріійскіе и иные европейскіе публицисты съ ужасомъ заговорили вновь о возвращеніи къ Священному союзу, этому оплоту реакціи, обскурантизма и всевозможныхъ бѣдъ.

**) Таково въ сущности и мнѣніе извѣстнаго нѣмецкаго историка Бернарди въ его „Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814—1831. См. т. I р. 496.

***) Не менѣе велико и число тѣхъ историковъ, которые видятъ вмѣстѣ съ Гервинусомъ въ Священномъ союзѣ ловко придуманное орудіе для распространенія вліянія и владычества Россіи по всей Европѣ. См. Гервинусъ, Geschichte des XIX Jahrhunderts. Т. II. S. 725—731.

тельно подобрать факты, но возникаетъ вопросъ, вѣрно-ли подбирались эти факты, уясняютъ-ли они намъ дѣйствительный ходъ дѣла? Мы попытаемся дать по возможности безпристрастный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Посмотримъ, какимъ образомъ могла зародиться въ умѣ Императора Александра идея Священнаго союза, насколько соотвѣтствовала эта идея настроенію и духу времени, при посредствѣ какихъ личностей вступила она въ жизнь, какія причины, наконецъ, задержали и извратили ея естественное развитіе.

II.

Характеръ Императора Александра I и по сіе время кажется историкамъ крайне сложнымъ, почти загадочнымъ *). Уже современники Александра, люди знавшіе его, повидимому, хорошо и близко, расходились въ своихъ сужденіяхъ о немъ въ совершенно противоположныя стороны. Одни изъ нихъ, какъ напр. баронъ Штейнъ, свидѣтель во всякомъ случаѣ высоко безпристрастный и неподкупный, говорили съ неподдѣльнымъ восторгомъ о высокихъ качествахъ его ума и сердца, о благородствѣ и возвышенности его стремленій **); тогда какъ другіе (стоитъ припомнить лишь Наполеона и Шатобриана, извѣстнаго политика-романтика), не отрицая умственныхъ преимуществъ Александра, признавая даже его свободолюбивый образъ мыслей, его любовь къ человѣчеству, относились въ то же время съ недовѣріемъ къ его нравственнымъ качествамъ, упрекали его въ неискренности, въ непостоянствѣ, въ лицемеріи, въ вѣчномъ стараніи играть роль, называли его то „сѣвернымъ Тальмою“, то хитрымъ византійскимъ грекомъ. Упомянувъ объ отзывахъ такихъ лицъ, какъ Шатобрианъ и

*) См. между прочимъ: *Пылльз.* „Очерки общественнаго движенія при Императорѣ Александрѣ I“. „Вѣстникъ Европы“ 1870 г. Т. 1 стр. 733 и слѣд.

**) Отзывы Штейна о характерѣ Александра встрѣчаются во многихъ мѣстахъ извѣстнаго сочиненія Перца, *Stein's Leben*. См. между прочимъ, томъ 2 стр. 55. Изъ этого любознательнаго мѣста мы усматриваемъ, что Штейнъ вовсе не принадлежалъ къ числу слѣпыхъ папегирисовъ Александра, что на ряду съ хорошими онъ замѣчалъ и слабыя стороны его характера. Тѣмъ болѣе значеніе приобретаетъ въ нашихъ глазахъ его высокое мнѣніе о личности Александра вообще. См. *Stein's Leben*. Т. 3, S. 541.

Наполеонъ, не слѣдуетъ, однако-же, опускать изъ виду той точки зрѣнія, съ которой смотрѣли они на Александра. Наполеонъ, топтавшій ногами всѣ нравственныя и религіозныя убѣжденія человѣчества, не признававшій ничего святаго, возведшій ложь, обманъ и насиліе въ систему, не могъ быть, разумѣется, безпристрастнымъ судьей нравственныхъ качествъ своего опаснѣйшаго врага, Императора Александра. Онъ не могъ забыть, что ему не удалось въ концѣ концовъ оцутать и погубить Александра, подобно тому какъ погубилъ онъ другихъ, и его злоба изливалась въ презрительно ядовитыхъ насмѣшкахъ на непонятый имъ характеръ соперника. Столь же мало вѣсу и значенія могутъ имѣть отзывы челоуѣка, подобнаго Шатобриану, этого тщеславнѣйшаго изъ тщеславныхъ, этого надутаго и высокопарнаго ритора и близорукаго, ограниченнаго политика *). Было-бы даже странно ставить отзывы такихъ людей на одну доску съ сердечными изліяніями Штейна, этого мужа, неспособнаго къ какой-бы то ни было лести. Если Штейнъ не могъ достаточно удивиться тому, до какой степени способенъ былъ Александръ къ преданности дѣлу, къ самопожертвованію, къ одушевленію относительно всего великаго и благороднаго, то каждое слово его отзыва можетъ быть подтверждено неизгладимыми великими фактами, занесенными на страницы исторіи. Александръ былъ дѣйствительно такимъ, какъ зналъ его Штейнъ. иначе онъ не могъ-бы совершить тѣхъ безсмертныхъ подвиговъ, съ которыми сязано его имя въ исторіи, не могъ-бы явиться освободителемъ Европы, благодѣтелемъ челоуѣчества. Спрашивается, откуда-же почерпнулъ Александръ гигантскія силы для совершенія своихъ подвиговъ, присуци-ли были эти силы ископи его характеру, развиты-ли онѣ были его воспитаніемъ, проявлялись-ли онѣ равномѣрно во всѣ періоды его государственной дѣятельности, или-же онѣ явились результатомъ долгаго опыта и тяжкихъ страданій и почерпнуты были имъ изъ того высокаго источника, который оставался для него сокрытымъ въ первые годы его царствованія?

*) Къ категоріи подобныхъ-же мнѣній можетъ быть отнесенъ и отзывъ извѣстнаго французскаго посла въ С.-Петербургѣ Ла-Фероане. См. *Лыпинъ*. „Очерки обществннаго движенія при имп. Александрѣ“. Томъ 1, стр. 764.

Ненависть видить иногда прозорливѣе и вѣрнѣе дружбы. Враги Александра дѣйствительно подымѣли вѣрно слабую черту въ характерѣ Императора. Александръ не принадлежалъ къ числу особенно сильныхъ людей. Нерѣшительность, робость, неувѣренность въ своихъ силахъ составляли, искони, отличительную черту его характера. Среда, въ которой онъ росъ и развивался, роковыя обстоятельства, вліявшія на него въ періодъ нѣжнаго дѣтства и юности, не могли развить въ немъ ни самостоятельной силы, ищущей опоры лишь въ самой себѣ, ни безусловнаго довѣрія къ людямъ, ни твердой, непоколебимой послѣдовательности. Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ началъ сознавать себя, онъ вынужденъ былъ хитрить, уклоняться, лавировать, переживать тяжелую внутреннюю борьбу, примирять въ своей душѣ самыя противоположныя нравственныя чувства. Его воспитаніе *) не было построено ни на незыблемо твердыхъ началахъ религіи, ни на основаніяхъ дѣйствительно научной серьезной философіи. Любопытно, что модная философія вѣка, — философія, желавшая просвѣщать и объяснять все во что-бы то ни стало, — философія, блиставшая гуманностью и приправленная слезливою сентиментальностью во вкусѣ Руссо, но лишенная въ сущности всякаго солиднаго научнаго основанія, — философія, примѣнявшая къ наукамъ нравственнымъ методъ чисто абстрактный, математическій, — философія, думавшая передѣлать и осчастливить съ помощью нѣсколькихъ мечтательныхъ теорій чело-вѣческое общество, однимъ словомъ, — философія энциклопедистовъ положена была въ основу воспитанія Александра. Либеральныя идеи вѣка, проникавшія знаменитый *Наказъ* Екатерины II, должны были служить нормою воспитанія и ея царственнаго внука. Странное, непонятное заблужденіе! Екатерина, сознававшая такъ ясно всю великую разницу между теоріею и дѣйствительностью, съумѣвшая примѣниться такъ хорошо къ первоначально чуждой ей средѣ, отстаивавшая такъ энергически и такъ послѣдовательно самобытное развитіе русской государственной жизни, поддалась и на этотъ разъ обаянію модныхъ идей, задумала постронить развитіе и образова-

*) О воспитаніи Александра говорятъ подробно Цыпинъ и Богдановичъ въ своей исторіи Александра I-го.

ніе будущаго самодержавнаго правителя Россіи на зыбкомъ пескѣ философіи энциклопедистовъ и слезливой морали Руссо. Правда, въ числѣ воспитателей и учителей Александра мы встрѣчаемъ такихъ несомнѣнно почтенныхъ и глубоко свѣдущихъ въ своихъ отрасляхъ людей, какъ академикъ Крафтъ, какъ знаменитый Палласъ; но всякій легко пойметъ, что вліяніе этихъ ученыхъ специалистовъ было болѣе нежели мимолетное и что оно никоимъ образомъ не могло касаться развитія внутренней нравственной стороны въ характерѣ Александра.

На религіозное воспитаніе будущаго самодержца было обращено вниманіе во всѣхъ отношеніяхъ крайне поверхностное. Опущеніе страшное, особенно если мы сообразимъ, какое колоссальное значеніе имѣетъ въ жизни народа русскаго начало религіозное, начало православія. Извѣстно, что законоучителемъ Императора Павла Петровича былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ архипастырей русской Церкви, митрополитъ Платонъ. Утверждаютъ, что Императрица Екатерина осталась недовольна уроками Платона *), что она приписывала даже многіе изъ недостатковъ Павла вліянію его законоучителя. Какъ-бы то ни было, но религіозное воспитаніе Александра было поручено не Платону и не какому-либо изъ выдающихся свѣтилъ русской Церкви, а человѣку мало извѣстному и во всякомъ случаѣ не выдававшемуся ни своими богословскими познаніями, ни религіозно-нравственными качествами. Протоіерей Андрей Афанасьевичъ Самборскій **) обучался, по своему собственному свидѣтельству, первоначально въ Бѣлгородской семинаріи, затѣмъ перешелъ въ Кіевскую академію, гдѣ „отчасти слушалъ богословіе“. Судьба забросила его въ Англію. Здѣсь онъ состоялъ сначала причетникомъ при посольской церкви, а затѣмъ посвященъ былъ въ священники. Какъ человѣкъ, могшій отправлять на греческомъ языкѣ все церковное священнослуженіе и какъ знатокъ англійскаго языка, онъ совершалъ бого-

*) Объ отношеніяхъ Екатерины къ Платону см. *Морошкинъ*. „*Иезуиты въ Россіи*“. Томъ II стр. 19 и 20; „*Русскій Архивъ*“ 1866 г. стр. 539. „*Воспоминанія Снегирева*“; „*Записки Храповицкаго*“, стр. 33, 59.

**) О Самборскомъ, см. *Морошкинъ*. „*Иезуиты въ Россіи*“. Авторъ пользовался документами, хранящимися въ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода; нѣкоторые изъ нихъ онъ приводитъ въ своей книгѣ дословно. Т. II. стр. 21—25.

служеніе и всѣтребы для англичанъ, воспринявшихъ православіе. Оставаясь въ Англіи въ теченіи цѣлыхъ 19 лѣтъ, о. Самборскій женился на англичанкѣ и до такой степени усвоилъ себѣ англійскія привычки и взгляды, что не могъ отдѣлаться отъ нихъ и по возвращеніи въ Россію. По всему складу своего ума, по своимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ, Самборскій былъ скорѣе челоуѣкъ свѣтскій, нежели духовный. Онъ былъ хорошій агрономъ, отличный садоводъ, но весьма посредственный богословъ. Само правительство такъ смотрѣло на него. По возвращеніи изъ Англіи въ 1780 году онъ былъ назначенъ протоіереемъ собора въ городѣ Софія (т. е. въ Царскомъ селѣ), „во всемилостивѣйшемъ уваженіи на похвальное поведеніе его и радѣтельное смотрѣніе за учащимися въ Англіи земледѣльной и другимъ домостроительнымъ наукамъ россійскими молодыми людьми“. И въ Царскомъ селѣ о. Самборскій занимался больше хозяйствомъ и садоводствомъ, нежели богословіемъ. Не кто другой, какъ онъ, распланировалъ, между прочимъ, знаменитый Царско-сельскій садъ.

Мы не знаемъ, насколько былъ развитъ о. Самборскій въ общеобразовательномъ смыслѣ. Быть можетъ, онъ стоялъ въ этомъ отношеніи даже выше многихъ изъ своихъ братій; но возникаетъ вопросъ, не уступалъ-ли онъ имъ въ другихъ болѣе существенныхъ отношеніяхъ, не удалялся-ли онъ отъ чистоты и духа православія? Что на этотъ счетъ про о. Самборскаго ходили не совсѣмъ хорошіе слухи, явствуетъ изъ его собственноручнаго письма къ митрополиту Амвросію. „Ваше отмѣнное ко мнѣ благоволеніе и вниманіе, пишетъ онъ митрополиту, *) оказанныя во всѣхъ случаяхъ и во всѣхъ мѣстахъ, тѣмъ драгоценнѣе, полезнѣе и спасительнѣе для меня, что я, какъ внутри любезнѣйшаго моего отечества, такъ и внѣ онаго, вкушалъ горькіе и опасные плоды страшнаго суевѣрія. Мое рѣшительное повиновеніе благонамѣреннымъ Божиимъ помазанникамъ навлекло на меня различныя толкованія. Время, содержащее въ себѣ строгое испытаніе всему, исполненіе моего многотруднаго служенія, одобренія и безпристрастнаго свидѣтельства Вы-

*) Письмо Самборскаго приведено у Морошкява; онъ нашелъ его въ архивѣ канцеляріи Петербургскаго митрополита. Стр. 25.

сочайшихъ особъ, должны теперь положить единый и ясный смыслъ на оныя многоразличныя толкованія“. Въ этомъ письмѣ Самборскій рисуется какъ нельзя лучше. Какъ человѣкъ чисто свѣтскій и придворный, онъ возлагаетъ все свое упованіе на одобреніе Высочайшихъ лицъ. Онъ не отрицаетъ, что и въ Россіи и за границею онъ вкушалъ горькіе и опасные плоды суевѣрія, но онъ старается оправдать себя тѣмъ, что всегда рѣшительно повиновался волѣ благонамѣренныхъ Божіихъ помазанниковъ. Не ясно-ли изъ всего этого, что мы имѣемъ дѣло не съ человѣкомъ твердымъ въ своей вѣрѣ, чуждымъ страха человѣческаго, не съ глубокимъ богословомъ, а съ свѣтскимъ и ловкимъ дипломатомъ, лишеннымъ всякихъ глубокихъ и сильныхъ убѣжденій?

Такой человѣкъ навѣрное не воспитаешь фанатика, но онъ не разовьетъ въ душѣ воспитанника истиннаго религіознаго чувства, не утвердитъ его въ догматахъ православной Церкви, не ознакомитъ его достаточно съ внутреннимъ смысломъ православнаго вѣроученія. Екатерина, говорятъ намъ, при назначеніи Самборскаго въ законоучители для своего внука, главнымъ образомъ, имѣла въ виду предохранить Александра отъ религіознаго фанатизма, поставить его выше всѣхъ вѣроисповѣдныхъ разностей. *) Эта цѣль была дѣйствительно достигнута, но достигнута дорогою цѣною. Уроки о. Самборскаго обнаружили весьма слабое вліяніе на Александра, можно сказать даже, что это вліяніе было скорѣе отрицательное, нежели положительное. Онъ заставлялъ своего царственнаго питомца учить наизусть краткій катихизисъ, составленный для сельскихъ школъ, онъ научилъ его исполнять формально обряды православной Церкви, но никогда не давалъ себѣ труда растолковать ему сокровенный смыслъ и значеніе этихъ обрядовъ. Впослѣдствіи самъ Александръ горько жаловался на такой способъ религіознаго воспитанія. **) Въ душѣ его, по его собственнымъ словамъ, господствовала страшная пустота. ***) Онъ

*) *Морошкинъ*. „Иезуиты въ Россіи“ Т. II стр. 25.

**) См. между прочимъ свидѣтельство квакера Грелье у Морошкина Т. S. стр. 20.

***) См. *Бовалевскаго*: „Графъ Влудовъ и его время“, стр. 58 и слѣд.; Eylert, *Characterzüge aus dem Leben Alexanders*. Т. I, стр. 246—248.

не зналъ Бога. Онъ произносилъ утромъ и вечеромъ молитвы, но онъ дѣлалъ это сначала по принужденію, а потомъ по привычкѣ. Изъ всѣхъ его воспитателей ни одинъ не въ состояніи былъ пополнить страшнаго пробѣла, оставленнаго о. Самборскимъ.

Главный воспитатель великаго князя, Салтыковъ, уже по самому свойству своей природы не могъ имѣть преобладающаго вліянія на своего питомца. Онъ былъ, какъ увѣряютъ современники, человекъ добрый и религіозный, отличался умомъ и проницательностью; но его религіозность лишена была всякаго внутренняго высшаго содержанія, а его умъ и проницательность были довольно относительнаго и чисто практическаго свойства. Самое большее, что могъ онъ сдѣлать, это слѣдить лишь за чисто вѣшнею обстановкою своего воспитанника, могъ знакомить Александра съ правилами придворной политики, и только. *) Во всѣхъ отношеніяхъ онъ принужденъ былъ уступить первое мѣсто человеку, занимавшему оффиціально постъ второстепенный, но руководившему въ дѣйствительности дѣломъ воспитанія, швейцарскому полковнику Лагарпу. Лагарпъ **) былъ человекъ совершенно честный и въ сравненіи съ Салтыковымъ высоко образованный. Онъ относился къ своему царственному питомцу съ безусловною преданностью, съ горячею любовью; онъ старался передать ему все то, чѣмъ полна была его голова, чѣмъ преисполнено было его сердце. Но кто такой былъ самъ Лагарпъ, и что могъ онъ передать Александру? Ученый швейцарецъ былъ настоящимъ типомъ образованнаго, проникнутаго гуманными идеями вѣка, французца. ***) Современная просвѣтительная литература казалась ему послѣднимъ и высочайшимъ откровеніемъ человѣческаго разума. Гуманныя, но притомъ чисто отвлеченныя понятія добродѣтели, свободы, равенства, братства, — идеи, поясняемыя и подтверждаемыя при-

*) См. *Цитинъ*. „Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I“, гдѣ приведены, между прочимъ, свидѣтельства Грибовскаго и Массона. „Вѣстникъ Европы“ 1870 г. Т. 1. стр. 739 и 740.

**) О Лагарпѣ см. прежде всего его Мемуары, изданные въ Парижѣ и Женевѣ въ 1864; кромѣ того: „Русскій Архивъ“ 1866 и 1869 г. „Русская Старина“ 1870, *Цитинъ*. „Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I“, стр. 741 и слѣдующія.

***) См. Bernhardt, *Geschichte Russland's*. Т. 2. Abtheilung 2. S. 442.

мѣрами, взятыми изъ подслащеннаго Плутарха, должны были вліять, по его мнѣнію, исключительно на развитіе ума и характера будущаго самодержца. Лагарпъ придавалъ также большое значеніе тѣмъ отвлеченнымъ теоріямъ общественнаго развитія, которыя онъ вычиталъ у Гиббона, Сидни, Мабли и Руссо. Какъ истый теоретикъ, французъ XVIII в., онъ приписывалъ этимъ теоріямъ абсолютное значеніе, почиталъ ихъ безусловно примѣнимыми ко всякой жизни и обществу.

Религія занимала въ воспитательной системѣ Лагарпа мѣсто болѣе, нежели второстепенное. Само собою понятно, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго опредѣленнаго представленія, не только о православіи, но и о христіанскомъ ученіи вообще. Его религіозныя понятія ограничивались туманнымъ представленіемъ о верховномъ божествѣ, о какой-то невѣдомой, непостижимой и таинственной силѣ, вліяющей на судьбу людей и народовъ. Онъ могъ почерпнуть подобное представленіе изъ тѣхъ масонскихъ и мартинистскихъ ученій, *) которыя на ряду съ философскими доктринами XVIII в. составляли главныя основы его умственнаго и нравственнаго міровоззрѣнія. Старался-ли Лагарпъ внушить Александру свои религіозныя мнѣнія, — мы не знаемъ положительно, но несомнѣнно, что онъ успѣлъ передать своему питомцу то глубокое уваженіе къ достоинству человѣческой личности, которое не оставляло потомъ Императора до самой послѣдней минуты жизни, то инстинктивное отвращеніе ко всему порочному и злему, которое всегда составляло одно изъ наиболѣе симпатичныхъ свойствъ его натуры.

Въ воспитаніи Александра былъ еще и другой страшный пробѣлъ. Воспитатели его не знали Россіи и народа русскаго. Внушая ему любовь къ человѣчеству, ставя ему такія высокія задачи, какъ освобожденіе, просвѣщеніе народа русскаго, они не въ состояніи были дать ему самыхъ элементарныхъ понятій объ этомъ народѣ, объ его бытѣ, характерѣ, о его нравственномъ и религіозномъ міровоззрѣніи. Столь-же мало познакомили они Александра и съ исторіею русскаго народа, съ особенностями русскаго государственнаго и общественнаго

*) О связи Лагарпа съ масонами и мартинистами см. Carefigue, La bagoune Krüdener, pag. 76.

строю. Александръ, будучи уже нѣсколько лѣтъ государемъ, не зналъ, что въ Россіи помѣщики продаютъ крестьянъ безъ земли, также въ одиночку, разлучая мужа съ женою, родителей съ дѣтьми. Во время одного изъ своихъ пребываній за границею, въ разговорахъ съ иностранцами, онъ съ негодованіемъ отвергалъ существованіе подобныхъ явленій. Каковы-же были его удивленіе, его гнѣвъ, кѣгда онъ вдругъ получилъ жалобу отъ крестьянъ одной помѣщицы, продавшей ихъ безъ земли извѣстному заводчику Берду! Государь немедленно-же препроводилъ эту жалобу въ Государственный Совѣтъ, причемъ высказалъ свое удивленіе и недоумѣніе по поводу одной возможности такихъ вопіющихъ злоупотребленій. Члены Государственнаго Совѣта въ свою очередь были не мало изумлены, что отъ вниманія Императора укрылись такія вещи, которыя вовсе не считались злоупотребленіемъ въ тогдашней Россіи, которыя совершались чуть не каждый день передъ окнами Зимняго дворца *). Итакъ, вотъ какія крупныя черты изъ русской жизни остались сокрытыми для Александра по милости его воспитателей, но за то они познакомили его, до послѣднихъ тонкостей, съ республиканскими учрежденіями Швейцаріи и съ парламентарнымъ устройствомъ Англіи.

Лагарцъ и другой воспитатель Александра, М. Н. Муравьевъ, старались привить своему питомцу и ту сентиментальную чувствительность, то умиленіе красотами природы, то полувосторженное, полуплаксивое восхищеніе идеалами чело-вѣческой добродѣтели, ту нервозную афектацію,—которыя были въ ихъ глазахъ обязательною принадлежностью каждаго философски образованнаго чело-вѣка. Сама Екатерина поощряла это направленіе. Еще въ дѣтскіе годы Александръ долженъ былъ упиваться чтеніемъ трогательныхъ исторій о добродѣтельныхъ царевичахъ, присутствовать при домашнихъ представленіяхъ сентиментальныхъ драмъ и оперетокъ. Идилліи Геспера сдѣлались впоследствии его любимымъ чтеніемъ. Какъ благоговѣлъ онъ даже въ позднѣйшіе годы своей жизни передъ

*) Разсказъ этотъ передаетъ Морошкинъ. Онъ слышалъ его отъ Тургенева, бывшаго очевидцемъ сцены, происшедшей по этому поводу въ Государственномъ Совѣтѣ. „Дезуиты въ Россіи“ Т. II. стр. 18.

памятью скромнаго, забытаго уже почти всѣмъ міромъ поэта! Среди неслыханнаго блеска своихъ побѣдъ, на высотѣ своей славы, онъ мечталъ о тихой безмятежной жизни поселянина, о его идиллическомъ счастіи. Возвращаясь въ 1815 году изъ Парижа черезъ Швейцарію, онъ отправился на поклоненіе къ могилѣ любимаго пѣвца. Въ Богеміи, въ годовщину Лейпцигскаго боя, онъ собственноручно пахалъ поле и вызвалъ тѣмъ взрывъ умиленія и восторга у присутствовавшихъ лицъ *). Красивый деревенскій видъ, простая обстановка крестьянскаго жилища приводили его всегда въ умиленіе, способны были вызвать у него восторженныя восклицанія и слезы. Такимъ былъ онъ въ пору нѣжной юности, когда онъ велъ въ царскосельскихъ садахъ восторженныя бесѣды о свободѣ, счастіи и добродѣтели съ своимъ другомъ Адамомъ Чарторыжскимъ, **) когда онъ посвящалъ его и свою юную супругу въ свои гуманные планы, когда онъ говорилъ имъ съ восторгомъ о своихъ твердыхъ намѣреніяхъ освободить и облагодѣтельствовать Россію, явиться благодѣтелемъ страждущаго и угнетеннаго человѣчества.

Воспитаніе Александра окончилось очень рано. Уже на 16 году жизни онъ вступилъ въ бракъ съ Баденскою принцессою Елисаветою, и уже черезъ два года послѣ этого онъ разстался съ горячо любимымъ воспитателемъ своимъ, Лагарпомъ. Спрашивается, что-же дало воспитаніе его несомнѣнно даровитой, прекрасной натурѣ? Съ какими задатками выпустило оно его на поприще жизни? Если-бы Александръ былъ призванъ къ скромной и обычной жизни частнаго человѣка, то результаты его воспитанія могли - бы еще быть признаны удовлетворительными. У него не было недостатка во всѣхъ тѣхъ качествахъ, которыя могутъ облагородить человѣка, которыя даютъ ему возможность прекрасно устроить свою жизнь, осчастливить себя и другихъ. Онъ былъ способенъ къ самой нѣжной привязанности, горячая восторженная дружба была первою потребностью его души. Какъ искренно привязался онъ къ первымъ совѣтникамъ своего царствованія, какъ дружественно-брат-

*) Bernhardi. Geschichte Russland's, T. III. стр. 3—4.

*) См. Alexandre I et le prince Czartoryski, Paris, 1865, цитируется у Пнина, стр. 750 и слѣд.

сьи были его отношенія къ Строгонову, Новосильцову, Кочубею! А его романтическая дружба съ королемъ прусскимъ, этотъ трогательный союзъ двухъ монарховъ, заключенный у гробницы Фридриха Великаго, — союзъ, затемненный лишь на короткое время Тильзитскимъ миромъ, скрѣпленный затѣмъ на столькихъ поляхъ битвъ, неразрывный, неизмѣнный до самой смерти! Сердце Александра чутко отзывалось на чужое страданіе и горе, а тяжелыя катастрофы, виновникомъ которыхъ онъ могъ считать самого себя, способны были довести его до порывовъ неподдѣльнаго горя, близкаго къ полному отчаянію. Какъ человѣкъ, какъ онъ близокъ нашему сердцу въ такія трагическія минуты, когда юная душа его содрогается до сокровеннѣйшей глубины своей при видѣ страшнаго Аустерлицкаго поля, усѣяннаго тысячами убитыхъ, умирающихъ, изувѣченныхъ, когда голова его сѣдѣетъ въ одну ночь послѣ страшной вѣсти о взятіи Москвы Наполеономъ! *) Если сердце Александра было доступно самымъ глубокимъ и нѣжнымъ чувствамъ, то умъ его былъ наполненъ въ то-же время самыми возвышенными и благородными идеями. Свобода, счастье человѣчества, — вотъ тѣ идеалы, къ осуществленію которыхъ рвется онъ всю свою жизнь. Онъ не желаетъ царствовать надъ рабами, онъ въ простотѣ сердца тяготится своею неограниченною властью, онъ силится просвѣтить, облагородить, освободить свой народъ. Позднѣе онъ возлагаетъ на себя неслыханно тяжелую задачу освобожденія цѣлой Европы отъ позорныхъ цѣпей рабства, палоченныхъ на нее могучею рукою сильнѣйшаго человѣка эпохи—Наполеона. Еще позже онъ является безкорыстнымъ покровителемъ свободныхъ идей вѣка, заступникомъ и распространителемъ либеральныхъ учрежденій во всѣхъ европейскихъ государствахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти стремленія, всѣ эти порывы Александра коренились въ тѣхъ человѣчныхъ идеяхъ и склонностяхъ, которыя развило въ немъ воспитаніе. Но къ сожалѣнію, это воспитаніе совершило въ немъ лишь половину своего дѣла. Оно бросило въ его душу и умъ прекрасныя сѣмена

*) Объ Александрѣ въ день Аустерлицкаго сраженія см. Bernhardt, Tolle's Denkwürdigkeiten. T. I. стр. 137—168.

и зародыши, но оно не подготовило настоящей почвы для ихъ укрѣпленія и развитія. Оно не приготовило его достаточно къ тяжелымъ испытаніямъ жизни, оно не закалило его для борьбы, оно не дало ему необходимаго запаса свѣдѣній, оно не приучило его къ серьезному труду, оно не воспитало въ немъ суроваго чувства долга, оно не развило въ немъ твердой самостоятельной воли, и неразрывно связанной съ нею послѣдовательности и вѣрности самому себѣ. Широки и необъятны были начинанія Александра, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ успѣвалъ онъ довести ихъ до конца. Съ какимъ энтузіазмомъ приступилъ онъ къ преобразовательной дѣятельности въ первое время своего царствованія, и какъ быстро смугилась его душа, какъ скоро пошатнулась его воля при появленіи первыхъ препятствій, при первомъ смутномъ сознаніи, что начатое дѣло не можетъ быть осуществлено одними благородными порывами, что оно потребуетъ долгаго, копотливаго, неустаннаго труда! Онъ старается даже не думать объ этомъ трудѣ. Онъ мечтаетъ уже о томъ недалекомъ, по его мнѣнію, времени, когда, сдѣлавъ Россію свободною и счастливою, онъ отречется отъ престола и предастся тихой жизни частнаго чловѣка *). Александръ убѣждается, однако-же вскорѣ, что цѣль, поставленная имъ во внутренней политикѣ, не можетъ быть достигнута такъ легко и быстро, какъ предполагалъ онъ вначалѣ. И вотъ онъ начинаетъ охладѣвать къ внутреннимъ вопросамъ, онъ старается забыть о нихъ, онъ бросается, наконецъ, очертя голову, въ водоворотъ политики внѣшней, выступаетъ въ роли защитника европейскаго равновѣсія.

Безъ сомнѣнія, и въ этомъ новомъ стремленіи Александра лежала совершенно здравая политическая идея. Россія никоимъ образомъ не могла оставаться спокойною, безучастною зрительницею переворотовъ, потрясавшихъ тогда старую Европу. Великій завоеватель, сосредоточившій тогда въ своихъ рукахъ всю страшную силу, весь горячій энтузіазмъ революціонной Франціи, видимо стремился къ порабощенію всего материка, къ міровому владычеству. Россія не имѣла права считать себя

*) Свои мечты и надежды Александръ высказываетъ въ письмахъ къ Латарну. См. *La Russie et les Russes*. 1. p. 433.

гарантированной отъ опасности, грозившей всѣмъ и каждому; какъ членъ великой европейской семьи, она должна была позаботиться объ интересахъ общихъ уже въ виду своихъ частныхъ интересовъ. Александръ смутно сознавалъ всю необходимость, всю неизбежность борьбы съ мировымъ завоевателемъ; но онъ бросился въ эту борьбу лишь подъ вліяніемъ страстнаго порыва, не соразмѣривъ своихъ силъ съ силами противника, не выждавъ удобнаго момента, не задавшись разъ определенной цѣлью, не вооружившись непреклонною энергіею и безусловно вѣрою въ правоту своихъ намѣреній. Александръ и его молодые сподвижники ринулись въ борьбу съ Наполеономъ въ пылу благороднаго негодованія, вызваннаго въ нихъ гнуснымъ убійствомъ герцога Энгиенскаго. Они захотѣли выступить мстителями за поругавшую общественную нравственность, за неслыханное нарушеніе всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Увлекаемые своимъ горячимъ чувствомъ, слѣпые ко всѣмъ ужаснымъ урокамъ столь недавняго прошлаго, они воспламенились, по словамъ Шишкова *), чловѣка грубаго и недалекаго, но во всякомъ случаѣ трезваго, прямаго и религіознаго,—гордостью и самонадѣянностью. Мысль о пораженіи и притомъ страшномъ, небываломъ, не приходила имъ въ голову; они хотѣли быть сами свидѣтелями и участниками своей побѣды, блестящаго торжества правды надъ злодѣяніемъ и преступленіемъ. „Поскакали всѣ на поле сраженія, говоритъ тотъ-же Шишковъ, боялись, что французы не дождутся ихъ и уйдутъ; но по несчастью, они не ушли и доказали имъ, что въ подобныхъ случаяхъ лучше терпѣливая опытность, нежели неопытная опрометчивость“.

Александръ былъ въ эти роковыя минуты самоувѣреніе и опрометчивѣе своихъ молодыхъ, горячихъ совѣтниковъ. Опъ готовъ былъ, слѣдуя совѣту Чарторыжскаго, имѣвшаго при этомъ свои заднія польскія цѣли, напасть на Пруссію за то, что она

*) Записки адмирала Шишкова. Т. I стр. 95. Приводя отзывъ Шишкова, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что почтенный адмиралъ, какъ чловѣкъ Екатерининской эпохи, относился вообще крайне несочувственно и ко всему направленію политики Александра въ первые годы царствованія и въ особенности къ свѣтникамъ и любимцамъ молодого Императора. См. Записки Т. I, стр. 81—86. Въ данномъ случаѣ мнѣніе Шишкова вполне соответствуетъ, впрочемъ, сущности дѣла.

не рѣшалась выйти изъ своего нейтралитета; онъ отважился дать Аустерлицкое сраженіе, не смотря на совѣты своихъ лучшихъ и опытѣйшихъ генераловъ. А какъ страшно по-дѣйствовали на него первыя неудачи! Уже Аустерлицкій погромъ потрясъ до глубины души его нѣжную, женственную натуру; только неслыханное высокомеріе грубаго солдата - побѣдителя, глумившагося публично надъ его юношескими увлеченіями, только возстаніе Пруссіи удержали его тогда на пути чести и послѣдовательности, вызвали въ немъ новый проблескъ энергіи и рѣшимости. Но новые удары судьбы сломили его, повидимому, окончательно и безповоротно. Пораженіе подъ Фридландомъ разомъ потрясло его вѣру и въ правоту своего дѣла, и въ силу русскаго оружія, и въ солидарность своихъ интересовъ съ интересами своихъ союзниковъ. Его мягкая, впечатлительная и крайне неустойчивая натура не выдержала обаянія могучей солдатской фигуры Наполеона. Короткое свиданіе въ Тильзитѣ разомъ преобразило Александра, измѣнило всю систему его политики, отодвинуло на второй планъ всѣ мечты молодости, ниспровергло въ прахъ всѣ идеалы либеральной философіи. Изъ яраго врага революціоннаго завоевателя, изъ пламеннаго поборника европейской свободы, Александръ вдругъ превратился въ ревностнаго и вѣрнаго союзника французскаго императора. Личное знакомство съ Наполеономъ, посвященіе въ его грандіозные планы, измѣнили всѣ его воззрѣнія и на интересы Россіи, и на долгъ русскаго государя. Общее дѣло Европы показалось ему вдругъ несомѣстимымъ съ дѣломъ и выгодами Россіи, роль завоевателя вдругъ сдѣлалась въ его глазахъ несравненно заманчивѣе роли защитника общихъ интересовъ. Раздѣлить міръ съ такимъ великимъ человекомъ, какъ Наполеонъ, усилить и округлить свою Имперію на счетъ слабыхъ сосѣдей, закончить великое дѣло своихъ предшественниковъ, Петра и Екатерины, — вотъ были цѣли, которыя показались ему теперь единственно разумными и достижимыми, въ виду которыхъ онъ не задумался разорвать со всѣмъ своимъ прошлымъ, со всѣми своими прежними, столь дорогими его сердцу, мечтами.

Само собою понятно, что такой поворотъ въ политическихъ воззрѣнiяхъ Императора Александра неизбежно долженъ былъ отозваться и на тѣхъ людяхъ, которые являлись до сихъ поръ его главнѣйшими совѣтниками, которые связаны были съ нимъ не только узами личной дружбы, но единствомъ политическихъ воззрѣнiй. Значенiе и преобладающее влiянiе такихъ отъявленныхъ англомановъ, какъ Новосильцовъ, такихъ самостоятельныхъ характеровъ, какъ Кочубей, Строгоновъ, были несовмѣстимы съ новыми интимными отношенiями Императора къ Наполеону, съ тѣснымъ русско-французскимъ союзомъ *). Новая политическая система требовала и новыхъ людей, но найти этихъ людей въ тогдашней Россiи было не такъ легко. Все русское общество (о массѣ народа не можетъ быть, разумѣется, и рѣчи), отнеслось крайне несочувственно и къ Тильзитскому миру, и къ тѣсному союзу съ Францiею. Да и понятно. Если предшествующая война въ союзѣ съ Пруссiею казалась многимъ совершенно чуждою русскимъ интересамъ, то, —спрашивали себя тогдашнiе русскiе патриоты, —могли-ли выпиграть эти интересы отъ такого полнаго преклоненiя предъ императорскою Францiею, отъ такого слѣплаго служенiя цѣлямъ не только чуждымъ, но даже враждебнымъ намъ? **) Событiя не замедлили оправдать опасенiя русскiхъ патриотовъ. Императоръ французамъ далъ, правда, Россiи милостивое раз-

*) Новосильцовъ самъ замѣтилъ государю, что онъ долженъ выпигать его и притомъ, съ возможно большимъ шумомъ. Bernhardi, Geschichte Russlands. T. 2, S. 551. Строгоновъ и Кочубей послѣдствовали также удалиться отъ двора. Одинокъ только Чарторыйскiй продолжалъ пользоваться довѣрiемъ Александра, хотя въ это время онъ работалъ уже для Наполеона и Польши.

**) „Послѣдовавшiй вскорѣ засмѣхъ Тильзитскiй миръ, замѣчаетъ Шишковъ, уничижилъ чело могущественной Россiи принятiемъ самыхъ постыднѣйшихъ для ней условiй, превратившихъ презираемаго доселѣ и страшившагося насъ Бонапарте въ грознаго Наполеона“. Записки Шишкова Т. I с. 95. Какъ сильно было недовольство, видно, между прочимъ, изъ письма, адресованнаго адмираломъ Мордвиновымъ къ Императору Александру: „Итакъ миръ, скрываемый такъ долго, сдѣлался, наконецъ, извѣстнымъ“, говорится тамъ, между прочимъ. „Вашъ новый союзникъ послѣдшилъ разгласить въ журналахъ позоръ, брошенный имъ на наши головы. Сыны Россiи охотились-бы пролили послѣднюю каплю крови, нежели преклониться столь постыднымъ образомъ подъ иго того, кто не имѣетъ иного преимущества кромѣ того, что умѣлъ воспользоваться слабостью, измѣною и неспособностью“. Bernhardi, Geschichte Russlands T. 1 стр. 561.

рѣшеніе завоевать Финляндію, но этимъ и ограничились всѣ его добрыя услуги по отношенію къ намъ. Во всемъ остальномъ онъ относился къ Россіи съ тайнымъ недоброжелательствомъ, смотрѣлъ на нее, какъ на свое орудіе и, лаская насъ, втайнѣ готовилъ намъ окончательный и смертельный ударъ.

Наполеонъ далъ въ Тильзитѣ торжественное обѣщаніе поддерживать Россію въ ея распрѣ съ Турціею, доставить намъ Дунайскія княжества, Молдавію и Валахію; въ дѣйствительности, онъ никогда не думалъ исполнить этого обѣщанія, и если не явно, то тайно поддерживалъ султана въ его упорномъ сопротивленіи. Наполеонъ неоднократно старался также успокоить Александра на счетъ своихъ польскихъ плановъ, но работалъ въ то же время тщательно надъ ихъ осуществленіемъ, расширялъ то и дѣло предѣлы Варшавскаго герцогства, раздувалъ несбыточные мечты поляковъ, разжигалъ ихъ ненависть противъ Россіи. Россія должна была приносить въ жертву французскому императору свои существеннѣйшіе и драгоцѣннѣйшіе интересы. Въ угоду ему она должна была объявить войну Англіи, должна была наложить на себя невыносимое иго континентальной системы, подорвать свои финансы, внести нищету и разореніе въ свои вѣдра. *) Въ угоду тому-же ненасытному властолюбію она должна была принять участіе въ войнѣ противъ Австріи, въ подавленіи послѣдней материковой державы, осмѣлившейся поднять оружіе на защиту своей самостоятельности. Итакъ, Россія добросовѣстно исполняла свои союзныя обязательства и тѣмъ самымъ готовила явную гибель для себя. Съ ея согласія и при ея содѣйствіи Наполеонъ быстро соединялъ подъ своею властью всѣ страны европейскаго запада, утверждалъ и расширялъ свое владычество въ Германіи, Италіи и Польшѣ, покорялъ Испанію, истреблялъ всякое проявленіе самостоятельной силы,—все равно, въ какой-бы формѣ

*) Мордвиновъ такими чертами рисуетъ положеніе Россіи послѣ Тильзита: Повсемѣстная дороговизна и голодъ, повальные болѣзни, мятежи въ Астрахани и на Уралѣ, гибельный застой внѣшней и внутренней торговли, опустѣніе знаменитой Макарьевской ярмарки; всѣ сословія объаты однимъ общимъ чувствомъ отчаянія, непомѣрное и не оправдываемое нуждою увеличеніе массы бумажныхъ денегъ, разстройство финансовъ, нищета въ провинціяхъ, ропотъ и недовольство арміи. Bernhardt T. 1 стр. 562.

она ни проявлялась, въ протестъ-ли римскаго папы, въ свободной-ли мысли частнаго лица, въ попыткѣ-ли европейскаго государя отстоять свое собственное достоинство и интересы своего народа. Скопляя, такимъ образомъ, въ своихъ рукахъ силы цѣлаго міра для грядущей борьбы съ Россією, Наполеонъ вовсе не скрывалъ въ тоже время своихъ истинныхъ чувствъ и намѣреній по отношенію къ единственному своему союзнику, Императору Александру. Какъ мало щадилъ онъ личное самолюбіе Александра, видно изъ того, что онъ назначалъ послами въ Петербургъ такихъ лицъ, какъ Савари и Коленкура, лицъ, принимавшихъ самое непосредственное участіе въ гнусномъ убійствѣ герцога Энгиенскаго, въ томъ самомъ возмутительномъ фактѣ, который взволновалъ когда-то до глубины души благородную натуру Александра и вложилъ въ его руки мечъ защитника поправнаго права народовъ и свободы Европы. Теперь эти палачи выступали въ Петербургѣ въ роли представителей лучшаго друга Россіи и ея Государя. И какъ надменно, какъ заносчиво держали они себя тутъ! Государь встрѣчалъ ихъ съ изысканными почестями и вниманіемъ; дворъ, все знатное общество должны были ухаживать за ними. „Коленкуръ, *) замѣчаетъ Шишковъ, былъ первѣйшею особою въ Петербургѣ, едва не считавшею себя, наравнѣ съ Александромъ, первымъ. Я не могъ безъ сокрушенія сердца видѣть сію возносчивость его и радовался только тому, что не будучи въ кругу двора при мѣтенъ, могъ избѣгать отъ непріятнаго для меня съ нимъ знакомства. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ уклонялся отъ приглашенія его въ домъ свой, но долженъ это былъ сдѣлать по неволѣ“.

При такомъ образѣ дѣйствій своего союзника и его агентовъ, при такомъ настроеніи умовъ, въ средѣ лучшаго русскаго общества Императоръ Александръ не могъ, разумѣется, найти такихъ людей, которые относились-бы искренно къ идеѣ французскаго союза, которые своими симпатіями поддерживали-бы Императора на его новомъ пути. Изъ всѣхъ совѣтниковъ, окружавшихъ Александра въ эту эпоху его царствованія, ни одинъ, за исключеніемъ канцлера Румянцева, не относился сколько-

*) Записки Шишкова. Т. I стр. 96.

нибудь искренно и съ убѣжденіемъ къ французскому союзу. Аракчеевъ никогда не имѣлъ опредѣленныхъ и самостоятельныхъ взглядовъ на вопросы вѣшной политики. Сознвая свою полную несостоятельность на этомъ поприщѣ и заботясь болѣе всего о сохраненіи своего личнаго вліянія на Государя, онъ никогда не позволялъ себѣ высказывать свои мнѣнія тамъ, гдѣ они не могли сойтись съ взглядами и намѣреніями Императора. Сперанскій, пользовавшійся въ эту эпоху преобладающимъ вліяніемъ на Александра, относился, насколько мы можемъ судить объ этомъ, довольно холодно къ союзу съ Наполеономъ. Мы не знаемъ, отваживался-ли онъ представлять Императору всю непрочность и неестественность этого союза, всю его опасность для Россіи; но мы не имѣемъ въ тоже время никакого права заподозривать его въ какихъ-бы то ни было французскихъ симпатіяхъ. Гнусная интрига, жертвою которой сдѣлался въ послѣдствіи благороднѣйшій изъ русскихъ дѣятелей этой эпохи, старалась выставить его чуть не измѣнникомъ, чуть не главнымъ сообщникомъ Наполеона въ его посягательствѣ на самостоятельность Россіи, но этой интригѣ не вѣрили, по всей вѣроятности, даже ея творцы. Сперанскій былъ, правда, большимъ поклонникомъ Наполеоновскаго кодекса, онъ высказывался, какъ говорятъ, съ похвалою о вѣротерпимости Наполеона, но отсюда еще очень далеко не только до полнѣйшей солидарности съ замыслами чуждаго завоевателя, но даже и до безусловнаго одобренія русско-французскаго союза.

Но возникаетъ вопросъ, насколько искренно относился самъ Александръ къ своей дружбѣ съ Наполеономъ, не скрывалъ-ли онъ во всемъ этомъ дѣлѣ съ самаго начала своихъ мыслей? Что Александръ думалъ еще въ Тильзитѣ только обмануть Наполеона и воспользоваться имъ для своихъ цѣлей, утверждать это можетъ только тотъ, кто составилъ себѣ самое поверхностное понятіе о характерѣ Александра, кто усвоилъ себѣ всецѣло мнѣніе самого Наполеона объ Александрѣ, какъ о великомъ актерѣ,—мнѣніе, высказанное, впрочемъ, французскимъ императоромъ въ припадкѣ досады и обманутаго ожиданія. Если мы припомнимъ, что одна изъ наиболѣе выдающихся чертъ въ характерѣ Императора Александра была необыкновенная

живость, впечатлительность, увлекаемость, то мы поймемъ, что въ первое время своего личнаго знакомства съ Наполеономъ, онъ легко могъ поддаться чарующему вліянію гигантской личности своего соблазнителя, что онъ могъ вѣрить ему на слово, могъ входить въ его идеи, увлекаться его планами. Но подобное самообольщеніе могло продолжаться во всякомъ случаѣ крайне недолго. Если Румянцевъ и подобные ему поверхностные политики могли вѣрить чуть не до конца въ искренность Наполеона и въ его благорасположеніе къ Россіи, то Императоръ Александръ уже въ силу своей природной пронизательности, своей подозрительности и недо-вѣрчивости, долженъ былъ разочароваться очень скоро въ своемъ союзникѣ. Какъ человекъ въ высокой степени сдержанный, наученный еще въ молодости скрывать свои истинныя чувства, онъ сумѣлъ, однакоже, подавить въ глубинѣ своей души это разочарованіе, сумѣлъ казаться искреннимъ и преданнымъ союзникомъ Наполеона даже въ то время, когда раздраженіе, гнѣвъ и чувство мести уже брали въ немъ верхъ надъ прежними порывами удивленія и преданности. Стараясь подражать самому Наполеону, Александръ силился извлечь какъ можно болѣе выгодъ изъ союза съ Франціею, но въ то же время онъ заботился, чтобы его эгоистическій союзникъ не осуществилъ вполнѣ своихъ плановъ, чтобы онъ не подавилъ окончательно всѣ тѣ силы, которыя могли бы сосредоточиться вокругъ Россіи въ случаѣ неизбежнаго разрыва.

Само собою понятно, что Александръ не могъ помѣшать Наполеону въ его далекомъ испанскомъ предиріятіи, но за то онъ поддерживалъ его крайне вяло въ его войнѣ съ Австріею и бралъ рѣшительно подъ свою защиту Пруссію отъ его непрестанныхъ посягательствъ. Наполеонъ систематически покровительствовалъ полякамъ и поддерживалъ въ нихъ надежды на возстановленіе Рѣчи Посполитой, Александръ тоже старался составить себѣ партію между поляками и тоже, во всякомъ случаѣ съ большею искренностью, нежели его союзникъ, обѣщаль имъ возстановленіе ихъ государства. Оба союзника вели, такимъ образомъ, тайную войну другъ противъ друга еще въ то время, когда ихъ взаимныя отношенія могли показаться сто-

ронному наблюдателю вполне дружественными. Наступилъ однако-же моментъ, когда пламя вражды начало насильственно пробиваться наружу, когда великій и страшный поединокъ между Россіею и Франціею, — поединокъ, долженствовавшій рѣшить участь цѣлаго міра, становился неизбежно съ каждымъ днемъ. Уже въ началѣ 1811 года никто изъ мыслящихъ людей въ Европѣ не сомнѣвался, что дружба, заключенная въ Тильзитѣ и скрѣпленная въ Эрфуртѣ, быстро близится къ своему концу. Уже съ этого времени обѣ стороны начали свои гигантскія приготовленія къ борьбѣ, и уже въ это время умы наблюдательные, смотрѣвшіе на Россію, какъ на послѣдній оплотъ европейской свободы, невольно задавали себѣ страшно-мучительный вопросъ: выдержитъ-ли Россія натискъ Наполеоновской силы, не истощатся-ли ея средства въ неравной борьбѣ и, что самое главное, найдетъ-ли Императоръ Александръ въ своей душѣ силы, необходимыя для перенесенія неслыханно-тяжелаго испытанія, въ состояніи-ли онъ будетъ проникнутъ глубокою и непоколебимою вѣрою въ Божественное провидѣніе, съумѣетъ-ли слиться съ своимъ народомъ въ единомъ чувствѣ высокаго, непобѣдимаго энтузіазма, проистекающаго изъ вѣчно живыхъ источниковъ всякой силы, народнаго и религіознаго чувства? Примѣръ Испаніи ясно показалъ всему міру, что только изъ этихъ источниковъ можетъ почерпнуть угнетенный народъ способность бороться съ такою демоническою, всеокрушающею силою, какова была сила Наполеона. Возникъ самъ собою роковой вопросъ, найдутъ-ли въ себѣ народъ и Царь Русскій тѣ непобѣдимыя силы, которыя открыли въ себѣ испанцы, вступать-ли они въ борьбу съ твердою вѣрою въ самихъ себя и въ неисповѣдимуя благость провидѣнія, — этого единственнаго прибѣжища и оплота всякаго праваго и чистаго дѣла?

Въ этомъ заключалась самая сущность вопроса, отъ него зависѣлъ исходъ борьбы, участь Россіи, свобода Европы и міра. Всѣ преимущества чисто матеріальныя, скажемъ болѣе, человѣческія, поддающіяся численію, оцѣнкѣ, взвѣшиванію, были на сторонѣ завоевателя. Его несравненный военный геній не имѣлъ себѣ равнаго во всемъ мірѣ, страшный ореолъ

непобѣдимости окружалъ его голову. Въ его распоряженіи были колоссальныя силы образованныхъ, богатыхъ и густо населенныхъ странъ европейскаго запада. Его армія, правда, въ это время уже разноплеменная и разнохарактерная, представляла тѣмъ не менѣе такую изумительную машину, какой доселѣ не видѣлъ міръ. Тутъ было все совершенно, начиная отъ вооруженія, выправки и оканчивая истинно солдатскимъ духомъ, гордымъ самосознаніемъ и слѣпою вѣрою въ сказочное счастье своего вождя. Что могла противопоставить Россія совокупности этихъ страшныхъ силъ, двигаемыхъ всемогущею рукою великаго завоевателя? Ея матеріальныя средства были крайне скудны въ сравненіи со средствами Наполеона. Императоръ французовъ могъ двинуть на нее, вовсе не напрягая своихъ силъ, шестисотъ-тысячную армію; она-же могла выставить противъ него въ первой линіи не болѣе 175,000 человекъ, а всего на всего не болѣе 350,000 человекъ *). За Наполеономъ слѣдовала покорно вся Европа; у Россіи не было другихъ союзниковъ, кромѣ слабой Швеціи и Англіи, отъ которой, впрочемъ, нельзя было ожидать иной помощи кромѣ денежныхъ субсидій, да и то не особенно обильныхъ. На сторонѣ Россіи было, впрочемъ, одно страшное матеріальное преимущество—ея громадное пространственное протяженіе. Но подымался вопросъ, отважится-ли воспользоваться Александръ этимъ преимуществомъ, согласится-ли очъ пожертвовать въ случаѣ нужды цѣлою половиною своей Имперіи, перенесетъ-ли онъ твердо удары судьбы и найдетъ-ли онъ силы въ крѣпкомъ единеніи съ своимъ народомъ, въ твердой вѣрѣ въ божественное провидѣніе?

Люди, считавшіе себя сердцевидами, люди, воображавшіе, что они превосходно изучили характеръ Александра, люди, подобныя австрійскому канцлеру Меттерниху, не задумывались отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательнымъ образомъ. Неужели геній Наполеона и извѣстная слабохарактерность Александра,—спрашивалъ Меттерниха прусскій министръ Гарден-

*) О приготовленіяхъ Россіи къ войнѣ, о количествѣ ея силъ см. кромѣ извѣстнаго сочиненія Богдановича, Bernhardt: Denkwürdigkeiten Toll's. T. I. S. 231—245. Само собою понятно, что въ число 350,000 входятъ лишь одни регулярныя войска.

бергъ,—приведутъ въ скоромъ времени дѣло къ невыгодному для Россіи миру. „Несомнѣнно!“—отвѣчалъ ему оракуль тогдашней дипломатіи. „Я не рассчитываю ни на какую твердость со стороны Императора Александра“ *). И такъ думалъ не одинъ Меттернихъ, такъ думали всѣ сильные и мудрые міра сего, такъ рассчитывалъ и самъ Наполеонъ.

Иныя предчувствія, ожиданія и надежды шевелились, однакоже, въ эти страшныя минуты въ сердцахъ замученныхъ и истерзанныхъ европейскихъ народовъ. Нужда научить молиться: это старое изреченіе народной мудрости оправдалось тогда воочию на европейскихъ народахъ. Какую страшную, развращающую школу невѣрія прошли эти народы, какимъ страшнымъ испытаніямъ подвергъ ихъ этотъ ужасный бичъ міра, который явился единственнымъ преемникомъ великой революціи, мпившей создать счастье народовъ на развалинахъ всякой откровенной религіи, всякой высшей нравственности! Но теперь, когда народныя массы выпили до дна чашу золь, поднесенную имъ самозванными освободителями и просвѣтителями; теперь, когда безжалостная рука безбожнаго завоевателя разбила въ прахъ всѣ формы ихъ самобытной жизни, наложила на нихъ цѣпи рабства, обрекла ихъ на бѣдность и оскудѣніе, наругалась надъ ихъ святынею,—теперь, вмѣстѣ съ неискоренимымъ чувствомъ народности, проснулось въ душѣ ихъ и религіозное чувство **). Духъ покаянія, самообличенія пронесся надъ революціонною, невѣрующею Европою. Народы начали отворачиваться отъ своихъ прежнихъ учителей, да и эти учителя, какъ-бы понимая знаменія времени, вдругъ заговорили инымъ языкомъ. Философы, строившіе весь міръ на зыбкой основѣ собственнаго гордаго я, заговорили вдругъ о Богѣ, о нравственно-религіозномъ воспитаніи народа. Люди, гордившіеся до тѣхъ поръ своимъ невѣріемъ, вдругъ начали прислушиваться къ пламеннымъ рѣчамъ христіанскихъ проповѣдниковъ, призывавшихъ къ покаянію, къ обновленію стараго обветшавшаго человѣка. Всѣ стали вдругъ искать утѣшенія и спасенія въ зонѣ той

*) См. *Соловьевъ*. „Императоръ Александръ I. Политика-дипломатія“ Стр. 234.

***) О пробужденіи религіознаго духа на Западѣ см. между прочимъ, *Зибеля*, *Die Erhebung Europas gegen Napoleon*.

самой Церкви, въ истинахъ той самой религіи, на которую смотрѣли они до тѣхъ поръ свысока, о которыхъ отзывались они съ снисходительною усмѣшкою, какъ объ учрежденіи, годномъ лишь для женщинъ и дѣтей, какъ объ уздѣ, придуманной для руководства черни. Ожиданіе чего-то великаго, страшнаго, небывалаго носилось въ воздухѣ. Грядущій судъ Божій казался близокъ и неизбѣженъ тѣмъ простымъ и безхитростнымъ людямъ, которые были очевидцами дикаго потока, собиравшагося нахлынуть на Россію, — этотъ послѣдній оплотъ европейской свободы. Они усматривали приближеніе этого суда не въ яркой кометѣ, блиставшей тогда на небѣ и наводившей ужасъ на всѣхъ суевѣрныхъ, а въ неслыханномъ безбожномъ высокомеріи, обуявшемъ тогда завоевателя и его страшныя полчища. Чѣмъ ближе подвигался Наполеонъ къ пропасти, долженствовавшей поглотить его, тѣмъ циничнѣе становились его лзыкъ и манеры, тѣмъ самонадѣяннѣе и богохульственнѣе его дѣла и рѣчи. „Россія увлечена своею судьбою, она обречена на гибель“, провозглашалъ онъ, понимая подъ всеильною судьбою ни что иное, какъ самого себя. „Безграничная будущность открывается передо мною, мнѣ некогда заниматься вашими дѣлами“, отвѣчалъ онъ полякамъ, ожидавшимъ отъ него восстановления своего отечества. „Вы, кажется, вдовецъ“, замѣтилъ онъ съ наглою улыбкою королю Фридриху-Вильгельму на свиданіи въ Дрезденѣ, тому самому королю, любимая супруга котораго не въ состояніи была пережить той тяжести позора, которымъ покрылъ Наполеонъ Пруссію. А какъ вели себя полчища завоевателя, наводнившіе еще въ началѣ 1812 года всю восточную Пруссію и Польшу? *) Они выступали не какъ дисциплинированныя воины въ мирной и союзной странѣ, а какъ безжалостные побѣдители и варварскіе грабители. Съ ужасомъ смотрѣли испуганные поселяне на буйство этихъ наемниковъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ Европы. Они брали, портили, уничтожали все, что попадалось имъ подъ руки. Они бросали въ грязь и топтали ногами бѣлый хлѣбъ, разбивали бочки съ виномъ, ругались надъ честью женщинъ, превращали въ конюшни жилые дома. Не было и помину о ста-

*) См. Treitschke, Deutsche Geschichte in XIX Jahrhunderte. T. I, стр. 394.

рой, суровой дисциплинѣ Наполеоновской арміи. Солдаты свирѣпствовали такъ съ разрѣшенія своего властелина и начальниковъ. Они уже одичали отъ непрерывныхъ войнъ, превратились въ необузданную толпу дикихъ завоевателей. И, что всего поразительнѣе, они шли въ этотъ походъ уже не съ тою самоувѣренностью, какъ прежде. Вѣчная боевая жизнь прискучила уже старымъ солдатамъ; съ невольнымъ страхомъ говорили они о снѣжныхъ пустыняхъ, куда гонить ихъ воля повелителя. „Наши кони, жаловались Наполеоновскіе ветераны, ржали всегда такъ весело въ началѣ каждаго похода, теперь они молчатъ“. Но вотъ безчисленные полчища начали отливать мало по малу на востокъ. День и ночь двигались они въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ черезъ города и селенія. Всѣ дороги были покрыты ихъ безконечными обозами. То было настоящее переселеніе народовъ. „Они идутъ на судъ Божій!“ — шептали малые, безхитростные люди, провожая глазами ихъ пестрые, разноплеменные ряды.

Простые и неученые оказались на этотъ разъ предусмотрительнѣе знатныхъ и мудрыхъ. Люди, стоявшіе по своимъ чувствамъ и убѣжденіямъ ближе къ народу, раздѣляли его упованіе, смотрѣли съ вѣрою и надеждою въ будущее. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ проходимцахъ и искателяхъ приключеній, которые стекались тогда со всѣхъ концовъ Европы въ Россію, предлагая ей свои дешевыя услуги; мы не говоримъ и о тѣхъ благородныхъ прусскихъ патриотахъ, о тѣхъ офицерахъ, которые не могли примириться съ позоромъ французскаго союза и спѣшили вступить въ ряды русской арміи. Мы не говоримъ о нихъ уже потому, что ихъ дѣйствіями руководила, быть можетъ, не столько крѣпкая вѣра и радостная надежда, сколько безвыходное отчаяніе и яростное озлобленіе. Мы указываемъ не на нихъ, а на такихъ лицъ, какъ желѣзный баронъ Штейнъ, какъ глубоко-религіозный Арндтъ. Они пришли въ Россію потому, что твердо вѣрили и въ святость ея дѣла и въ несомнѣнность ея побѣды. Они не сомнѣвались въ Императорѣ Александрѣ, уже потому, что онъ самъ призывалъ ихъ къ себѣ; они предугадывали, что русскій Самодержецъ будетъ расти и возвышаться съ событіями, что тяжелыя

испытанія очистятъ его характеръ, укрѣпятъ его волю, наполнятъ его душу безграничною вѣрою въ правоту своего дѣла, въ благость божественнаго промысла. И они не ошиблись въ своихъ надеждахъ!

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ВЪ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

(Окончаніе *).

Въ то время, когда въ сѣверо-восточной Руси церковно-приходская благотворительность стала ослабѣвать, въ юго-западной Руси достигаютъ необыкновеннаго процвѣтанія братства, которыя преслѣдовали разнообразныя благотворительныя цѣли въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Главною причиною возникновенія братствъ было стремленіе южно-русскаго народа путемъ общинныхъ союзовъ успѣшнѣе заботиться объ устройствѣ и поддержаніи храмовъ, о выборѣ и обезпеченіи приходскаго духовенства, о заведеніи школъ, госпиталей и т. под. Такимъ образомъ, братства имѣли назначеніе удовлетворять всѣмъ церковнымъ нуждамъ. Но такъ какъ дѣла милосердія въ числѣ другихъ дѣлъ, входящихъ въ кругъ задачъ братскихъ, признавались самыми существенными, то братства получили преимущественно значеніе человѣколюбивыхъ общинъ, почему и назывались „братствами любви“ и „братствами милосердія“. Поэтому въ уставахъ всѣхъ издавна возникавшихъ братствъ говорилось: „взносъ денежныхъ суммъ ни на что иное не долженъ быть обращаемъ, какъ только на исправленіе церкви и ея поддержаніе, да на милостыню людямъ въ разныхъ случаяхъ, особенно находящимся въ братствѣ и на призрѣніе убогихъ, и на содержаніе сиротъ, и на погребеніе странныхъ и убогихъ, и на твореніе милостыни и поминовеній за ктиторовъ

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 8.

и за другихъ, находящихся въ братствѣ“ (Пам. Кіев. Ком. т. I. гр. VII). Такое значеніе благотворительныхъ учрежденій братства получили уже со времени основанія своего съ 1459 г. во Львовѣ и Вильнѣ. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе наступившихъ притѣсненій со стороны латинянъ, братства утрачиваютъ свой первоначальный характеръ и получаютъ значеніе религіозно-просвѣтительныхъ учрежденій, которыя разнообразными способами должны были охранять православіе отъ ино-вѣрной пропаганды. Послѣ этого задачи братства усложняются, но дѣло призрѣнія бѣдныхъ не прекращается, а только больше еще расширяется. Оно не ограничивается удовлетвореніемъ матеріальнымъ нуждамъ, но простирается и на духовныя потребности путемъ утвержденія призрѣваемыхъ въ православной вѣрѣ, въ богоугодной жизни. Впрочемъ, благотвореніе, даже понимаемое въ тѣсномъ смыслѣ—въ попеченіи о матеріальныхъ потребностяхъ бѣдныхъ, получило болѣе широкіе размѣры въ братствахъ, вслѣдствіе тѣхъ особыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ православная Церковь находилась на югѣ Россіи въ XVI и XVII вв.

Несомнѣнно, что на усиленіе благотворительности братствъ, оказали вліяніе какъ благотворительная дѣятельность іезуитовъ, направленная къ совращенію православнаго южно-русскаго населенія въ унию, такъ и положительныя притѣсненія, которыми сопровождалось введеніе униі. Іезуиты вездѣ и всегда основывали свою пропаганду католичества на благотвореніи, но особенно они могли рассчитывать посредствомъ дѣлъ милосердія склонить на свою сторону бѣдное пизшее южно-русское православное населеніе. И нужно отдать должную справедливость іезуитамъ, что по временамъ дѣятельность такого рода проявлялась въ большихъ размѣрахъ, почему и сопровождалась соответствующими успѣхами, какъ видно изъ слѣдующихъ случаевъ. Когда въ 1571 г. въ Вильнѣ свирѣпствовало повѣтріе, такъ что всѣ бѣжали изъ города, іезуиты обнаружили особую твердость. Продолжая совершать службы и церемоніи, они посѣщали и утѣшали больныхъ, помогали бѣднымъ, ухаживали за умирающими, исповѣдывали ихъ и пріобщали. Болѣе двадцати другихъ іезуитскихъ братій обходили съ тою же цѣлію

окрестныя села и деревни и вездѣ являлись съ своею помощію вещественною и духовною. Нѣкоторые изъ нихъ сами при этомъ заразились у одра больныхъ и умирающихъ и заплатились жизнію. Такіе подвиги самоотверженія и христіанской любви не могли не подѣйствовать сильно на мѣстное народонаселеніе и не возбудить въ немъ горячей признательности и расположенности къ отцамъ - іезуитамъ. Благодаря этому, было обращено въ католичество до 100 человекъ. Въ 1588—89 гг., когда въ Вильнѣ свирѣпствовало повѣтріе, образовалось при костелѣ братство милосердія Господня, и члены братства, іезуиты, съ великимъ усердіемъ посѣщали больныхъ, безъ различія вѣроисповѣданія, въ домахъ и госпиталяхъ, кормили бѣдныхъ и убогихъ у своего кляштора, утѣшали и напутствовали умирающихъ и не упускали случаевъ обращать облагодѣтельствованныхъ къ своему исповѣданію: въ это время однихъ православныхъ они обратили 53 человекъ („Исторія Церкви“, Макарія. IX, 359). Понятное дѣло, что братства могли въ такихъ случаяхъ только соотвѣтствующими по размѣрамъ благотворительными средствами удерживать православныхъ въ нѣдрахъ Церкви. Еще въ большей степени должны были побуждать братства къ расширенію благотворительности политическія и религіозныя притѣсненія, усиливающіяся постепенно съ введеніемъ уніи. Притѣсненія эти начались задолго до объявленія уніи въ Литвѣ и Галиціи. Польскіе магнаты, получая въ тѣхъ мѣностяхъ отъ королей земли, нападали на имѣнія русскихъ владѣльцевъ, отнимали у нихъ имѣнія, грабили и разоряли жителей, даже изгоняли ихъ изъ владѣній. Отъ набѣговъ польскихъ пановъ страдали всѣ жители страны, ихъ дома и имущество, а особенно православное духовенство, изгоняемое изъ своихъ приходоѡвъ. Со времени же обнародованія уніи эти притѣсненія стали безграничны. Храмы запечатывались и подвергались разнымъ поруганіямъ, священники изгонялись изъ своихъ приходоѡвъ, помѣщики изгонялись изъ имѣній и т. п. Естественно, что вслѣдствіе подобныхъ притѣсненій число обѣднѣвшихъ страшно возрасло и только широкая братская помощь могла до извѣстной степени облегчать положеніе многихъ изъ нихъ. При такихъ-то условіяхъ число братствъ въ

XVI и XVII вв. постепенно увеличивалось, такъ что въ южно-русскихъ городахъ они стали учреждаться повсемѣстно, а при нихъ обязательно устраивались школы, шпитали или богадѣльни и страннопріимные дома. Къ числу такихъ братствъ принадлежали слѣдующія: Львовское, Виленское, Кіевское, Луцкое, Могилевское, Оршанское, Брестское, Пинское и множество другихъ, возникавшихъ въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ грозила опасность православію. Объ учрежденіи при братствахъ благотворительныхъ заведеній мы можемъ заключить изъ слѣдующихъ данныхъ: Въ 1591 г. Львовское братство устроило при монастырѣ Св. Онуфрія гостиницу для странниковъ, больницу и богадѣльню для призрѣнія старыхъ людей, инокинь, старицъ и вообще для пристанища нищихъ (Памятники, изд. Кіевскаго Археограф. ком. I, 44, 147, 160, II, 92). Въ Луцкѣ братство построило богадѣльню въ 1617 году. Въ Кіевѣ при братской церкви построенъ шпиталь въ 1629 г. Всѣ эти богадѣльни строились на общія братскія средства. Случалось, впрочемъ, что въ построеніи богадѣленъ принимали участіе частныя лица, какъ свѣтскія, такъ и духовныя. Каштелянъ брацлавскій, Василій Загоровскій, завѣщаль въ 1577 г. устроить въ городѣ Владимірѣ, при своей фамильной Ильинской церкви, гошпиталь на двѣнадцать человѣкъ нищихъ и недужныхъ и школу, въ которой-бы мѣстный церковный дьякъ обучалъ дѣтей грамотѣ и списывалъ книги для употребленія, а въ своемъ имѣніи Суходолахъ построить новую церковь Вознесенія Господня и при ней гошпиталь также на 12 человѣкъ. Въ 1588 г. епископъ Владимірскій, Θεодосій Лазовскій, съ согласія соборнаго духовенства, выдѣлилъ изъ церковныхъ имѣній одно мѣстечко и одиннадцать селеній, назначилъ доходъ съ этихъ имѣній на благоустройство Соборной церкви и на учрежденіе при ней школы и богадѣльни (Архивъ юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. 237). Петръ Могила, извѣстный борецъ за православіе, устроилъ въ Печерскѣ, возлѣ церкви Св. Θεодосія, шпиталь и обезпечилъ его существованіе 1500 злотыхъ (Памятники, изд. Археогр. ком. II, 149). Съ теченіемъ времени число такихъ шпиталей въ юго-западной Руси возросло до весьма значительныхъ размѣровъ. Отъ 1740—1747 г. въ семи полкахъ лѣвобережной Ук-

раины насчитывалось 589 шпиталей („Основа“ 1862 г. май).

Мы мало знаемъ объ организаціи братскихъ шпиталей; но имѣемъ данныя для того, чтобы судить о томъ, что дѣло призрѣнія бѣдныхъ поставлено было въ нихъ широко и прочно, благодаря добровольнымъ пожертвованіямъ. Важно было то, что дѣло благотворительности было совершенно предоставлено доброй волѣ каждаго и не имѣло частнаго сословнаго характера. Въ братскую кружку давалъ всякій, кто сколько могъ и желалъ. Главнымъ образомъ, средства для благотворительности получались съ доходовъ, извлекаемыхъ съ аренды имѣній щедро жертвуемыхъ частными лицами. При многихъ братствахъ находились разныя зданія, пожертвованныя частными лицами, которыя давали опредѣленный доходъ. Такъ Минское братство имѣло при Спасской церкви свою богадѣльню и на содержаніе этой богадѣльни отпускало доходы съ своего дома при Савичь-улицѣ, отдававшася въ аренду, а впослѣдствіи и доходы съ каменныхъ бань на рѣкѣ Вилейкѣ, и при нихъ дома, купленные братствомъ, а также отдававшіеся въ аренду. („Исторія Церкви“, Макарія. IX, 260). Минское соборное госпитальное братство построило въ 1601 г. хлѣбную мельницу для дохода братству и на содержаніе госпиталя (Собраніе Минскихъ грамотъ и акт. № 42 стр. 67). Распоряженіе братскими средствами, а равно и завѣдываніе шпиталями принадлежало избраннымъ старостамъ, дѣйствовавшимъ въ этомъ случаѣ совместно съ приходскими священниками и отдававшими отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ братству. Избраннымъ старостамъ при этомъ выразительно внушалось, что расходовать братскія средства они должны были честно такъ, „какъ-бы око Божіе всегда обращенное на себя видѣть“, вспоминая и „о строгомъ приговорѣ, который въ ономъ первѣйшемъ братствѣ при Апостолахъ постигъ Ананію съ Сапфірою, что утаили въ пользу свою часть не общественныхъ денегъ, а собственнаго имущества, и какъ страшно за то наказаны были“. (Пам. Кіев. ком. т. I, гр. VII, стр. 6). Несмотря на то, что непосредственными блюстителями богадѣленъ были избранныя братствами лица, въ дѣлѣ благотворительности принимали дѣятельное участіе всѣ члены братства, принадлежавшіе къ разнымъ сословіямъ, вслѣд-

ствіе чего отличительною чертою такой благотворительности была вссословность. Такая особенность видна и въ составѣ лицъ, призрѣваемыхъ братствами: къ нимъ принадлежали бѣдные люди всѣхъ сословій, отъ дворянскаго до крестьянскаго. Въ шпиталѣ помѣщали людей всякихъ, „отъ папа Богу хоробою и уломностями навѣженныхъ“ до безродныхъ стариковъ и старухъ, калѣкъ, слабоумныхъ, отъ которыхъ отказывались родные. Въ преизбыткѣ любви къ ближнимъ братства благотѣльствовали не только вписнымъ своимъ членамъ, не только бѣднымъ едивовѣрцамъ, но и тѣмъ, которые держались другой вѣры. Всѣ призрѣваемые пользовались полнымъ братскимъ содержаниемъ—„тепломъ, выживеньемъ (пищею) и всякимъ опатреніемъ“ (потребностями) (Акты зап. Рос. IV № 36, стр. 54).

Но особенно важно то, что благотворительность братская отличалась религіозно-нравственнымъ характеромъ. Въ уставахъ всѣхъ братствъ дѣла милосердія признавались священными, при чемъ постоянно имѣлось въ виду подражаніе въ такихъ дѣлахъ первенствующимъ христіанамъ, у которыхъ была одна душа и одно сердце и не было между ними никого бѣднаго; „ибо нуждамъ немущихъ пособляли руки сильнѣйшихъ“ (Памятники Кіев. ком. т. II, отд. I. стр. 31—35). Въ силу тѣхъ религіозно-нравственныхъ цѣлей, которыми братства руководствовались въ своей благотворительной дѣятельности, они заботились не объ однихъ только матеріальныхъ потребностяхъ призрѣваемыхъ, но и о духовныхъ. Братскія школы, дававшія даровое образованіе, братскія типографіи, печатавшія и распространявшія религіозно-нравственныя книги, уже сами по себѣ должны были содѣйствовать утвержденію бѣднаго православнаго населенія въ истинахъ вѣры и нравственности. Но были и другія частныя средства, которыя употреблялись для удовлетворенія духовныхъ нуждъ призрѣваемыхъ въ братскихъ богадѣльняхъ. Съ этою цѣлію въ братскомъ богадѣленномъ домѣ читались молитвы и религіозно-назидательныя книги; съ этою цѣлію братства признавали для себя обязательнымъ наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ лица, входящія въ ихъ составъ, вели богоугодную жизнь. Съ этою-же цѣлію братства особенно заботились о христіанскомъ погребеніи и поминовеніи какъ своихъ членовъ, такъ и при-

зрѣваемыхъ. „На погребеніе умершаго брата, богатый-ли то былъ или бѣдный, должны были идти все братія, оставивъ свои занятія и должны были провожать со свѣчами и еиміа-момъ тѣло его; до святой литургіи и во всю литургію стоять при тѣлѣ съ зажженными свѣчами... Для поминовенія усопшихъ каждый братъ какъ изъ простыхъ, такъ изъ сословія дворянскаго обязанъ былъ вписывать въ братскій помянникъ своихъ предковъ“... (Пам. Кіев. ком. т. I. грам. VII, пунктъ 14, 15). По такимъ особенностямъ благотворительность братствъ вполне напоминаетъ намъ благотворительность первенствующихъ христіанъ, примѣру которыхъ они стремились подражать.

Въ менѣе широкихъ размѣрахъ велась благотворительность въ сѣверо-восточной Россіи съ XVII в. Съ ослабленіемъ церковно-приходской благотворительности заботы о призрѣніи бѣдныхъ приняты были на себя высшею іерархіею совместно съ правительствомъ. Дѣло призрѣнія бѣдныхъ велось здѣсь по прежнему на началахъ церковныхъ, хотя вслѣдствіе преобладающаго участія въ немъ высшей іерархіи и правительства, оно стало отличаться преимущественно церковно-правительственнымъ характеромъ. Въ силу такой существенной перемѣны въ характерѣ благотворительности, она сосредоточивается преимущественно въ главнѣйшихъ городскихъ пунктахъ, гдѣ и заводятся богадѣльни для призрѣнія нищихъ. Въ самыхъ церковно-правительственныхъ мѣропріятіяхъ, предпринимаемыхъ въ XVII и XVIII вв., къ улучшенію положенія нуждающихся, замѣтна особенная заботливость объ ограниченіи возраставшаго нищенства. Нужно сказать, что нищенство составляло у насъ болѣзненное явленіе, особенно въ XVII в. послѣ смутнаго времени, подорвавшаго матеріальное благосостояніе Руси и представлялось тѣмъ болѣе печальнымъ, что соединялось съ разнаго рода злоупотребленіями, какъ объ этомъ можно заключить изъ актовъ, относящихся къ этому времени. Въ концѣ XVII в. насчитывали въ Москвѣ до 1000 нищихъ; при сборѣ милостыни они допускали крайнія безчинства не только на улицахъ, но и въ храмахъ *). Заботы объ ограниченіи нищенства были

*) Патріарху Іосифу сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Москвѣ и загороднихъ мѣстахъ по-церквамъ соборнымъ и приходскимъ чинятся мятежи: „нищие во время

причиною увеличенія въ Москвѣ и въ вѣкоторыхъ другихъ городахъ богадѣлень, состоявшихъ по прежнему на попеченіи Церкви. Всѣ наши патріархи болѣе или менѣе заботились объ устройствѣ богадѣлень. Таковы нищенитательницы Іова и особенно Никона. О дѣятельности въ пользу бѣдныхъ патріарха Никона извѣстно, что онъ устроилъ въ Новгородѣ четыре богадѣльни въ различныхъ концахъ города, испросилъ для нихъ отъ государя опредѣленный окладъ содержанія и принялъ ихъ подъ свое покровительство. Во время голода открылъ въ своемъ домѣ большую палату, называемую погребною и кормилъ въ ней ежедневно отъ ста до трехсотъ и болѣе проголодавшихся бѣдныхъ („Житіе Никона“, — Шуперина). Съ царствованія Θεодора Алексѣевича одновременно съ заботами высшей іерархіи прилагались заботы объ устройствѣ богадѣлень и со стороны правительства. Сохранилось извѣстіе, что царь Θεодоръ Алексѣевичъ велѣлъ построить двѣ богадѣльни, одну въ Знаменскомъ монастырѣ, а другую — за Никитскими воротами. чтобы „впредь по улицамъ бродячихъ и лежащихъ нищихъ не было“. Въ этихъ богадѣльняхъ, устроенныхъ по „Европейскимъ обычаямъ“, насчитывалось до 412 человекъ (*Берха*, „Царствованіе Θεодора Алексѣевича“. II, 86). Не ограничиваясь этимъ, царь Θεодоръ Алексѣевичъ, подобно Іоанну Грозному, въ 1681 году на соборѣ обращался съ предложеніемъ, чтобы всѣ епископы, подобно патріарху, завели въ своихъ епархіяхъ пристанища нищимъ и чтобы было запрещено во время богослуженія испрашивать подаваніе и чрезъ то чинить мятежь нищимъ. Соборъ отвѣчалъ: „сіе предложеніе, угодное Богу, и спасеніе христіанамъ соборне утверждаемъ: да будетъ тако“. Что постановленіе собора не было безплоднымъ, это мы видимъ изъ дѣятельности патріарха Іоакима, который основалъ нѣсколько вполнѣ благоустроенныхъ богадѣлень, при чемъ нѣко-

нѣнія ходятъ по церквамъ съ безстрашіемъ, человекъ по десятку и больше и производятъ смуту и мятежь, иногда бранятся, иногда дерутся. Иные полагаютъ на блюдахъ целены и свѣчи и говорятъ, что собираютъ на созданіе церквей; иные притворяются малоумными, а послѣ оказываются цѣлоумными; иные ходятъ въ образѣ пустыниическомъ въ черныхъ одеждахъ и въ веригахъ, распустивъ волосы; а иные во время св. пѣнія производятъ шикъ и соблазнъ въ людяхъ“ (Акты Ист. III. № 264).

торыя содержались даже изъ его домашней патриаршей казны и назывались патриаршими; такова была богадѣльня Тихоновская при церкви Тихона Амафунтскаго, у Арбатскихъ воротъ. Вообще въ царствованіе Θεодора Алексѣевича насчитывалось до восьми богадѣленъ болѣе или менѣе обширныхъ, не считая малыхъ, существовавшихъ при многихъ церквахъ (Московскіе нищіе XV в., Снегерева). Къ началу царствованія Петра I число богадѣленъ еще увеличилось: до 1721 г. на средства монастырскаго приказа было основано 93 богадѣльни, въ которыхъ содержалось до 4400 нищихъ и огромный московскій госпиталь, въ которомъ было до 500 человекъ. Нѣкоторые епископы также старались усилить церковную общественную благотворительность: особенно заявилъ себя этимъ новгородскій митрополитъ Іовъ (1694—1716). Онъ устроилъ 10 странноприимницъ, 75 больницъ и домъ для подкидышей. Извѣстно, что и въ другихъ епархіяхъ еще долго держались церковныя богадѣльни, благодаря ревности нѣкоторыхъ пастырей (Словарь митр. Евгенія, 1—30). Церковная іерархія свои заботы простирала и дальше: она имѣла въ виду организовать церковно-общественную благотворительность на широкихъ и прочныхъ началахъ такъ, чтобы благотворительность обнимала не только тѣхъ нищихъ, которые питались подаваніемъ, но даже и тѣхъ, которые стыдились выходить на улицу (съ цѣлію предупредить нищету). Такой широкой планъ благотворительности былъ начертанъ еще при патриархѣ Іоакимѣ въ словѣ о приютахъ, составленномъ, какъ думаютъ нѣкоторые, по мыслямъ патриарха Іоакима, Епифаніемъ Славенецкимъ или Евфиміемъ. Незвѣстный проповѣдникъ, основываясь на томъ, что въ дѣлѣ благотворительности должна соблюдаться полная справедливость, признаетъ необходимымъ отдѣлить нищихъ здоровыхъ отъ калѣкъ и беспомощныхъ стариковъ, лишенныхъ возможности приобрѣтать себѣ средства собственнымъ трудомъ, при чемъ первыхъ предлагаетъ побуждать къ труду, а послѣднихъ помѣщать въ богадѣльни. Признавая дѣло призрѣнія дѣломъ церковнымъ, проповѣдникъ говоритъ о необходимости увеличить число церковныхъ богадѣленъ и въ самомъ обезпеченіи богадѣленныхъ нищихъ считаетъ необходимымъ заботиться не толь-

ко объ удовлетвореніи матеріальныхъ нуждъ, но и о нуждахъ духовныхъ, вмѣняя въ обязанность призрѣваемымъ изучить главнѣйшія молитвы—Символь вѣры, заповѣди и молитву Господню. Мало этого: проповѣдникъ признаеть необходимымъ учредить общества милосердія, которыя на добровольныя частныя пожертвованія чрезъ своихъ членовъ могли-бы посредствомъ ссудъ оказывать помощь и бѣднымъ, живущимъ въ домахъ, „иже, какъ говоритъ онъ, просити стыдятся, или не могутъ, по улицамъ не лежать, о нихъ-же и о нуждахъ ихъ маліи вѣдятъ, или-же никто-же вѣсть, помощи-же ни единыя имуть точію отъ Господа Бога, ихъ-же нужды паче вящія и большія суть, нежели въ недужно-питалицахъ обитающихъ и по стогнамъ лежащихъ и прошеніемъ питающихся“. Если-бы этотъ широкій планъ благотворительности былъ приведенъ въ исполненіе, то Россія стала-бы въ семъ отношеніи впереди западной Европы, но къ сожалѣнію, вѣроятно за смертію патріарха, предложенныя мѣры къ призрѣнію бѣдныхъ и несчастныхъ остались неисполненными.

Съ царствованія Петра I гражданское правительство, отчасти слѣдуя примѣру западно-европейскихъ государствъ, счѣло за благо предпринимать рядъ своихъ мѣръ къ ограниченію нищенства, которыя мало сообразовались съ обычаями русской Церкви и съ духомъ русскаго народа. Въ 1718 году издано постановленіе, въ силу котораго подъ угрозой штрафа (отъ 5 до 10 рублей) воспрещалось подавать милостыню. Постановленіе это вызвано было желаніемъ ограничить нищенство, но въ дѣйствительности, конечно, оно не могло привести къ предполагаемой цѣли, а только смутило русскій народъ, убѣжденный въ томъ, что милостыня—святое дѣло. Какъ отнесся въ свое время къ такому постановленію (повторенному двукратно) русскій народъ, можно заключить изъ словъ тогдашняго крестьянина-публициста Посошкова: „нынѣшній указъ о нищихъ, говоритъ онъ, учиненъ не весьма здраво, потому велѣно штрафовать тѣхъ, кто милостыню подаетъ. И тѣмъ никогда не унять, да и невозможно унять и то положеніе и Богу не безъ противности. Богъ положилъ предѣлъ, т. е. законъ, что давать милостыни, а судьи наши за то штрафуютъ“. (Лешкова, „Рус-

скій народъ и государство“, стр. 605). Въ скоромъ времени по издачіи такого постановленія, именно въ 1723 году, предпринимается къ искорененію нищенства другая мѣра, въ силу которой узаконяется обязательное устройство богадѣленъ при церквахъ на кружечные сборы и доходы съ продажи восковыхъ свѣчей. „Установленіе это, говоритъ черниговскій преосвященный Филаретъ, — по духу прекрасно, еслибы не было предмета заботы болѣе близкаго и нужнаго Церкви — духовныхъ училищъ“. („Исторія Церкви“ V. 130). Мы же съ своей стороны прибавимъ, что такая мѣра не могла сама по себѣ увѣнчаться желательнымъ успѣхомъ и потому, что въ этомъ случаѣ не вызывалось свободное, добровольное участіе церковно-приходскихъ общинъ въ устройствѣ богадѣленъ и что узаконяемыя въ этомъ случаѣ средства на церковную благотворительность, по своей ограниченности и по неопредѣленности, не могли служить надежнымъ ручательствомъ успѣшнаго веденія ея. Этимъ можно объяснить, что ни о количествѣ собранныхъ суммъ, ни объ устройствѣ богадѣленъ долго не имѣлось въ Св. Синодѣ свѣдѣній, а если и получались, то не особенно утѣшительныя. Но болѣе всѣхъ этихъ мѣропріятій сопровождалось невыгодными послѣдствіями изданное въ 1724 г. постановленіе о размѣщеніи отставныхъ воинскихъ чиновъ съ ихъ семействами по монастырскимъ богадѣльнямъ съ отдѣленіемъ для призрѣваемыхъ чиновъ денежной и хлѣбной дачи отъ содержанія самихъ монаховъ. Эта искусственная монастырская благотворительность не удовлетворяла солдатъ, которые постоянно жаловались на невыдачу имъ опредѣленныхъ монастырскихъ порцій, не могла также возбудить сочувствія со стороны самихъ монаховъ, которые смотрѣли на призрѣваемыхъ воинскихъ чиновъ, какъ на людей пришлыхъ, насильно навязанныхъ ихъ попеченіямъ, какъ на своихъ недоброжелателей, позволявшихъ вмѣшиваться въ чуждыя имъ монастырскія дѣла и вносившихъ притомъ своими грубыми привычками только соблазны въ монашескую жизнь. Начались съ той и другой стороны взаимныя препирательства, ссоры, которыя были причиною того, что правительство сначала ограничило помощь воинскимъ чинамъ со стороны монастырей только денежною по-

винностию, а затѣмъ по прошествіи тридцати-пяти-лѣтняго періода (отъ 1723—1758 года) совсѣмъ отмѣнило. Содержаніе военныхъ въ монастыряхъ признано дѣломъ весьма затруднительнымъ, „ибо духовнымъ властямъ таковыхъ отставныхъ, яко воинскихъ людей содержать и тѣмъ военнымъ людямъ въ спокойствіи подѣ управленіемъ и смотрѣніемъ духовныхъ быть весьма несходственно, — для того, между прочимъ, что 1) духовныя власти, не будучи свѣдомы, какимъ образомъ съ военными людьми обходиться, не могутъ никогда ихъ въ добромъ порядкѣ содержать и бываемыя иногда отъ нихъ наглости укрощать, отъ чего и отставные имѣли причину впадать въ разныя продерзости; 2) монашескій чинъ, яко отъ всѣхъ свѣтскихъ заботъ, а особливо отъ назиранія военныхъ людей будучи свободенъ до сихъ поръ въ содержаніи при себѣ отставныхъ излишнюю и съ саномъ своимъ несходственную должность и упраздненіе имѣлъ“ (П. С. З. ХХІ, 12,060). Не смотря на отмѣненіе этой мѣры, благотворительность не восстанавливалась на тѣхъ широкихъ церковно - общинныхъ началахъ, на которыхъ она стала развиваться въ древней Руси. Она стала преимущественно правительственнымъ дѣломъ. По раздѣленіи Россіи на отдѣльныя губерніи въ 1775 году, и попеченіе о бѣдныхъ возложено было на приказы общественнаго призрѣнія, которые и заботились объ учрежденіи разныхъ благотворительныхъ заведеній. При всѣхъ высокихъ побужденіяхъ, которыми руководилось правительство, новыя учрежденія не могли приносить всей той пользы, какая ожидалась отъ нихъ. Надзоръ за ними ввѣрялся особымъ административнымъ лицамъ, которыя при своихъ сложныхъ обязанностяхъ, не смотря на всю свою добросовѣстность, не могли избѣгать до известной степени односторонняго формальнаго отношенія къ дѣлу благотворенія. Общество приходило къ мысли о томъ, что средствъ правительственныхъ вполне достаточно для обезпеченія нуждающихся, почему не старалось принимать живаго, дѣятельнаго участія въ дѣлѣ благотворительности. И пастыри Церкви, за немногими исключеніями, стали ограничиваться только заботами объ устройствѣ храмовъ, относясь болѣе или менѣе равнодушно къ выполненію обязанности о презрѣніи бѣдныхъ,

такъ какъ средства Церкви, послѣ отобранія въ казну церковныхъ имѣній, сильно оскудѣли.

Но съ XIX в. происходитъ видимое оживленіе въ ходѣ благотворительности, которое проявляется въ усиливающемся стремленіи общества и Церкви къ обезпеченію нуждающихся разнообразными способами какъ путемъ частныхъ пожертвованій, достигающихъ нерѣдко въ наше время весьма значительныхъ размѣровъ, такъ и путемъ различныхъ общественныхъ мѣропріятій. Поучительный примѣръ въ дѣлахъ милосердія бѣдствующему и страждущему человѣчеству подавъ былъ русскому обществу Императрицею Марією Теодоровною, супругою Павла Петровича. Она первая старалась сгладить невыгоды стороны прежней правительственной системы благотворенія своимъ сердечнымъ материнскимъ участіемъ въ улучшеніи положенія бѣдныхъ. Съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ и съ истинно-христіанскою ревностію она отдавалась дѣлу благотворенія въ теченіи тридцати лѣтъ и, благодаря ея дѣятельности, Россія покрылась какъ-бы сѣтью благотворительныхъ учрежденій, пользовавшихся ея средствами, или субсидіями. *) Заботы Маріи Теодоровны объ учрежденіи въ Россіи благотворительныхъ учрежденій продолжались и другими членами царствующаго Дома, вслѣдствіе чего число этихъ учрежденій, вошедшихъ въ кругъ вѣдомства IV отдѣленія, возрасло до 573. Подъ вліяніемъ этихъ высокихъ примѣровъ благотворительности въ 1816 г. было учреждено въ Петербургѣ, при содѣйствіи Императора Александра I, „Императорское человеколюбивое Общество“, назначеніе котораго состояло въ оказаніи матеріальной и нравственной помощи бѣднѣйшимъ жителямъ города на дому, какъ это ясно выражено въ слѣдующихъ словахъ устава для попечительнаго комитета, Высочайше утвержденнаго: „Главныя упражненія сего комитета состоятъ въ отысканіи бѣдныхъ, боль-

*) Изъ болѣе замѣчательныхъ учрежденій, содержавшихся на счетъ Императрицы, извѣстны слѣдующія: спротское училище на 50 бѣднѣйшихъ спроть, переименованное потомъ въ Маріинскій институтъ (1797 г.), два повивальныя института, преобразованные потомъ (1835 г.) въ настоящіе родовспомогательныя учрежденія при Московскомъ и Петербургскомъ воспитательныхъ домахъ, сельскій воспитательный домъ въ Гатчинѣ на 600 подроставшихъ дѣтей обоего пола, и многія другія.

шею частію въ отдаленныхъ и непроѣзжихъ мѣстахъ города живущихъ, въ развѣдываніи о состояніи и поведеніи ихъ и въ доставленіи не только денежнаго подаанія, но и другихъ пособій, особенно больнымъ необходимымъ. При исполненіи сихъ обязанностей относительно милостыни, есть еще одна не менѣ важная, которая должна быть въ сердцѣ каждаго, о нищемъ братѣ своемъ соболѣзнующаго, которал состоитъ не въ одномъ матеріальномъ подааніи, но и въ томъ, чтобы *дать амущему хлѣбъ отъ души своей и душу смиренную насытитъ* (Ис. гл. 58, стр. 10). Сообщать-же утѣшеніе нельзя иначе, какъ дѣятельнымъ образомъ, прилежнымъ посѣщеніемъ страждущихъ“ (Журналъ Импер. челѣкол. Общ. 1817 г. № IV окт. стр. 12). Такія челѣколюбивыя цѣли выполнялись главнымъ образомъ посредствомъ двухъ комитетовъ—медико-филантропическаго и попечительскаго, дѣятельность которыхъ контролировалась особымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ избранныхъ членовъ. Подобныя-же комитеты, какъ отдѣленія центрального челѣколюбиваго Общества, находящагося въ Петербургѣ, учреждались и въ другихъ городахъ—въ Казани, Харьковѣ и Воронежѣ. Это Общество дѣйствуетъ и теперь въ не менѣ широкихъ размѣрахъ. Въ вѣдѣніи его находится до 27 учреждений въ разныхъ городахъ Россіи. Насколько челѣколюбивое Общество помогаетъ бѣдному классу въ Петербургѣ, можно заключить изъ того, что оно здѣсь содержитъ 16 заведеній, три швейныхъ мастерскихъ и медико-филантропическій комитетъ съ лечебницею для проходящихъ („Цер. В.“ 1882 г. № 11). Къ числу выдающихся учреждений этого Общества принадлежатъ особенно два, посвященные призрѣнію и воспитанію слѣпыхъ; институтъ слѣпыхъ мальчиковъ и состояцій подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы—институтъ слѣпыхъ дѣвицъ. Институтъ слѣпыхъ мальчиковъ основанъ въ 1819 году и составляетъ старѣйшее изъ учреждений для слѣпыхъ въ Россіи. Въ немъ воспитанники обучаются первоначально чтенію по выпуклой печати, потомъ наукамъ, музыкѣ и ремесламъ. При институтѣ есть своя типографія, въ которой работаютъ исключительно воспитанники. Институтъ для слѣпыхъ дѣвицъ открытъ въ 1872 г. Дѣвочки занимаются здѣсь, кромѣ наукъ, музыкой и ремесла-

ми. Изъ провинціальныхъ учрежденій, подчиненныхъ Императорскому человеколюбивому Обществу, замѣчательна Стурдзинская богадѣльня сердобольныхъ сестеръ, основанная въ Одессѣ съ 1850 г. Одновременно съ Императорскимъ человеколюбивымъ Обществомъ возникло самостоятельно въ разныхъ городахъ много другихъ благотворительныхъ обществъ, имѣющихъ въ виду удовлетвореніе разнымъ мѣстнымъ нуждамъ. *) Общества эти имѣютъ главною цѣлію оказаніе матеріальной помощи нуждающимся посредствомъ единовременной выдачи хлѣба, топлива и другихъ предметовъ. Впрочемъ, эти общества приносятъ мало пользы по отсутствію религіозно-правственнаго вліянія на призрѣваемыхъ и по другимъ причинамъ. Въ этомъ отношеніи имѣютъ болѣе важное значеніе современныя братства, учреждаемыя съ 60-хъ годовъ начинаніемъ пастырей Церкви. Они преслѣдуютъ широкія религіозно-просвѣтительныя, миссіонерскія и благотворительныя цѣли. Такъ какъ эти сложныя и важныя задачи требуютъ возможно большаго числа лицъ, способныхъ выполнить ихъ, то братства сосредоточиваются въ главнѣйшихъ городахъ. Къ такимъ братствамъ принадлежатъ: Московское Св. Петра, Владимірское Св. Александра Невскаго, Казанское Св. Гурія, Кіевское Св. Владиміра и многія другія. Преслѣдуя религіозно-правственныя и миссіонерскія цѣли, братства открываютъ церковно-приходскія школы, распространяютъ въ народѣ книги религіозно-правственнаго содержанія, устраиваютъ религіозно-правственныя чтенія. Но многія изъ нихъ оказываютъ нуждающимся также матеріальную помощь; таковы напр. Св. Владимірское Кіевское братство, дающее матеріальную помощь вновь обращеннымъ въ православіе иновѣрцамъ; братство во имя пр. Евфросивіи въ Полоцкѣ, посвящающее свои средства на вспомошествованіе нуждающимся. Изъ всѣхъ братствъ особенно великія услуги дѣлу благотворенія оказываетъ братство Св. Креста въ Саратовѣ. Подъ его вѣдѣніемъ и попеченіемъ находится бесплатная столовая для бѣдныхъ и нищихъ, а также училище и пріютъ для призрѣнія бѣдныхъ дѣтей. Въ брат-

*) Таковы были: Виленское человеколюбивое Общество, Новгородское общество Новогрудское, Ревельское Общество благодарности, Дерптское Общество помощи и многія другія. Число ихъ простирается въ настоящее время до ста.

ской столовой находятъ пропитаніе тысячи бѣдняковъ. Такъ изъ братскаго отчета видно, что за 1878/79 годъ накормлено до 55,917 человѣкъ. Случалось, что однихъ чернорабочихъ кормилось отъ 100 до 120 человѣкъ. Особенно много было этого рода посѣтителей весною, вслѣдствіе наплыва въ Саратовъ для отправленія на заработки внизъ по Волгѣ и за Волгу.

Но тогда какъ благотворительность братствъ усложняется обширною религіозно-просвѣтительною дѣятельностію, сообразно съ нуждами цѣлыхъ епархіальныхъ округовъ, церковныя приходскія попечительства, учреждаемыя также съ 60 годовъ, поставляютъ своею задачею вспомошествованіе нуждающимся при болѣе ограниченныхъ мѣстныхъ условіяхъ въ предѣлахъ своихъ приходовъ. Несмотря на то, что заботы о призрѣніи бѣдныхъ составляютъ одну изъ частныхъ обязанностей церковныхъ попечительствъ, которыя должны главнымъ образомъ удовлетворять разнымъ церковнымъ нуждамъ, содержать церковныя школы, изыскивать способы для содержанія духовенства и т. п., тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ, при своихъ сложныхъ задачахъ, успѣли достаточно заявить себя на поприщѣ приходской благотворительности. Изъ отчета г. Оберъ-Прокурора за 1881 годъ видно, что всѣхъ церковныхъ приходскихъ попечительствъ было въ епархіяхъ (за исключеніемъ Якутской и Грузинскаго экзархата) 12,140, причемъ ими сдѣлано пожертвованій на церковно-приходскія школы и благотворительныя учрежденія въ приходахъ около 243,535 рублей. Болѣе значительныя пожертвованія на благотворительныя учрежденія и школы собраны въ епархіяхъ: Московской—до 27,333 р., Тульской—до 15,369 р., Саратовской—до 14,994 р., Подольской—до 13,133 р., Самарской—до 12,388 р.. Если-бы мы въ частности обратили вниманіе на благотворительную дѣятельность отдѣльныхъ приходскихъ попечительствъ, то принуждены были-бы, конечно, сознаться, что дѣятельность многихъ изъ нихъ едва начинается; тѣмъ не менѣе можно указать не мало и такихъ попечительствъ, которыя достигли въ этомъ дѣлѣ весьма значительныхъ успѣховъ. Въ этомъ отношеніи выдѣляются тѣ церковно-приходскія попечительства, которыя находятся въ большихъ городахъ, гдѣ, съ одной стороны, представляется большая не-

обходимость въ усиленіи призрѣнія по преобладанію бѣднаго класса, а съ другой—открываются болѣе значительныя средства на дѣла благотворенія. Прежде всего нѣкоторыя попечительства и приходскія общества озаботились заведеніемъ при церквахъ благотворительныхъ учрежденій. Такъ въ Кронштадтѣ развило въ почтенныхъ размѣрахъ свою дѣятельность Андреевское приходское попечительство подъ августѣйшимъ покровительствомъ Великаго Князя Константина Николаевича и при содѣйствіи Великой Княгини Александры Іосифовны. Попечительствомъ устроены: домъ трудолюбія, содержащій пять мастерскихъ на 300 бѣдныхъ челоуѣкъ, бесплатная школа съ ремесленными отдѣленіями на 150 дѣтей, дневное пристанище на 75 дѣтей, убѣжище для 15 сиротъ, лечебница для приходящихъ, дешевая столовая и помѣщеніе для народныхъ чтеній („Ц. В.“ 1882 г. № 42). Общество вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ С.-Петербургской Знаменской церкви проявило свою дѣятельность въ устройствѣ пріюта для престарѣлыхъ женщинъ, въ открытіи дневнаго пріюта для дѣтей, въ выдачѣ единовременнаго пособія, въ оказаніи безвозмездной вѣчебной помощи и въ содержаніи бесплатной воскресной школы („Ц. В.“ 1882 г. № 8). Общество вспоможенія бѣднымъ въ С.-Петербургскомъ приходѣ Преображенскаго полка устроило богадѣльню для престарѣлыхъ женщинъ, а также отдѣленіе для полнаго содержанія при немъ сиротъ. Общество при Соборѣ равноапостольнаго князя Владиміра, на Петербургской сторонѣ, сосредоточивало свою дѣятельность на поддержаніи, основаннаго имъ въ 1876 году, постояннаго пріюта для бѣдныхъ мальчиковъ („Ц. В.“ 1882 г. № 13). Иныя церковно-приходскія попечительства поставляли своею задачею путемъ частной помощи облегчать тяжелое положеніе тѣхъ бѣдняковъ, которые населяютъ отдаленные городскіе кварталы, помѣщаясь въ сырыхъ, холодныхъ квартирахъ, чердакахъ и подвалахъ и пріобрѣтаютъ себѣ крайне скудныя средства при занятіи разными мелкими ремеслами. Такую задачу приняло на себя, напримѣръ, Новопименовское Петропавловское попечительство въ Москвѣ, попечительство при Скорбященской церкви въ Твери и другія („Прав. Обозр.“ 1879 г. № 727). Путемъ частнаго вспомо-

ствованія эги попечительства старались предупредить переходъ бѣдняковъ къ крайней нищетѣ выдачею денежныхъ пособій при особой нуждѣ, облегченіе имъ найма квартиръ, столь дорогихъ въ городахъ; подаваніемъ пособій при семейныхъ утратахъ, облегченіемъ нужды предъ днями великихъ праздниковъ и т. п. Въ послѣднее время церковно-приходскія попечительства стали также въ селахъ преслѣдовать благотворительныя цѣли. Честь введенія въ сельско-приходскую жизнь начала христіанской взаимопомощи всецѣло должна быть воздана Ропшинскому попечительству, состоящему подъ Высочайшимъ покровительствомъ. По примѣру этого попечительства открыло свои дѣйствія въ 1880 г., на поприщѣ благотворительности, попечительство при Сергіево-Пустынной церкви Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи („Ц. В.“ 1883 г. № 43). По послѣднимъ извѣстіямъ такія-же сельскія приходскія попечительства учреждаются въ Новолодожскомъ уѣздѣ. Попечительства эти организованы на добровольныя пожертвованія со стороны членовъ, крестьянъ. Помощь бѣднымъ оказывается какъ деньгами, такъ и жизненными продуктами. Эти попечительства необыкновенно благодѣтельны для бѣдныхъ крестьянъ, ограждая ихъ въ нуждѣ отъ притѣсненій и вымогательствъ со стороны богатыхъ кулаковъ, которые по возможности препятствуютъ самимъ попечительствамъ.

Заканчивая свой очеркъ исторіи благотворительности въ Русской Церкви, мы на основаніи данныхъ, изложенныхъ въ немъ, считаемъ не излишнимъ войти въ нѣкоторыя соображенія о томъ, какими существенными особенностями должна отличаться истинно христіанская благотворительность и при какихъ условіяхъ она можетъ быть вполнѣ правильною и плодотворною.

Самымъ существеннымъ условіемъ плодотворности благотворительности должно быть признано свободное совершеніе ея по побужденіямъ религіозно-нравственнымъ, по истинно-христіанской любви къ ближнимъ, споспѣшествуемой сознаніемъ ихъ существенныхъ потребностей матеріальныхъ и духовныхъ. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, благотворительность должна быть прежде всего признана дѣломъ церковнымъ, — такимъ, которое

только подъ руководствомъ Церкви можетъ достигнуть полнаго развитія. Всякаго рода внѣшнія принудительныя мѣры, въ дѣлѣ благотворительности, должны быть признаны крайне неблагопріятными для успѣшнаго, плодотворнаго веденія этого дѣла. Не только у насъ въ Россіи, но еще въ большей степени на Западѣ, правительственныя мѣропріятія, направленныя къ организаціи благотворительности на началахъ юридически-обязательныхъ для общества, сопровождались результатами неблагопріятными *), сообщая великому священному дѣлу благотворенія характеръ въ большей или меньшей степени формальный, ограничивая его нерѣдко лицами, предназначенными самимъ правительствомъ быть органами благодѣтельности, ослабляя живое дѣятельное въ немъ участіе членовъ общества и лишая его поѣтому значенія акта, имѣющаго великую нравственно-воспитательную силу. „Дѣла благотворенія, скажемъ словами уважаемаго ученаго богослова Эрнеста Навпля, должны оставаться въ разрядѣ дѣйствій свободныхъ. Законъ любви есть начало, основа всякаго блага. Но благотворительность закона (юридическаго) заключаетъ много неудобствъ. Кромѣ исключительныхъ случаевъ опасно государству выйти изъ своей собственной области, которая есть справедливость“. (*De la charité legale par Naville. 2 vol. Paris 1866 an*). Если благотворительность должна быть признана дѣломъ церковнымъ, то она и должна вестись на началахъ истинно церковныхъ. Средоточіемъ благотворительности долженъ быть, какъ и всегда былъ, храмъ Божій, а главными дѣятелями ея — лица іерархическія, располагающія широкими нравственно-воспитательными мѣрами, имѣющими великое значеніе въ дѣлѣ возбужденія святыхъ чувствъ вѣры и любви, служащихъ лучшими побужденіями къ подвигамъ милосердія, понимаемымъ во всей ихъ идеальной широтѣ. Только въ томъ случаѣ, если благотворительность будетъ исходить изъ храма и будетъ направляема къ своей цѣли церковною іерархіею, она можетъ быть устойчивою, свободною

*) Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить опыты благотворительности во Франціи и Англій въ XV и XVI вв., проявившіеся въ безуспѣшныхъ попыткахъ правительствъ своими оффиціальными мѣропріятіями ограничить нищенство и убѣдившіе ихъ въ необходимости предоставить дѣло призрѣнія нищихъ церковнымъ приходскимъ общинамъ.

отъ примѣси самолюбія благотворителей въ разныхъ его видахъ и можетъ имѣть истинное нравственное значеніе. Но исходя изъ храма, какъ центральнаго пункта, направляемая къ опредѣленнымъ цѣлямъ лицами іерархическими, благотворительность можетъ идти успѣшно при возможно большемъ и дѣятельномъ участіи самого общества. Таковое участіе общества только и можетъ поддерживать благотворительность во всей ея жизненности, содѣйствуя объединенію благотворителей и благотворимыхъ въ братской любви другъ къ другу.

Руководствуясь такими взглядами на свойства благотворительности, мы должны признать лучшею формою ея форму общинную и ближе всего церковно-приходскую. Приходъ — это малая церковь. Въ церковно-приходскомъ союзѣ дѣло призрѣнія немущихъ можетъ устроиться сравнительно проще и легче, чѣмъ въ другихъ болѣе широкихъ и сложныхъ общественныхъ союзахъ, — при содѣйствіи мѣстнаго пастыря, могущаго непосредственно и постоянно оказывать въ этомъ дѣлѣ воздѣйствіе на паству путемъ церковной проповѣди и внѣбогослужебныхъ собесѣдованій. Во всякомъ самомъ бѣдномъ приходѣ, какъ показываютъ опыты, при желаніи, всегда могутъ найтись необходимыя средства на дѣла благотворительныя: только въ этомъ случаѣ неумѣстно предварительное опредѣленіе количества обязательныхъ взносовъ, и нѣкоторыя другія ограниченія въ выраженіи свободнаго братскаго чувства. Каждый членъ прихода можетъ давать посильную лепту на дѣла благотворенія и изъ приношеній, повидимому, незначительныхъ, при болѣе или менѣе общемъ участіи всѣхъ членовъ прихода, незамѣтно будутъ составляться такія средства, которыя дадутъ возможность удовлетворять по крайней мѣрѣ настоятельнѣйшимъ нуждамъ бѣднѣйшихъ членовъ въ приходѣ *).

*) Изъ различныхъ данныхъ объ организаціи благотворительности въ разныхъ церковно-приходскихъ попечительствахъ, сообщаемыхъ въ нашей духовной періодической литературѣ, мы можемъ заключить, что какъ въ городскихъ, такъ и въ сельскихъ приходсахъ легко составлялись суммы, необходимыя для благотворенія, какъ только прилагались необходимыя къ тому мѣры со стороны настоятелей прихода. Для примѣра укажемъ, какъ составлялись такіе взносы въ разныхъ приходсахъ. Приходское попечительство при Свободященской церкви въ Твери, открывшее свои дѣйствія съ 1876 года, благодаря кружечнымъ сборамъ и добро-

средствъ частное вспомошествованіе нуждающимся можетъ довершаться устройствомъ церковно-приходскихъ богадѣленъ для призрѣнія калѣкъ-нищихъ, или престарѣлыхъ, а учрежденіе такихъ богадѣленъ особенно въ сельскихъ приходѣхъ тѣмъ удобнѣе, что онѣ могутъ быть устроены очень просто, сообразно съ очень ограниченными потребностями призрѣваемыхъ.

Церковно-приходская благотворительность имѣетъ и ту хорошую сторону, что легко можетъ быть направлена согласно съ требованіями справедливости и благоразумія. Праздность, тунеядство и другія злоупотребленія нищенствомъ всегда легче замѣчать и устранять въ приходѣ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга, знаютъ взаимныя нужды и средства, могутъ точно опредѣлить мѣру участія каждаго въ общемъ благомъ дѣлѣ, а также и степени нужды, требующей удовлетворенія. Въ то же время непосредственные участники благотворенія могутъ сами наблюдать за употребленіемъ вспомошествованій и, какъ лица, заинтересованныя въ дѣлѣ, будутъ заботиться о томъ, чтобы пожертвованія достигали своей цѣли, не пропадали бесполезно для самыхъ бѣдныхъ, не питали праздности и другихъ пороковъ.

полнымъ пожертвованіемъ, составило въ теченіи трехъ лѣтъ (съ 1876 до 1879 гг.) взносъ въ 3214 р. 84 к., такъ что пособіями его могли пользоваться до 60 человѣкъ, при чемъ средняя цифра ежегоднаго пособія простиралась до 17 р. въ годъ на каждаго призрѣваемаго („Прав. Обозр.“ 1879 г., № 1). Новоименовское приходское попечительство въ Москвѣ, открывшее свои дѣйствія также съ 1876 г., въ теченіи трехъ лѣтъ успѣло собрать въ кассу попечительства запаснаго капитала по номинальной цѣнности 2688 р., а по стоимости процентныхъ бумагъ 3700 р. Первоначальный фондъ, послужившій основаніемъ для благотворительной кассы, составленъ былъ по подпискѣ, давшей до 500 р., а потомъ сумма эта увеличилась частію доходомъ отъ кружки въ пользу приходскихъ бѣдныхъ, поставленной въ церкви, но главнымъ образомъ тарелочнымъ сборомъ въ пользу бѣдныхъ, производимымъ за службами воскресныхъ и праздничныхъ дней (ibid). Въ сельскихъ приходѣхъ также возможно осуществленіе благотворительности посредствомъ частныхъ взносовъ, хотя здѣсь по особымъ, мѣстнымъ условіямъ, взносы могутъ быть частію денежныя, частію натурою. Такъ при Сергіево-Цустынской церкви, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи, попечительство, открывшее свои дѣйствія на поприщѣ благотворительности съ 1880 г., успѣло въ теченіе трехъ лѣтъ на пожертвованія, собираемая путемъ частныхъ добровольныхъ взносовъ деньгами и натурою — хлѣбомъ, льномъ, составить кассу въ 611 р., изъ которой получило пособія 90 лицъ, при чемъ пособія выдавались въ размѣрѣ отъ 4 до 15 р. („Ц. В.“ 1883 г., № 31). И этотъ взносъ, какъ можно заключить изъ означенной корреспонденціи, составилъ въ приходѣ, состоящемъ изъ 500 домовъ и 150 домохозяевъ.

Въ приходѣ удобно подмѣчать и частныя случайныя нужды бѣдняковъ, вовремя оказывать имъ помощь, чтобы предупредить нищенство. Часто одинъ рубль, данный вовремя нуждающемуся, можетъ замѣнить большую сумму, данную при крайнемъ обѣдненіи. Своевременная помощь, оказанная бѣдному человѣку въ болѣзни или при другихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, давъ возможность улучшить его положеніе матеріальное, вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно ободрить его и вызоветъ энергію къ труду болѣе производительному.

При оцѣнкѣ значенія этихъ преимуществъ церковно-приходской благотворительности предъ другими способами призрѣнія бѣдныхъ нельзя опускать изъ виду великихъ нравственныхъ выгодъ, получаемыхъ отъ того, что общее участіе всѣхъ прихожанъ въ великомъ дѣлѣ благотворенія можетъ незамѣтно облагораживать ихъ, тѣснѣе сближать и объединять ихъ между собою. Само приходское духовенство, руководя дѣломъ благотворительности, вступить въ болѣетѣсный союзъ съ своею паствою, вызоветъ къ себѣ большее сочувствіе и уваженіе, приобрѣтетъ сильное нравственное вліяніе на пасомыхъ, которое облегчитъ для него достиженіе цѣлей собственно пастырскаго служенія.

По всему этому прочное установленіе и развитіе церковно-приходской благотворительности должно быть признано одною изъ существенныхъ задачъ нашего времени. Церковно-приходская благотворительность давно уже существуетъ въ западно-европейскихъ государствахъ: въ Англіи, Голландіи и Пруссіи. Она признана лучшимъ изъ всѣхъ испытанныхъ способовъ благотворительности послѣ того, какъ правительства убѣдились, что разныя законоположенія о наилучшихъ видахъ вспоможенія бѣднымъ, какъ-бы онѣ ни были хорошо придуманы не достигаютъ своей цѣли и допускаютъ много злоупотребленій со стороны распорядителей этимъ благимъ дѣломъ. У насъ церковно-приходская благотворительность имѣетъ древнія національныя историческія основы и блестящіе образцы въ видѣ южно-русскихъ братствъ. Поэтому упроченіе церковно-приходской благотворительности будетъ въ сущности только возстановленіемъ того, что было прежде.

НУЖНА-ЛИ ФИЛОСОФІЯ?

(Продолженіе *).

До сихъ поръ мы говорили о значеніи философіи для положительной науки вообще. Теперь мы должны коснуться важнѣйшихъ отраслей человѣческаго знанія съ цѣлью показать ихъ отношеніе къ философіи и благотворное вліяніе этой послѣдней на ихъ развитіе. Это необходимо не только для болѣе обстоятельнаго разъясненія указаннаго уже нами ея значенія, но и въ виду частыхъ недоразумѣній и нарекаій на философію со стороны различныхъ спеціальныхъ наукъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ, такъ сказать, свои спеціальныя счеты съ философіею, препятствующие и до сихъ поръ установленію надлежащей гармоніи и единомыслія между ними. Мы не станемъ входить здѣсь въ подробности, стараясь опредѣлить отношеніе философіи къ каждой изъ многочисленныхъ наукъ въ общемъ составѣ человѣческаго знанія. Для насъ будетъ достаточно показать ея отношеніе и выяснить ея значеніе для трехъ однородныхъ обширныхъ группъ, обнимающихъ собою важнѣйшіе предметы человѣческаго вѣдѣнія. Богъ, міръ и человѣкъ, — вотъ три главные предмета нашего знанія, изъ которыхъ каждый даетъ содержаніе для извѣстнаго круга спеціальныхъ наукъ.

I. Ученіе о Богѣ составляетъ предметъ наукъ богословскихъ, но въ то же время основныя и всеобщія истины религіи всегда составляли и составляютъ важнѣйшій предметъ и знанія философскаго. Вопросы о первомъ и высочайшемъ началѣ бытія, объ отношеніи къ нему міра и человѣка, съ древнѣйшихъ временъ нашей науки, стоятъ въ ней на первомъ планѣ. Можно

См. ж. „Вѣра и Разумъ“. 1884 г. № 8.

сказать даже, что въ рѣшеніи этихъ вопросовъ и заключается высшая и окончательная задача философіи. Аристотель, напр. не безъ основанія, для своей „первой философіи“ или метафизики считалъ приличнымъ и названіе *теологии*, такъ какъ она, говоря о сущемъ, въ концѣ концовъ должна вести къ тому, чтобы разъяснить понятіе истинно и абсолютно сущаго, т. е. Бога. Ту-же мысль имѣлъ въ виду и Гегель, когда сказалъ, что „главный предметъ философіи есть Богъ и изъясненіе Бога“.

Но такая общность рѣшенія однихъ и тѣхъ-же вопросовъ въ богословіи и философіи, какъ показываетъ исторія философіи, во всѣ времена возбуждала сильные споры между ними о взаимныхъ границахъ и служила источникомъ не только взаимныхъ недоразумѣній, но и открытой вражды, не прекратившейся совершенно и въ наше время.

Прежде всего естественно возникаетъ вопросъ о сравнительномъ значеніи для истиннаго богопознанія той и другой науки. Если основанная на божественномъ откровеніи наука (богословіе), съ полною несомнѣнностію для вѣрующаго и съ непререкаемымъ авторитетомъ, даетъ удовлетворительные для разума и сердца его отвѣты на всѣ важнѣйшіе вопросы о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, то для чего нужна еще философія? Ревнителю религіи, при взглядѣ на многочисленныя и разнообразныя произведенія человѣческаго любомудрія, не можетъ-ли прійти на мысль умозаключеніе, похожее на знаменитую дилемму Омара, рѣшившую участь Александрійской бібліотеки: во всѣхъ философскихъ книгахъ, можетъ сказать онъ, содержится ученіе о Богѣ или согласное съ божественнымъ откровеніемъ, или несогласное; если оно согласно, то философія излишня; если-же не согласно, то оно не должно существовать для истинно вѣрующаго, какъ враждебное истинной религіи.

Дѣйствительно, нерѣдко случается слышать такое мнѣніе: философія, конечно, имѣла важное и благотворное значеніе въ древнемъ мірѣ, до явленія свѣта христіанства; среди заблужденій политеизма она стремилась установить высшія и болѣе совершенныя понятія о Богѣ, но можетъ-ли она имѣть такое-же значеніе въ мірѣ христіанскомъ? Въ ученіи вѣры положительно и ясно разрѣшены всѣ важнѣйшіе для знанія и жизни

вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ напрасно трудились лучшіе умы древняго и новаго міра. Здѣсь предложены намъ не мнѣнія объ истинѣ, но самая истина, не обманчивая человѣческая, но вѣчная, божественно непреложная. Зачѣмъ-же послѣ этого, не довольствуясь совершеннымъ, даннымъ намъ, сокровищемъ, съ усиленнымъ трудомъ искать еще истины на скользкихъ и невѣрныхъ путяхъ человѣческихъ умствованій, гдѣ заблудилось столько крѣпкихъ умовъ?

По поводу этихъ недоумѣній, которыхъ смыслъ одинъ: зачѣмъ заниматься свободнымъ философскимъ изслѣдованіемъ истины, когда истина дана намъ и требуетъ только усвоенія,—мы припоминаемъ аполлогъ, рассказанный однимъ греческимъ писателемъ (Атенеємъ). Въ Аѳинахъ, одинъ чудакъ, жалѣя своихъ пчелъ и желая избавить ихъ отъ тяжелыхъ трудовъ полета на Гиметскую гору для собиранія меда, обрѣзалъ имъ крылья и положилъ предъ ними самыя лучшіе душистые цвѣты, какіе только могъ собрать. Что-же вышло? Бѣдныя пчелы не только не принесли меда, но скоро всѣ погибли. Нѣтъ-ли опасности, что точно такой-же участи подвергнется и нашъ умъ, если ему обрѣжутъ крылья для свободного, хотя и утомительнаго полета за истинною, когда, чтобы избавить его отъ этого труда, ему предложить одну готовую пиццу? Если Творцемъ данъ человѣку умъ, дана способность стремиться къ истинѣ, то не для того-ли, чтобы онъ упражнялъ ее соотвѣтствующею дѣятельностію? И не зачахнетъ-ли въ тупомъ бездѣйствіи нашъ разумъ, если мы убьемъ въ немъ всякое самостоятельное стремленіе къ истинѣ?

Христіанство вовсе не то имѣетъ въ виду, чтобы совершенно парализовать дѣятельность тѣхъ или другихъ способностей человѣческаго духа, обративъ ихъ въ пассивныя способности, которыхъ назначеніе только принимать готовое содержаніе и ничего болѣе. Оно имѣетъ болѣе высокую цѣль—*возродитъ* человѣка всецѣло, по всѣмъ сторонамъ его духовной природы, сообщить новую жизнь не только нравственнымъ, но и умственнымъ его силамъ. Для познавательной способности христіанство не есть только догматика, сводъ извѣстныхъ положеній для вѣры и памяти, за принятіемъ которыхъ уже не нужно

никакое другое знаніе; оно прежде всего есть духъ и жизнь. Оно просвѣтляетъ, очищаетъ и оживляетъ эту способность, не уничтожая ея собственной жизнедѣятельности. Поэтому, если у насъ есть естественное, законное и неискоренимое, какъ показываетъ исторія мышленія, стремленіе къ рѣшенію силами ума высшихъ вопросовъ, называемыхъ философскими, то это стремленіе должно находить содѣйствіе, а не противодѣйствіе въ христіанской религіи. Если Творецъ далъ намъ умъ и силу мысли, то, конечно, не затѣмъ, чтобы она вводила насъ только въ заблужденіе обманчивыми призраками истины, такъ чтобы потомъ оказалось нужнымъ навсегда связать ее крѣпкими оковами и, не позволяя самостоятельнаго труда, кормить ее готовою пищею, какъ узника въ темницѣ. Если человѣкъ часто ошибается въ изслѣдованіи истины, не достигаетъ полной истины въ области высшаго знанія, то причиною тому не природная обманчивость той силы человѣческаго духа, которая служить органомъ этого знанія, а самая ограниченность нашей духовной природы, по которой человѣку дано только постепенно болѣе и болѣе приближаться къ истинѣ, а не обладать знаніемъ абсолютнымъ. Если для облегченія и помощи уму давъ свѣтъ откровенія, то не для того, чтобы онъ могъ успокоиться отъ своихъ занятій, но чтобы тѣмъ съ большею энергіею при этомъ свѣтѣ трудиться въ изысканіи истины.

Сравнивая христіанство съ свѣтомъ, говорятъ иногда: если у насъ есть свѣтъ солнечный—истина откровенная, то зачѣмъ искать истины при помощи тусклаго свѣта свѣчи—человѣческаго разума, философіи? Охотно принимаемъ сравненіе откровенія съ солнцемъ, но не можемъ согласиться съ слѣдствіемъ, которое отсюда выводятъ. Здѣсь именно представляютъ человѣческую душу чѣмъ-то въ родѣ „чистой таблицы“ сенсуалистовъ, и при такомъ представленіи указанный выводъ, конечно, былъ-бы справедливъ. Но нашъ умъ не есть такая темная, мертвая таблица, освѣщаемая только отивѣ, то солнцемъ — откровеніемъ, то свѣчею—философіею. Онъ есть сила живая, столько-же необходимая для знанія или созерцанія истины, сколько глазъ для того, чтобы видѣть предметы при помощи свѣта. Для познанія истины необходимо самодѣятельное уча-

стіе силы нашего ума столько-же, сколько нужна дѣятельность нашего глаза, чтобы видѣть предметы внѣшніе; если глазъ будетъ безчувственъ, недѣятеленъ, безжизненъ, то ему также мало можетъ помочь свѣтъ солнца, какъ и свѣтъ свѣчи. Дѣйствительно, откровеніе можно назвать свѣтомъ солнечнымъ въ сравненіи съ свѣтомъ человѣческаго разума относительно важнѣйшихъ вопросовъ нравственно-религіозной жизни, и истинная, христіанская философія, при рѣшеніи этихъ вопросовъ, должна идти при руководствѣ этого, а не инаго свѣта. Но этотъ свѣтъ не уничтожаетъ самодѣятельности человѣческаго ума; онъ не ослѣпляетъ человѣка, а дѣлаетъ болѣе яснымъ его собственное зрѣніе. Сказать, что при свѣтѣ откровенія человѣкъ долженъ отказаться отъ самодѣятельности мысли, значитъ тоже, что требовать, чтобы человѣкъ при свѣтѣ солнца закрылъ глаза, чтобы лучше видѣть.

Но намъ скажутъ: вы признаете возможнымъ самостоятельное существованіе философіи на ряду съ религіею. Такое существованіе, конечно, можно-бы допустить, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы та и другая шли рука объ руку въ дѣлѣ достиженія истины. Но что будетъ, если вмѣсто того, чтобы согласно идти къ достиженію высшихъ цѣлей человѣческаго знанія и жизни, онѣ станутъ противорѣчить одна другой? И не показываетъ-ли намъ исторія дѣйствительно, что философія и религія чаще жили между собою во враждѣ, чѣмъ въ согласіи, что философія порождала духъ сомнѣнія и невѣрія? Въ виду этого, не лучше-ли въ дѣлѣ познанія высшихъ истинъ отказаться отъ такого двусмысленнаго и опаснаго союзника, какова философія, и довѣриться одной религіи? А что это союзникъ опасный, объ этомъ, кромѣ исторіи, говорятъ намъ и лица, которыхъ мнѣніе должно быть авторитетомъ въ дѣлѣ религіи; извѣстно, что многіе отцы и учителя Церкви неблагопріятно смотрѣли на философію, называли ее матерью ересей и т. п.

Не отвергаемъ того, что философія можетъ иногда дѣйствовать на цѣлость и чистоту религіозныхъ убѣжденій. Какъ произведеніе ограниченнаго и потому несовершеннаго человѣческаго знанія, она можетъ уклоняться иногда отъ прямого пути и сталкиваться съ религіею. Далѣе, какъ во всѣхъ проявленіи

яхъ ограниченной человѣческой природы, и въ дѣлѣ философскаго знанія, на ряду съ правильнымъ и благотворнымъ употребленіемъ человѣческаго разума, можетъ быть и злоупотребленіе. Но это зло неизбежное по самому свойству нашей природы,—зло, съ которымъ волей-неволей приходится мириться въ области философіи точно также, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ человѣческаго знанія и жизни. Но, очевидно, было бы совершенно несправедливо и неблагоприятно, въ мнительномъ опасеніи этого зла, отречься отъ того сближенія между знаніемъ философскимъ и богословскимъ, которое требуетъ самую общностию высшей цѣли этого знанія.

Между тѣмъ это часто упускаютъ изъ виду неумѣренные ревнители религіи и несправедливо упрекаютъ философію за то, въ чемъ виновно лишь общее несовершенство человѣческой природы или тѣ различныя, враждебныя религіи, направленія, которыя часто не имѣютъ съ философіею ничего общаго кромѣ имени и на самомъ дѣлѣ враждебны ей столько-же, сколько и религіи. Говорятъ, повторяя слова Тертуллиана, что философія мать ересей, источникъ ложныхъ понятій о религіи и пр. Но ложныя религіозныя понятія существовали и до появленія философіи; первое дѣло древней философіи состояло въ разрушеніи чувственныхъ представленій о богахъ народнаго политеизма и въ стремленіи установить истинное понятіе о высочайшемъ пачалѣ всего. Въ мірѣ христіанскомъ не гораздо-ли болѣе возникало ересей изъ неправильнаго, превратнаго пониманія различныхъ мѣстъ Св. Писанія, чѣмъ изъ вліянія философскихъ теорій? Но кто-же осмѣлится винить здѣсь Св. Писаніе, а не припишетъ это явленіе просто ограниченности человѣческаго знанія въ связи съ другими нравственными недостатками человѣческой природы. Философія, говорятъ, возбуждаетъ духъ сомнѣнія и невѣрія? Но забываютъ при этомъ, что не всякая философія есть истинная философія и что легкомысленное сомнѣніе и дерзкое отрицаніе религіозной истины въ этой послѣдней часто встрѣчало самаго рѣшительнаго противника. Вспомнимъ лжеименную мудрость софистовъ и истинную философію Сократа и Платона, столь побѣдоносно сражавшуюся противъ этой мнимой мудрости. Такъ называемые „сильные

умы“ (esprits fortes) Франціи прошлаго столѣтія, проповѣдывавшіе атеизмъ и революцію, конечно, называли себя философіями; но исторія философіи давно уже указала ихъ настоящее мѣсто въ области науки и ничтожную научную цѣнность ихъ философскихъ умозрѣній. Философію часто смѣшиваютъ съ вольнодумствомъ и въ упрекъ ей ставятъ то легкомысленное, презрительное и враждебное отношеніе къ религіи, какое замѣчается иногда въ нашемъ образованномъ обществѣ. Но это, такъ называемое, образованное общество большею частію совершенно неповинно въ знаніи философіи, и философія съ нимъ не имѣетъ ничего общаго. Здѣсь вина легкомысленнаго отношенія къ религіи заключается не въ философіи, а въ недостаткѣ ея. „Правда, говоритъ Баконъ, что недостаточное познаніе философіи можетъ произвести въ людяхъ склонность къ невѣрію; но болѣе глубокое знаніе ея возвращаетъ людей къ религіи“ *). Съ этою мыслию нельзя не согласиться. Поверхностное знакомство съ отрицательными выводами одностороннихъ философскихъ теорій, полужнаніе, которое при своемъ самомиѣніи бываетъ иногда вреднѣе невѣжества, легкомысліе при испорченности сердца, — вотъ что большею частію служитъ источникомъ невѣрія. Въ истинной философіи современное невѣріе точно также могло-бы найти свое противоядіе, какъ въ древности увлеченное софистами образованное общество нашло себѣ врачевство въ подлинной философіи Сократа, Платона, Аристотеля.

Въ этомъ смѣшеніи злоупотребленій человѣческаго разума съ истинною философіею и нужно искать объясненія тѣхъ неблагоприятныхъ и въ существѣ несправедливыхъ отзывовъ о философіи, которые мы встрѣчаемъ у древнихъ учителей Церкви (Тертуліана, Лактанція) и у нѣкоторыхъ новѣйшихъ ревнителей религіи. Но болѣе пронизательные христіанскіе умы древняго и новаго міра всегда умѣли отличать и правильно отдѣлять въ философіи существенное отъ случайнаго, полезное и благотворное для религіи отъ вреднаго, и отдавать ей должную справедливость. Многіе древніе учителя Церкви называли ее предверіемъ христіанства, мудростію, дарованною отъ Бога; въ занятіи философіею видѣли средство къ разумному усвое-

*) De atheismo. Ed. 1678 p. 183.

нію истинъ христіанской религіи *). Величайшія свѣтила христіанской науки: Василій Великій, Григорій Богословъ, Аѳанасій Великій, Августинъ и др. въ своихъ сочиненіяхъ обнаруживаютъ обширное знакомство съ современною имъ философіею и пользуются ея пособіемъ для защиты и разъясненія истинъ христіанства. Вспомнимъ при этомъ, что философія, которую они изучали и которою пользовались, была языческая, дѣйствительно враждебная христіанству; но они не опасались какого-либо губительнаго вліянія на цѣлость своихъ религіозныхъ убѣжденій даже этой философіи, находя въ христіанской вѣрѣ лучшій и надежный критерій для отличенія истины отъ лжи, полезнаго отъ вреднаго.

Но не смотря на такое благосклонное мнѣніе о значеніи философіи въ дѣлѣ религіознаго образованія и жизни лицъ, голосъ которыхъ имѣетъ полный авторитетъ въ сужденіи объ этомъ предметѣ, ни для кого не тайна, что между богослов-

*) Такъ по ученію св. Іустина, предвѣчное Слово Божіе есть виновникъ всего разумнаго въ мірѣ, не только въ христіанскомъ и іудейскомъ, но и языческомъ. Если все разумное родственно слову или Христу, то всѣ разумные люди могутъ быть названы христіанами, хотя-бы они жили и до явленія Христа. „Такимъ между эллинами Сократъ и Гераклитъ, а изъ современныхъ намъ Музоній и имъ подобные“... „Все, что сказано хорошаго кѣмъ-либо изъ философовъ, принадлежитъ намъ христіанамъ. Ученіе Платона несовершенно различно отъ ученія Христова, хотя и не во всемъ съ нимъ сходно, равно какъ и ученіе другихъ, какъ то: стоиковъ, поэтовъ, историковъ. Всякій изъ нихъ говорилъ прекрасное потому именно, что познавалъ отчасти сходное съ послѣднимъ словомъ Божіимъ... Всѣ языческіе писатели, посредствомъ врожденнаго сѣмени Слова, могли видѣть истину, хотя и темно“ (Апол. I, 46. II, 8, 13). По словамъ Минуція Феликса, лучшая слава философовъ въ томъ, что они, хотя и различными именами, указывали единаго Бога, такъ что иной подумаетъ, что или многіишіе христіане суть философы, или философы были тогда уже христіанами. По мнѣнію Климента Александрійскаго, „Богъ не отстранилъ грековъ отъ участія въ спасеніи, но и о нихъ промышлялъ. Онъ далъ имъ философію, чрезъ которую Всемогущій прославляется греками. Какъ изъ іудеевъ Онъ воздвигалъ пророковъ, такъ и изъ грековъ избиралъ наилучшихъ, которые на своемъ языкѣ возвѣщали Бога; какъ законъ былъ педагогомъ іудеевъ ко Христу, такъ философія была педагогомъ грековъ къ Евангелію; она замѣняла для нихъ писанное откровеніе“ (Strom. 1, с. 5. VII. с. 5). По философіи не потеряла своего значенія и въ мірѣ христіанскомъ. Значеніе философіи для христіанской науки и жизни Климентъ раскрываетъ съ особенною силою. Она необходима для того, чтобы нашу простую вѣру (ψιλη πίστις) сдѣлать вѣрою разумною, научною (πίστις ἐπιστημονική). (Подробное ученіе Климента о значеніи философіи, см. у Лебедева въ его сочин.: „Сочиненіе Оригена противъ Цельса“. 1878, стр. 45—58).

скою наукою и философіею не разъ возникали несогласія относительно взаимныхъ правъ на познаніе „вещей божественныхъ“ и обвиненія въ незаконномъ захватѣ чужой области изслѣдованія. Въ этихъ обоюдныхъ обвиненіяхъ часто бывали одинаково неправы какъ богословіе, такъ и философія. Поэтому для устраненія недоразумѣній между ними и для предотвращенія несогласій весьма важно, чтобы то и другая болѣе точнымъ образомъ провели свои границы, опредѣлили свои средства и цѣли.

Что касается прежде всего до науки богословской, то, какъ показываетъ исторія образованія, во всѣ времена находились односторонніе ревнители религіи, которые стремились распространить господство религіознаго авторитета и на тѣ сферы знанія, гдѣ возможна и законна самостоятельность человѣческаго ума. Довольно припомнить эпоху схоластики, когда богословіе стремилось стать не только господствующею, но почти единственною, универсальною наукою, вовлекая въ свою область не только религіозные, но и метафизическіе, фізическіе и другіе вопросы. Повидимому, совершенно абстрактные, метафизическіе споры о значеніи общихъ понятій и отношеніи ихъ къ реальному бытію, становились спорами религіозными, и номиналисты съ реалистами переносили свои діалектическія пренія на судъ соборовъ, стараясь обвинить другъ друга въ ереси. Извѣстно также отношеніе римской церкви къ вопросу объ обращеніи земли около солнца. При такомъ положеніи дѣла справедливы были жалобы науки и философіи на стѣсненіе свободы мысли религіею и вполне понятно торжество первой, когда родоначальники новой философіи, Декартъ и Бэконъ, разорвавъ цѣпи схоластицизма, открыли свободное поле для философской мысли. Конечно, въ наше время уже не мыслимо такое давленіе богословской науки на философію, какое мы видимъ во времена схоластики. Но и теперь могутъ быть частные случаи, когда снова можетъ возникать разногласіе между философіею и религіею за право и способъ разрѣшенія того или другаго вопроса. Для предотвращенія подобныхъ разногласій необходимо въ области знанія точно разграничить вопросы, 1) рѣшеніе которыхъ исключительно принадлежитъ религіи, 2) вопро-

сы, рѣшеніе которыхъ одинаково можетъ принадлежать и философіи и религіи, и, наконецъ, 3) вопросы, которые не имѣютъ отношенія къ послѣдней. Къ перваго рода вопросамъ принадлежатъ тѣ, которые сама религія называетъ тайнами вѣры, истинами, непостижимыми для ума, сообщенными человечеству путемъ откровенія. Таково напр. ученіе о Святой Троицѣ, о воплощеніи Бога Слова, объ искупленіи и т. п. *). Конечно, говоря, что рѣшеніе подобнаго рода вопросовъ исключительно принадлежитъ религіи, мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы философія никакимъ образомъ не могла уже касаться ихъ. Не говоря о многихъ философскихъ опытахъ раскрытія этихъ истинъ, мы знаемъ, что многіе отцы и учителя Церкви старались разъяснить ихъ не только чисто догматически, но и при помощи соображеній разума; припомнимъ напр. ученіе блаженнаго Августина о Святой Троицѣ. Мы говоримъ только, что право на несомнѣнное рѣшеніе подобнаго рода вопросовъ принадлежитъ исключительно Церкви и что разумъ въ своихъ опытахъ разъясненія ихъ долженъ согласоваться съ этимъ рѣшеніемъ, если не хочетъ уклониться отъ истины. Ко втораго рода вопросамъ, которые можно назвать общими религіи и философіи, принадлежатъ тѣ, которые хотя и занимаютъ важное мѣсто въ области званія религіознаго, но рѣшеніе которыхъ доступно и самостоятельности человѣческаго ума; таковы напр. всѣ вопросы, такъ называемаго, естественнаго богословія, многія истины космологіи, психологіи, нравственной философіи. Что эти вопросы, не смотря на тѣсную связь ихъ съ истинами религіозными, могутъ быть рѣшаемы философіею самостоятельно и независимо отъ религіи, доказывается уже тѣмъ однимъ, что они не только возникали, но и часто правильно рѣшались независимо отъ религіи; таковы напр. вопросы о единствѣ, духовности Божества, о бессмертіи души и т. п., вѣрные отвѣты на которые мы находимъ уже у греческихъ философовъ. Въ силу этого одного, и не входя въ анализъ этихъ вопросовъ для доказательства правъ на нихъ разума, мы должны признать компетентность философіи въ ихъ рѣшеніи, и въ попыткахъ со стороны ревните-

*) О возможности естественнаго богопознанія и его границахъ, см. „Прав. Обозр.“ за 1883 г. май. Тезисъ, стр. 171--195.

лей религіи ограничить здѣсь права ея—видѣть стѣсненіе законной свободы мышленія. Конечно, говоря это, мы не думаемъ отвергать законной доли вліянія религіи на философское обсужденіе этихъ вопросовъ. Независимо отъ того, что христіанское откровеніе пролило новый и болѣе яркій свѣтъ на нихъ, такъ что намѣренно игнорировать этотъ свѣтъ, значило-бы неразумно отказываться разуму отъ могучей помощи въ своей работѣ,—самое субъективное отношеніе знанія и вѣры необходимо предполагаетъ это вліяніе. Силы и стремленія человѣческаго духа, различныя сферы его жизни не разъединены между собою непроходимую преградю, и въ цѣльномъ, живомъ, а не абстрактномъ человѣкѣ, нельзя размежевать ихъ такъ, чтобы изъ одной ничего не переходило въ другую; такое явленіе было-бы нарушеніемъ цѣльности и гармоніи человѣческой природы. Но дѣло въ томъ, что это вліяніе религіи на ходъ философскаго мышленія должно быть вліяніемъ совѣтующаго друга и руководителя, но не простирается до деспотическаго давленія и стѣсненія свободы этого мышленія.—Наконецъ, какъ мы сказали, въ области философіи есть третій родъ вопросовъ, лежащихъ совершенно внѣ области религіи и ея интересовъ, таковы напр. вопросы логическіе, гносеологическіе, эстетическіе и пр. Конечно, и здѣсь, въ силу указанной нами живой и органической связи между всѣми сторонами и направленіями нашей духовной жизни, мы не можемъ и не должны отвергать всякаго вліянія религіознаго начала на научное изслѣдованіе даже въ областяхъ, повидимому, совершенно далекихъ отъ религіи. Но это вліяніе должно выражаться въ общемъ духѣ и направленіи знанія, не только не противорѣчащемъ религіи, но содѣйствующемъ ей въ достиженіи одной общей цѣли какъ религіознаго, такъ и научнаго знанія,—абсолютной истины, которая, какъ реальная истина, есть въ тоже время и всереальное существо — Богъ. Что-же касается до частнаго рѣшенія тѣхъ или другихъ философскихъ проблемъ, не связанныхъ непосредственно съ содержаніемъ религіи, то право такого рѣшенія безспорно принадлежитъ разуму не только потому, что, какъ показываетъ исторія мышленія, онъ вполне компетентенъ для этого дѣла, но и по-

тому, что откровеніе не представляетъ намъ никакихъ указаний и данныхъ для ихъ рѣшенія. Усленно искать въ Св. Писаніи отвѣтовъ на такого, напр., рода вопросы: что такое пространство и время, есть ли матерія сплошь протяженная субстанція (continuum), или состоитъ изъ атомовъ, какіе законы управляютъ ассоціаціею представленій и т. п., — значило-бы не только брать на себя бесплодный трудъ, но и не понимать значенія Св. Писанія, навязывая ему цѣли, которыхъ оно не имѣло въ виду.

Кромѣ недостаточно яснаго проведенія границъ между истинами религіозными и философскими, другая причина враждебнаго отношенія религіи къ философіи замѣчалась иногда въ нѣкоторой односторонности самаго понятія о религіи у нѣкоторыхъ изъ ея ревнителей. Многіе изъ нихъ склонны отождествлять религію съ теоретическимъ вѣроученіемъ и въ немъ видѣть всю сущность религіи. Отсюда нетерпимость ко всякому *иному* мнѣнію, не согласному съ положительнымъ вѣроученіемъ какого-либо религіознаго общества, хотя-бы это мнѣніе касалось не существа религіи, а второстепенныхъ ея пунктовъ и не нарушало существенныхъ интересовъ ея. Но религія не есть *только* кодексъ извѣстныхъ теоретическихъ положеній, малѣйшее уклоненіе отъ котораго разрушало-бы самую религію. И мы видимъ на опытѣ, что существенныя цѣли религіи не всегда достигаются одною правильностію убѣжденій; мы видимъ людей правовѣрующихъ, но въ жизни чуждыхъ истинно религіознаго духа; видимъ съ другой стороны людей, которыхъ вѣрованія, можетъ быть, не во всемъ безукоризненны, но которые по духу и настроенію ума и сердца глубоко религіозны. Можемъ-ли мы отказать въ истинной религіозности многимъ, напримѣръ, католикамъ, даже протестантамъ, не смотря на догматическія уклоненія ихъ отъ праваго разумѣнія вѣры? Дѣйствительно, религіозность человѣка опредѣляется не одною мертвою буквою, но цѣлымъ строемъ его міросозерцанія, стойкостію и глубиною его убѣжденій и вслѣдствіе этого живымъ вліяніемъ ихъ на практическую жизнь. Но содѣйствовать этой стойкости и глубинѣ религіозныхъ убѣжденій всего лучше можетъ философское образованіе ума, дѣлая сознатель-

ными и достовѣрными для разума непосредственныя убѣжденія вѣры. Не говоримъ того, чтобы этотъ способъ укрѣпленія религіозныхъ убѣжденій былъ единственный; мы видимъ, что часто простая, безыскусственная вѣра обладаетъ непоколебимою силою убѣжденія; но философское образованіе можетъ имѣть важное значеніе тамъ, гдѣ эта простота и непосредственность дѣтской вѣры или утрачена или невозможна при извѣстномъ индивидуальномъ характерѣ человѣка и при извѣстной степени его образованія. Дѣйствительно, что касается до способовъ, какими образуется въ человѣкѣ религіозное настроеніе, то они не одни и тѣ-же для всѣхъ лицъ. Пути спасенія, по волѣ Промысла, многоразличны и разнообразны по индивидуальнымъ особенностямъ различныхъ лицъ, такъ что часто тотъ путь, который на первый взглядъ могъ-бы показаться удаляющимъ отъ религіи, на дѣлѣ оказывается своеобразно ведущимъ къ ней. Это именно можно сказать о пути философскаго размышленія, который въ дѣлѣ религіознаго воспитанія человѣка можетъ показаться путемъ, если не прямо опаснымъ, то во всякомъ случаѣ затруднительнымъ и непрямымъ. Мы не станемъ указывать здѣсь на примѣры язычниковъ, которыхъ изученіе философіи привело къ христіанству. Опыты жизни показываютъ, что самыя, повидимому, опасныя колебанія и уклоненія отъ прямого пути вѣры въ періодъ не установившагося еще образа мыслей, — уклоненія, возбуждаемыя духомъ философскаго изслѣдованія, служатъ только временными и переходными моментами на пути къ религіи. Въ результатѣ-же этихъ, казавшихся столь опасными для вѣры, сомнѣній, колебаній, недоразумѣній оказывается не безплодная трата времени и силъ, но созрѣвшее, укрѣпившееся внутреннею борьбою, вполне сознательное и недоступное уже для колебаній, религіозное убѣжденіе. Правда, не всѣ выносятъ этотъ тяжелый искусъ внутренней борьбы и сомнѣній; многіе, по утомленіи мысли, остаются на какой-либо переходной ступени знанія, не имѣя силъ достигнуть до той вершины, на которой, по выраженію Бакона, философія возвращаетъ къ религіи. Но это также мало можетъ служить въ предосужденіе философіи, какъ не служить предосужденіемъ религіи то явленіе

ніе, что многія лица съ строго религіозными теоретическими убѣжденіями, въ жизни оказываются людьми чуждыми истинной религіозности по непослѣдовательности и по безсилію практически осуществить свои убѣжденія.

Ту-же односторонность и узкость взгляда, которую мы видимъ въ отождествленіи религіи съ буквою вѣроученія, мы встрѣчаемъ иногда и въ философіи въ видѣ отождествленія данной философской системы съ абсолютнымъ знаніемъ истины,—что необходимо приводитъ ее во враждебное столкновеніе съ религіею. Мы не станемъ говорить здѣсь о тѣхъ философахъ, которые (какъ наприим. Гегель), въ гордой увѣренности въ абсолютной непогрѣшимости своей системы, прямо думали замѣнить ею религію, какъ низшую, несовершенную форму познанія истины вышею, выразившеюся въ ихъ философіи. И послѣдователи менѣе притязательныхъ философскихъ системъ часто бываютъ склонны преувеличивать ихъ дѣйствительное научное значеніе и дополнять вѣрою въ ихъ непогрѣшимость недостатки ихъ достовѣрности. Такое догматизированіе, такъ сказать, философскихъ ученій свойственно тѣмъ лицамъ, которыя, ставъ во враждебное отношеніе къ религіи, невольно чувствуютъ нѣкоторый пробѣлъ въ своей умственной и нравственной жизни. Инстинктивная естественная потребность вѣры относительно высшихъ вопросовъ жизни ищетъ себѣ исхода въ области науки, философіи. Лица, утратившія истинно религіозную вѣру, замѣняютъ для себя религію какою-либо философскою теоріею, вѣрують въ ея положенія какъ въ догматы, недопускающіе и тѣни сомнѣнія. Мнимый авторитетъ науки, подъ которою разумѣють форму знанія въ извѣстное время въ извѣстной системѣ, они возводятъ въ авторитетъ неизмѣнный и непогрѣшимый. Но люди, готовые замѣнить религіозныя убѣжденія философскими, забываютъ о существенномъ свойствѣ всякаго человѣческаго знанія,—его ограниченности. Они забываютъ, что знаніе абсолютное и несомнѣнное есть только идеаль нашего знанія, что было бы самообольщеніемъ думать, будто этотъ идеаль достигнуть въ какой-либо философской школѣ. При такомъ свойствѣ нашего познанія умъ человѣка, очевидно, не имѣетъ права успокоиваться на какомъ-либо философскомъ міросозер-

цаніи, тѣмъ болѣе съ точки зрѣнія этого міросозерцанія отвергать, кажущуюся ему несогласною съ нимъ, религіозную истину.

Въ соблюденіи обоихъ указанныхъ нами условій мирнаго сосуществованія религіи и философіи, т. е. въ признаніи правъ разума съ одной и въ свободномъ самоограниченіи этихъ правъ съ другой стороны, и состоитъ, по нашему мнѣнію, начало примиренія вѣры и знанія. Оно заключается въ сознаніи съ одной стороны необходимости, съ другой ограниченности философскаго познанія. Основанная на самомъ существѣ человѣческаго духа, необходимость такого познанія требуетъ, чтобы человѣкъ не только вѣрилъ, но и размышлялъ о томъ, во что онъ вѣритъ, старался уяснить для разума тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ предлагаетъ и религія. Сознаніе-же ограниченности человѣческаго разума требуетъ, чтобы его изслѣдованія не были принимаемы какъ окончательныя и абсолютно истинныя, но какъ опыты рѣшенія высшихъ вопросовъ, болѣе или менѣе приближающіеся къ истинѣ. Такого рода сознаніе основывается не только на понятіи ограниченности нашей природы вообще, но и на фактическомъ подтвержденіи этой ограниченности исторією науки. Наука, философія въ частности, не есть что-либо законченное, достигшее своихъ предѣловъ и потому абсолютно истинное; она находится въ процессѣ развитія и поэтому никакой моментъ этого развитія, никакое данное состояніе науки не можетъ быть признано безусловною мѣрою истины, а только мѣрою приближенія къ ней.

Подобнаго рода сознаніе ограниченности нашего знанія нисколько не вредитъ философскому знанію; оно не только не ослабляетъ его, но напротивъ служитъ для него возбуждающимъ мотивомъ. Всякая увѣренность, что мы достигли знанія абсолютнаго, остановила-бы дальнѣйшій ходъ познанія; если мы стремимся къ знанію, то вслѣдствіе сознанія, что данное знаніе неудовлетворительно.

Между тѣмъ такое сознаніе, вполне умѣстное въ теоретической области знанія, не удовлетворительно для жизни практической. Въ жизни нравственной, для самой возможности ея, необходимо признаніе абсолютной истины и несомнѣнности различныхъ теоретическихъ и практическихъ истинъ, опредѣ-

ляющихъ нашу нравственность; безъ этихъ истинъ вся наша дѣятельность не имѣла-бы подъ собою твердой почвы, была-бы неустойчивою и сомнительною. Жизнь не ждетъ, пока наука или философія окончательно рѣшитъ тѣ высшіе вопросы, отъ которыхъ зависитъ направленіе нашей нравственной дѣятельности; она требуетъ немедленнаго и твердаго ихъ рѣшенія.

Но такъ какъ подобнаго окончательнаго рѣшенія не можетъ дать философія, именно потому, что она есть *знаніе*, т. е. нѣчто, находящееся въ процессѣ развитія, а не законченное, то отсюда вытекаетъ необходимость непосредственнаго признанія извѣстныхъ высшихъ истинъ, необходимость религіозной вѣры. Она силою высшаго, религіознаго авторитета дѣлаетъ твердыми и несомнѣнными для насъ тѣ, опредѣляющія нравственную жизнь, истины, которыя для философіи могутъ быть только проблемами, болѣе или менѣе удовлетворительно, но не окончательно рѣшенными. Такая необходимость восполненія знанія религіозною вѣрою, очевидно, существуетъ и для философа столько-же, сколько и для каждаго человѣка, для философа даже настолько болѣе, насколько яснѣе и глубже онъ долженъ сознать природу и границы нашего познанія, чѣмъ не философъ.

Какъ скоро со стороны философіи будетъ выполнено это необходимое условіе ея примиренія съ религіею, то она явится не враждебною соперницею, но полезною союзницею и помощницею богословской наукѣ въ дѣлѣ достиженія цѣли религіознаго образованія. Что она можетъ быть такою помощницею, это всегда болѣе или менѣе ясно сознавали лучшіе представители богословской науки. Укажемъ здѣсь на одинъ знаменательный фактъ въ исторіи богословскаго образованія. Съ тѣхъ поръ какъ явилось стремленіе къ научному и систематическому изученію истинъ христіанской вѣры, въ богословскихъ училищахъ почти всегда образованіе богословское соединялось съ философскимъ. Что означаетъ этотъ фактъ? Неужели совмѣстное изученіе философіи и богословія было-бы допущено, если-бы послѣднему грозила какая-либо опасность отъ этой совмѣстности? Напротивъ, въ этомъ фактѣ ясно выразилось сознаніе, что христіанская наука не только не опасается философіи, но ожидаетъ отъ нея полезнаго содѣйствія своему собственному развитію.

Это содѣйствіе, независимо отъ содержанія философіи, выражается прежде всего въ общеобразовательномъ значеніи философскихъ наукъ. Мы не станемъ говорить здѣсь о чисто педагогическомъ значеніи изученія философіи, какъ могущественнаго средства для формальнаго развитія и укрѣпленія мыслительной способности, такъ какъ эта, мало цѣнимая и несправедливо пренебрегаемая въ настоящее время, услуга философіи дѣлу образованія касается не одного богословія, но и всѣхъ другихъ областей знанія. Укажемъ лишь на одну характеристическую черту философскаго знанія, которая часто возбуждала несправедливыя опасенія противъ философіи со стороны ревнителей религіи,—это, такъ называемая, философская свобода изслѣдованія и независимость ея отъ авторитетовъ. Если вспомнимъ, что эта свобода, въ истинномъ ея значеніи, должна быть свободою не только отъ внѣшнихъ философіи авторитетовъ, но и отъ ига какой-либо философской системы, что она вполне согласима съ признаніемъ ограниченности человѣческаго знанія, то она не только не покажется опасною для религіи, но даже содѣйствующею ея интересамъ. Въ силу этой самой свободы истинно философское образованіе ума должно состоять не въ одномъ только знаніи философіи въ ея прошломъ и современномъ состояніи, но главнымъ образомъ въ усвоеніи себѣ философскаго образа мыслей, въ приобрѣтеніи способности смотрѣть на вещи и оцѣнивать ихъ съ философской точки зрѣнія, т. е. не по частнымъ, личнымъ и временнымъ соображеніямъ, но по вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ разума. Вотъ почему нѣкоторые, имѣя въ виду эту цѣль философіи, даже называли ее не столько наукою, сколько искусствомъ. Дѣйствительно, философія есть столько-же наука, т. е. совокупность извѣстнаго рода познаній, сколько и искусство смотрѣть на всѣ предметы съ высшей, раціональной точки зрѣнія. Но въ приобрѣтеніи такого рода искусства интересы философіи и религіи расходятся не могутъ, потому что сознательное, ясное пониманіе вещей и сужденіе о нихъ не на основаніи личныхъ взглядовъ, наклонностей и внѣшнихъ авторитетовъ есть одинаковое достоинство научнаго знанія, богословскаго столько-же, какъ и философскаго. Какъ скоро религіозная вѣра при-

нимаетъ форму научнаго знанія, становится богословіемъ, она необходимо должна допустить и общенаучные приемы изслѣдованія. Не довольствуясь непосредственнымъ, основаннымъ на авторитетѣ, признаніемъ истины, нашъ разумъ долженъ искать доказательствъ религіозныхъ истинъ и предлагать эти доказательства въ установленной логикою формѣ и связи. Онъ долженъ религіозную вѣру сдѣлать вѣрою не только сердца, но и ума, вѣрою сознательною и разумною. Но для достиженія этой цѣли всего лучше можетъ служить философское образованіе ума, такъ какъ философія не только указываетъ нормальныя формы научнаго мышленія (логика), но и сама, по своему преимущественно раціональному методу и по своимъ предметамъ, часто совпадающимъ съ предметами религіознаго знанія, болѣе чѣмъ какая другая наука, имѣетъ сродство съ богословіемъ и болѣе, поэтому, чѣмъ какая-либо иная наука, можетъ содѣйствовать образованію научно - богословскаго мышленія.

Что касается до самаго содержанія философіи, то для сколько-нибудь знакомаго съ исторіею богословія, едва-ли вужно говорить подробно о необходимости нашей науки въ дѣлѣ высшаго богословскаго образованія. Постепенное уясненіе и раскрытіе догматовъ въ древней христіанской Церкви постоянно шло въ самомъ тѣсномъ и живомъ соприкосновеніи съ философіею своего времени. Ни полемика отцевъ и учителей Церкви противъ современнаго язычества и, состоявшихъ иногда подъ вліяніемъ философіи, еретическихъ ученій; ни положительныя доказательства ими многихъ истинъ христіанской религіи, при чемъ они и имѣли въ виду лучшее въ языческой философіи и пользовались приемами изслѣдованія, употребительными въ современной философской наукѣ; ни самый точный смыслъ догматической терминологіи, образовавшейся не безъ содѣйствія философской терминологіи ихъ времени,—не могутъ быть надлежащимъ образомъ поняты и оцѣнены безъ знанія древней философіи. Все средневѣковое, схоластическое богословіе включаетъ въ себѣ значительную долю философскаго элемента, обязаннаго своимъ происхожденіемъ отчасти вліянію Аристотеля, отчасти Платона чрезъ посредство блаженнаго Августина, отчасти самостоятельной чисто философской дѣятельности замѣча-

тельныхъ средневѣковыхъ мыслителей. Въ новое время въ богословской протестантской наукѣ постоянно отражалось вліяніе современныхъ ея движенію философскихъ системъ и безъ знанія ихъ едва-ли можно понять исторію этой науки и причины появленія различныхъ богословскихъ направленій.

Но не въ одномъ только отчетливомъ разумѣніи и усвоеніи христіанской истины состоитъ цѣль высшаго богословскаго образованія, но и въ защитѣ ея отъ вражескихъ нападеній. Конечно, въ наше время эти нападенія идутъ не изъ одной только области философіи, а тѣ, которыя исходятъ отсюда, не представляютъ, по видимому, наибольшей опасности для религіи, такъ какъ философія въ современныхъ невѣрующихъ кругахъ пользуется столь-же малымъ авторитетомъ, какъ и религія. Опустошительная историческая критика и естествознаніе, проникнутое матеріализмомъ, выставляютъ наиболѣе опасныхъ враговъ религіи. Но тѣмъ не менѣе общая опасность не соединила еще религіи и философіи настолько, чтобы среди послѣдней и въ наше время не было направленій, враждебныхъ духу христіанства; такова напр. философія Гартмана. Что для пониманія этихъ направленій нужно знакомство съ ними, а для опроверженія ихъ не простое указаніе на несоотвѣтствіе ихъ съ истинами религіи, а приемы философской критики, — само собою понятно. Но еще болѣе необходимо для современнаго богослова знаніе философіи для успѣшной, совмѣстной съ истинною философіею, борьбы противъ современнаго столь-же антифилософскаго, сколько и антирелигіознаго матеріализма, думающаго стоять на твердой почвѣ естествознанія, равно какъ и противъ различныхъ видовъ позитивизма и утилитаризма, въ теоріи отрицающаго не только сверхчувственный элементъ религіи, но и вышечувственный (метафизическій) философіи, а въ практикѣ всю цѣль жизни полагающаго въ одномъ внѣшнемъ благосостояніи. Здѣсь философія и религія должны идти дружно и согласно для защиты общихъ той и другой высшихъ идеальныхъ интересовъ разума и человѣчества.

В. Кудрявцевъ

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

ВЪ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО МИРОСОЗЕРЦАНІЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

Проповѣдую Христово Евангеліе по разнымъ странамъ древняго міра, святой Павелъ, Апостоль язычниковъ, пришелъ, между прочимъ, и въ Аѳины—одно изъ средоточій тогдашняго эллинскаго просвѣщенія и эллинской мудрости. ¹⁾ Въ ожиданіи учениковъ и сотрудниковъ своихъ по благовѣствованію, Силы и Тимоѳея, онъ долженъ былъ прожить тамъ значительно долгое время, которое и посвятилъ осмотру знаменитой когда-то столицы древней Греціи, конечно, не въ видахъ празднаго любопытства обыкновеннаго путешественника, а въ мудрыхъ и благихъ цѣляхъ того-же благовѣствованія. При этомъ осмотрѣ особенно возмущало его духъ множество идоловъ: „Павелъ возмутился духомъ при видѣ города сего, полнаго идоловъ“ (Дѣян. 17, 16). Всею душою желая спасенія ближнимъ и съ сею именно цѣлію проповѣди о вѣчномъ спасеніи людей во Христѣ путешествуя, св. Апостоль и въ Аѳинахъ началъ свое дѣло словомъ горячаго убѣжденія жителей города въ суетности поклоненія идоламъ и въ необходимости, въ замѣнъ того, обращенія къ познанію *единого истиннаго Бога* и посланнаго Имъ для спасенія людей *Исуса Христа* (Іоан. 17, 3; сравн. Дѣян. 17, 17—18). Тогда „нѣкоторые изъ эпикурейскихъ и стоическихъ философовъ стали спорить съ нимъ. И одни говорили: что хочеть сказать этотъ суетловъ? А другіе: кажется, онъ

¹⁾ Въ вѣкъ апостольскій, кромѣ Аѳинъ, уже славились, какъ средоточія эллинскаго просвѣщенія, и другіе города, находившіеся подъ римскимъ владычествомъ, подобно Аѳинамъ: Александрія, Пергамъ, самый Римъ и др.

проповѣдуетъ о чужихъ божествахъ. И взявъ его, привели въ ареопагъ, ¹⁾ и говорили: можемъ-ли мы знать, что это за новое ученіе, проповѣдуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь въ уши наши. Посему хотимъ знать, что это такое“ (Дѣян. 17, 18—20). Апостоль не убоился и произнесъ слѣдующую рѣчь: „Аѳиняне! по всему вижу я, что вы какъ-бы особенно набожны. ²⁾ Ибо проходя и осматривая ваши святины, я нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: *неведомому Богу*. Сего-то, котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ. Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, ³⁾ Онъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ-бы имѣющій въ чемъ-либо нужду, Самъ дая всему жизнь и дыханіе и все. Отъ одной крови Онъ произвелъ весь родъ человѣческій, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію, дабы они искали Бога, не ощутятъ-ли Его и не найдутъ-ли; хотя Онъ и не далеко отъ каждаго изъ насъ: ибо мы Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ ⁴⁾ говорили: мы Его и родъ. ⁵⁾ Итакъ мы, буду-

¹⁾ Ареопагъ—верховное судилище въ Аѳинахъ. Учрежденіе его относится къ незапамятнымъ временамъ сѣдой древности. По крайней мѣрѣ то несомнѣнно, что до Перякла (V в. до Р. Хр.) онъ уже существовалъ, не потерявъ своего значенія и въ эпоху римскаго преобладанія, какъ очевидно отчасти и изъ настоящаго случая. Объ ареопагѣ Аѳинскомъ см. *Страшикевича*, Очеркъ греческихъ древностей, стр. 308 и дал., 316 и дал. и др. Кіевъ, 1874; *Любкера*, Словарь классической древности, стр. 112—113, выч. 1, изд. Вольфа. Москва, 1884 и др.

²⁾ Ὡς θεοειδαιμονοεστέρους,—собственно и прямо (безъ прибавленія частицы: „какъ-бы“): „особенно богобоязненны“ (θεῖον—боюсь и δαίμων—божество).

³⁾ Срав. слова другой рѣчи того-же Апостола къ язычникамъ: *обращатися къ Богу живу, иже сотвори небо и землю, и море и вся яже въ нихъ* (Дѣян. 14, 15).

⁴⁾ Ποητῶν,—богѣ, нежели „стихотворцевъ“, прямо: „поэтовъ“; стихотворцами у грековъ были часто и не поэты, равно какъ, въ свою очередь, и многіе поэты не одними лишь стихами писали.

⁵⁾ Изреченіе это обыкновенно приписывается поэту *Арату* (3 в. до Р. Хр.). Оно и дѣйствительно находится въ 5 стихѣ его двдактической поэмы: *Φαγόμενα καὶ διοσημεῖα* (т. е. „Звѣздныя явленія и примѣты погоды“). Но не даромъ Апостоль сказалъ: „нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ“. Кромѣ Арата, мы точно тоже изреченіе находимъ и у философа стоической школы *Клеанѳа* (3 в. до Р. Хр.) въ 4 стихѣ его гимна Зевсу; а таже мысль выражается и у многихъ греческихъ поэтовъ и философовъ, хотя и не въ тѣхъ-же точно словахъ.

чи родомъ Божиимъ, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго. Итакъ, оставляя времена невѣдѣнія, Богъ нынѣ повелѣваетъ людямъ всѣмъ повсюду покаяться. ¹⁾ Ибо Онъ назначилъ день, въ который будетъ праведно судить вселенную, посредствомъ предопредѣленнаго Имъ Мужа, подавъ удостовѣреніе всѣмъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ“ (Дѣян. 17, 22—31). На этомъ рѣчь великаго Апостола, помимо его намѣренія, остановилась. „Услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, одни насмѣхались, а другіе говорили: объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время. Итакъ Павелъ вышелъ изъ среды ихъ. Нѣкоторые же мужи, приставъ къ нему, увѣрвали; между ними былъ Діонисій Ареопагитъ и женщина, именемъ Дамарь, и другіе съ ними“ (Дѣян. 17, 32—34). Такое впечатлѣніе произвела и такія послѣдствія имѣла рѣчь св. Апостола въ Аѳинскомъ ареопагѣ. Были, какъ оказалось, люди, которые, не смотря на странный пріемъ, сдѣланный частію слушателей послѣднимъ словамъ ся, увѣрвали по слову Апостола, и между таковыми былъ даже одинъ изъ членовъ ареопага—Діонисій. Но и всѣ остальные не прерывали рѣчи Апостола, пока онъ излагалъ болѣе общія мысли о Богѣ и Его отношеніяхъ къ міру и человѣку, и только тогда остановили оратора—проповѣдника истины, когда онъ упомянулъ о воскресеніи Христа изъ мертвыхъ,—спеціально истинѣ христіанской. Это знаменательное обстоятельство, равно какъ и тонъ рѣчи Апостола при сужденіи о богопознаніи и богопочтаніи аѳинянъ, ясно показываютъ, съ одной стороны, то, насколько были близки естественному уму и чувству образованныхъ эллиновъ—слушателей Апостола проповѣданныя имъ общепочтительскія истины, а съ другой—то, что и въ религіозно-философскомъ міросозерцаніи и культѣ язычниковъ-эллиновъ св. Апостоль далеко не все находилъ достойнымъ порицанія. Въ виду множества святинь, ²⁾ найденныхъ имъ въ Аѳинахъ, онъ даже съ похвалою отозвался о

¹⁾ Μετανοεῖν (отъ μετα и νοεῖν—думаю, мыслю)—передумывать, переменять образъ мыслей.

²⁾ Σεβάζματα, — предметы почитанія, богопочтанія, чтимое, — весьма гармонируетъ съ выше изъясненнымъ выраженіемъ; δεῖσιμα μυστηρίους.

богобоязненности Аѳинянь, подобно тому, какъ другой перво-
 верховный Апостоль (Петръ), по поводу обращенія въ хри-
 стіанство язычника Корнилія, высказался: *не на лица зрѣтъ
 Богъ: но во всякомъ языкѣ бойся Его и дѣлай правду прѣ-
 тенъ Ему есть* (Дѣян. 10, 34—35). Равнымъ образомъ и въ
 религіозно-философскомъ міросозерцаніи эллиновъ св. Павелъ
 нашель мысли, достойныя быть поставленными во свидѣтель-
 ство истины божественнаго происхожденія рода человѣческа-
 го. Заслуживающимъ порицанія онъ находилъ лишь много-
 божіе и идолопоклонство. „Мы, будучи родомъ Божіямъ,—взы-
 валь онъ поэтому,—не должны думать, что Божество по-
 добно золоту, или серебру, или камню, получившему образъ
 отъ искусства и вымысла человѣческаго¹. Ко времени про-
 повѣди апостольской въ Греціи уже твердо установилось
 признаніе и почитаніе 12-ти главныхъ божествъ (*δωδεκά-
 τῶν θεῶν*): Зевса и Иры, Посидона и Димитры, Аполлона и
 Артемиды, Ерма и Аѳины, Ифеста и Естіи, Арея и Афроди-
 ты. Каждому изъ нихъ былъ устроаемъ и посвящаемъ особый
 храмъ и жертвенникъ; для каждаго было особое изображеніе
 (*εἶδωλον*), обыкновенно изваянное изъ благороднаго металла,
 или изъ мрамора и т. п.¹). Но рядомъ съ этими святынями Апо-
 столъ нашель въ Аѳинахъ и жертвенникъ съ надписью: *не-
 вѣдомому Богу* (*ἀγνώστῳ θεῷ*). Павзаній и Филостратъ утверж-
 даютъ даже, что такихъ жертвенниковъ въ Аѳинахъ было нѣ-
 сколько²). Происхожденіе ихъ мало извѣстно. Діогенъ Ла-
 эрцій сообщаетъ, правда, объ Эпименидѣ (VI в. до Р. Хр.),
 что онъ, по очищеніи Аѳинъ отъ моровой язвы, согласно вву-
 шенію оракула, повелѣлъ Аѳинянамъ приносить жертву τῷ
προσήκοντι θεῷ (подходящему, относящемуся сюда богу), что-
 бы уничтожить зло и предотвратить его повтореніе на буду-

1) См. Nägelsbach, *Nachhomerische Theologie*, S. 127—77. Nürnberg. 1857; Leitschub, *Entstehung der Mythologie und die Entwicklung der griechischen Religion nach Hesiods Theogonie*, S. 171. Würzburg, 1867; Хрисанѳа, *Религія древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству*, т. II, стр. 325 и дал. Сиб. 1875 и др.

2) См. Павзанія, *Опис. Греція I*, 1, стр. 4 т. 1 и 5, 14, стр. 46 т. 2. Сиб. 1788; Philostrati *opp.* pag. 107 ed. Kayser Turici, 1853

щее время ¹⁾; имени бога при этомъ не указывается; но въ такомъ случаѣ могутъ разумѣться нѣкоторые и изъ извѣстныхъ по именамъ божествъ, какъ напримѣръ Аполлонъ сребролукій, насылавшій губительную язву на лагеря греческіе во время троянской войны, ²⁾ или другое какое-либо изъ божествъ *προσγυόντων*. Какъ-бы то ни было, т. е., съ Эпименида-ли началось почитаніе невѣдомаго Бога въ Аѳинахъ, или со временъ позднѣйшихъ философовъ, сильно ратовавшихъ противъ множества извѣстныхъ божествъ греческой народной религіи, но только Апостоль Павелъ весьма мудро воспользовался этимъ обстоятельствомъ для той цѣли, чтобы раскрыть предъ своими слушателями понятіе о невѣдомомъ какъ-бы для нихъ, однако-же истинномъ Богѣ, о Которомъ въ сущности онъ и на улицахъ аѳинскихъ уже проповѣдывалъ. Но тогда проповѣдь Апостола, по причинѣ разнородности и разнохарактерности окружавшихъ его слушателей, не могла имѣть надлежащаго дѣйствія. Нѣкоторые изъ этихъ слушателей, именно философы школы эпикурейской и стоической, не разобравъ дѣла хорошо, и, быть можетъ, думая, что Апостоль — пришелецъ, подобно древнему Сократу, вводить въ народную ихъ религію какое-либо новое божество, ³⁾ а можетъ быть просто изъ желанія услышать отъ него новость, ибо „Аѳиняне и живущіе у нихъ иностранцы ни въ чемъ охотнѣе не проводили время, какъ въ томъ, чтобъ говорить или слушать что-либо новое“ (Дѣян. 17, 21),—привлекли его даже въ верховное судилище—ареопагъ, послѣ безуспѣшнаго спора съ нимъ на улицахъ города. А теперь не то. Теперь Апостолу представлялась наилучшая возможность, удобнѣйшій случай раскрыть сказанное выше понятіе съ полною обстоятельностью, предъ слушателями не только вообще образованными, но и въ значительной части философами. Теперь онъ не только могъ, но

¹⁾ Diog. Laërtii, Vitae philosophorum, lib. I. cap. 10, pag. 28—29. Parisiis, 1850.

²⁾ См. поэтическое изображеніе этого дѣйствія Аполлона въ 1-й пѣснѣ Илиады Гомера. Поэтому онъ и называется у Гомера: *ἐκήβολος*, *ἐχατηβόλος*, *ἐκάεργος*, *ἀργυρότοξος* и т. п.

³⁾ О Сократѣ въ этомъ отношеніи см. Xenophontis, Memorabilia I, 1;—Platonis, Euthyphron, II; Apologia Socr. и др.

и долженъ былъ говорить не просто, а возвышенно, даже философски, какъ и самъ онъ говорилъ о себѣ: *быть... беззаконнымъ* ¹⁾ *яко беззаконенъ, не сынъ беззаконникъ Богу, но законникъ Христу, да приобретаю беззаконныя... Въсѣмъ бытъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. 9, 21, 22). И дѣйствительно, его рѣчь съ изумительною ясностію и точностію, хотя и кратко, излагаетъ предъ слушателями ея то, чего долгое время искала, но не вполне доискивалась философія религіи въ Греціи. Воспользовавшись, повторяемъ, даннымъ обстоятельствомъ существованія въ Аѳинахъ жертвенника невѣдомому Богу, Апостоль язычниковъ открываетъ предъ ними завѣсу, скрывавшую отъ нихъ истину присущей всѣмъ людямъ идеи о Богѣ подъ покровомъ нѣкоторыхъ ложныхъ народныхъ вѣрованій и философскихъ заблужденій. Онъ изъясняетъ имъ эту идею, не какъ лишь философему, а и какъ живую и жизненную принадлежность религіознаго сознанія человѣчества. И прежде всего словами: „Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ“, Апостоль хочетъ сказать, что невѣдомый Богъ, Котораго онъ проповѣдуетъ, не долженъ быть смѣшиваемъ ни съ какимъ-бы то ни было натуралистическимъ божествомъ эллинской народной религіи, ни съ натуралистическимъ, пантеистическимъ и т. д. первоначаломъ всего сущаго, къ которому приходила греческая философія. Это — живой, личный Богъ, Творецъ вселенной, какъ и полновластный Владыка (Господь) неба и земли: міръ и все, что въ немъ, есть дѣло этого Бога, а не проявленіе лишь сущности Его, какъ учила философія. Въ тоже время Самъ въ Себѣ Онъ есть существо премірное, вездѣсущее, высочайше духовное, вседозвольное и пр. Онъ „не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ-бы имѣющій въ чемъ-либо нужду“. Напротивъ, Онъ „Самъ даетъ всему жизнь и дыханіе и все,“ какъ Богъ живой и личный, какъ высочайшій Духъ, не только Творецъ, но и Промыслитель міра. Таково метафизическое понятіе о Богѣ, съ признаками этого понятія положительными и отрицательными, раскрытое Павломъ предъ присутствовавшими въ ареопагѣ слушателями его рѣчи.

¹ *Беззаконнымъ* въ смыслѣ живущихъ внѣ закона іудейскаго, т. е., язычниковъ.

Какъ-же теперь должны были удивиться этой глубинѣ созерцанія идеи о Богѣ тѣ, которые такъ недавно называли его „суесловомъ!“ Проповѣданный Павломъ Богъ оказывался дѣйствительно отчасти *неведомымъ* для Аѳинянъ, потому что не былъ ни вполнѣ богомъ народной религіи, личнымъ, но не совершенно абсолютнымъ, ни вполнѣ богомъ философіи, абсолютнымъ, но не личнымъ, ¹⁾ хотя и не знакомымъ ихъ сознанію и чувству. Раскрывъ, такимъ образомъ, понятіе о Богѣ въ Самомъ Себѣ и въ общемъ отношеніи Его къ міру, Апостоль съ неменьшею глубиною мудрости раскрываетъ теперь мысль, также заключающуюся въ идеѣ о Богѣ и уже отчасти предоткрытую имъ, именно мысль объ отношеніи Бога собственно къ роду человѣческому. „Отъ одной крови, говоритъ Апостоль, Онъ произвелъ весь родъ человѣческой,“ дабы этотъ послѣдній всюду, гдѣ-бы ни обиталъ, и всегда, когда-бы ни жилъ, искалъ своего Создателя и стремился къ Нему всѣмъ существомъ своимъ. И такое исканіе Бога легко можетъ привести къ отысканію Его, ибо „Онъ недалеко отъ каждаго изъ насъ: мы Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ“; больше того: „мы Его и родъ“, какъ то утверждали и греческіе поэты и философы. Но и еще далѣе идетъ, еще глубже проникаетъ въ тайну исторіи идеи Божества рѣчь великаго Апостола. Мы—родъ Божій не только по внѣшнему, такъ сказать, отношенію къ Богу, какъ нашему Производителю, Создателю, но и по внутреннѣйшему соотношенію, сродству нашего духа съ Нимъ, какъ высочайшимъ Духомъ. Мы можемъ не только „искать“ Бога, какъ нѣчто внѣ насъ сущее, но и „ощущать“ (*ψηλαφῆσαι*), какъ бы осязая Его, внутренно соприкасаться съ Нимъ, чтобы придти къ таинственному союзу (*religio*), достигая духовнаго единенія съ Нимъ. Иначе сказать, Апостоль прикровенно указываетъ Аѳинянамъ и на самый источникъ идеи Божества, заключающійся въ прямомъ воздѣйствіи Бога, какъ Духа, на духъ человѣческой ²⁾;—указываетъ опять, какъ на нѣчто и

¹⁾ См. O l s h a u s e n - E b r a r d, Kommentar zur Stelle. S. 240. Königsberg, 1862. Сравни архим. *Михаила*, Толк. Апостоль, кн. 1 на то же мѣсто. Москва, 1876 и др.

²⁾ Болѣе подробное раскрытіе и обоснованіе этой мысли съ философской точки зрѣнія можно находить въ сочиненіи проф. *В. Д. Кудрявцева*: „Объ источникѣ идея Божества“. Москва, 1864 года.

невѣдомое для слушателей и въ тоже время не чуждое ихъ сознанію и разумѣнію. Это подобно тому, какъ тотъ-же Апостоль въ своемъ посланіи къ Римлянамъ говоритъ о язычникахъ вообще: „что можно знать о Богѣ, явно для нихъ: потому что Богъ явилъ имъ. Ибо невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы, такъ что они безотвѣтны“ (Рим. 1, 19—20). Разница лишь въ томъ, что тамъ указывается на самооткровеніе Божества человѣку внутри самаго сознанія послѣдняго, чрезъ таинственное соприкосновеніе съ его духомъ, а здѣсь—на тоже самооткровеніе внѣ человѣческаго сознанія, чрезъ явленіе въ дѣлахъ творенія и промысленія, каковую послѣднюю сторону дѣла Апостоль Павелъ, кромѣ нѣкоторыхъ изреченій теперь разсматриваемой рѣчи, указываетъ яснѣе и полнѣе въ другой рѣчи своей къ язычникамъ (въ Антиохіи), говоря о Богѣ, что Онъ *не свидѣтельствована Себе остави, благотворя, съ небесе намъ дожди дая и времена плодоносна, исполняя пищею и веселіемъ сердца наша* (Дѣян. 14, 17). Въ томъ и другомъ случаѣ Апостоль утверждаетъ истину, такъ называемаго, естественнаго откровенія.

Раскрывъ предъ своими слушателями присущую человѣку идею о Богѣ во всей широтѣ пониманія ея, во всемъ объемѣ значенія ея и во всей полнотѣ содержанія ея, какъ метафизически-философскаго и исторически-жизненнаго начала религиозныхъ отношеній человѣка, и какъ необходимой, исконной принадлежности его сознанія и чувства, св. Апостоль касается теперь дальнѣйшей судьбы этой идеи въ исторіи человечества вообще и эллинизма въ частности. „Итакъ мы,—говоритъ онъ,—будучи родомъ Божиимъ, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню“ и т. д. То есть „мы,—какъ-бы такъ говоритъ онъ,—родъ Божій“ и по внутреннему и по внѣшнему отношенію нашему къ Богу, какъ Духу и вмѣстѣ Творцу нашему, и слѣдовательно должны имѣть пониманіе о Немъ, какъ существѣ духовномъ, обязаны служеніемъ Ему также болѣе духовнымъ (срав. Рим. 12, 1), нежели тѣлеснымъ,—хотя, доколѣ имѣемъ нераздѣльными въ себѣ душу и тѣло, естественно прославляемъ Бога *въ тѣлесахъ* нашихъ,

и въ душахъ нашихъ, яже суть Божія (1 Кор. 6, 20), а между тѣмъ думаемъ, что „Божество подобно золоту“ и проч. Богъ, какъ высочайшій Духъ, „не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ“, а мы Ему устроаемъ рукотворенные храмы, думая, что въ нихъ-то именно мы Его и помѣщаемъ, какъ нѣчто также рукотворенное (идолы). Богъ, какъ Духъ вседовольный, „не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ“, а мы Ему приносимъ вещественные дары и жертвы, въ той именно слѣпой увѣренности, что Онъ, подобно человѣку, имѣетъ нужду въ пищѣ, питіи и услуженіи. Это, конечно, происходитъ отъ „невѣдѣнія“; но, лучше сказать, отъ забвенія, отъ допущенія, по заблужденію, того, чего прежде умъ и сознаніе не допускали. Иначе не въ чемъ было-бы и „каяться“, нечего было-бы и перемѣнять образъ мыслей (*μετανοεῖν*). Если само заблудшее сознаніе человѣка не побуждаетъ его къ такому именно покаянію, то должно побудить представленіе о грядущемъ „судѣ“ Божию надъ „вселенною“. Въ разсматриваемой теперь рѣчи Апостолъ не выясняетъ подробно самый, такъ сказать, историческій процессъ помраченія первоначально чистой идеи Божества, — процессъ измѣненія первоначальнаго единобожія въ политеистическое представленіе о Божествѣ и даже въ грубое идолопоклонство. Болѣе подробное выясненіе этого процесса мы находимъ въ посланіи того-же Апостола къ другой части греко-римскаго міра — Римлянамъ. Здѣсь онъ, вслѣдъ за выше-приведенными словами, говоритъ о тѣхъ-же язычникахъ, что „они, познавъ Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце; называя себя мудрыми, обезумѣли, и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся“ (Римл. 1, 21—23). Итакъ три ступени, по Апостолу, низводили и низвели человѣчество отъ чистаго единобожія въ многобожіе и идолопоклонство: а) Охлажденіе религіознаго чувства: язычники, „познавъ Бога, не прославили Его, какъ Бога“, то есть „не пользовались симъ знаніемъ, какъ надлежало“, по объясненію св. Іоанна Златоуста ¹⁾, или: „не восхотѣли

¹ Тольков. на Посл. къ Римл. Москва, 1855.

имѣть о Немъ достойныхъ Его мыслей“, по объясненію блаженнаго Теодорита ¹⁾. „Прославленіе и благодареніе Бога представляютъ собою необходимыя обнаруженія религіознаго чувства. Недостатокъ благоговѣнія и благодарности къ Творцу служить несомнѣннымъ признакомъ охлажденія религіознаго чувства. А это бываетъ тогда, когда въ сознаніи чловѣка идея Бога отходить на второй планъ, получаетъ второстепенное значеніе“ ²⁾. б) Дальнѣйшую ступень низпаденія чловѣка въ его религіозныхъ отношеніяхъ къ Богу представляетъ собою, по Апостолу, помраченіе умственныхъ способностей и извращеніе направленія мыслительной дѣятельности: люди „осутились въ умствованіяхъ своихъ“. Удалившись отъ чистаго источника идеи о Богѣ, они стали мыслить и о Богѣ и во всемъ прочемъ, стоящемъ въ необходимой и прямой зависимости отъ Бога, одно только суетное, не ведущее къ желаннымъ и подлежащимъ послѣдствіямъ. в) Третью и послѣднюю ступень удаленія людей отъ чистой, живой и жизненной идеи Божества Апостолъ находитъ въ омраченіи ихъ сердца и, чтобы показать связь этой ступени съ предшествующими и особенно съ ближайшею къ ней, называетъ это сердце „несмысленнымъ“. Но также и сердце, въ свою очередь, воздѣйствуетъ на умъ. „Сердце есть внутреннѣйшій чловѣкъ; омраченіе его неизбежно влечетъ за собою помраченіе ума. Одинъ изъ философовъ-идеалистовъ (Фихте старшій) выразился, что система нашего мышленія очень часто представляетъ исторію нашего сердца“ ³⁾. Въ этомъ-то смыслѣ Апостолъ, вслѣдъ за указаніемъ послѣдней ступени низпаденія чловѣка, и добавляетъ о язычникахъ: „называя себя мудрыми, обезумѣли“, послѣ чего чловѣкъ, по Апостолу, дошелъ до самой глубины паденія, до грубаго идолопоклонства. Въ рѣчи своей предъ слушателями-Афинянами Апостолъ, не выясняя подробно всего раскрытаго сейчасъ процесса, устававливаетъ лишь фактъ самой низшей ступени въ немъ,—многобожія и идолопоклонства, и взываетъ о возвращеніи сознанія ихъ къ единому истинному

¹⁾ Толк. на Посл. къ Римл. стр. 25 тома VII твореній, изд. 1861 года.

²⁾ Н. П. Рождественскаго, О происхожденіи многобожія, въ „Христ. Чтенія“ за 1884 года, №№ 1—2, стр. 180—181.

³⁾ Тамъ-же, стр. 181.

Богу, ставшему для нихъ какъ-бы невѣдомымъ. Однако-же слушатели Апостола могли и должны были знать этотъ процессъ, также какъ знали тѣхъ провозвѣстниковъ истины естественнаго откровенія въ средѣ самого эллинизма, которые, подобно теперешнему оратору-пришельцу изъ Малой Азіи, старались раскрыть народу, по мѣрѣ силъ и своего собственного познанія, идею Божества въ первоначальной чистотѣ ея. Въ рѣчи Апостола звучалъ для нихъ тонъ рѣчи лучшихъ мыслителей древней Греціи, и вотъ почему они не прерывали ее до извѣстнаго времени.

Если и мы, подобно слушателямъ Апостола въ Аѳинскомъ ареопагѣ, обратимся къ древнѣйшей исторіи Эллады: то подобно имъ увидимъ въ рѣчи Апостола, выше изъясненной, какъ-бы вѣнецъ всѣхъ изысканій лучшихъ древне-греческихъ мыслителей въ области вопроса о Богѣ Самомъ въ Себѣ и въ Его отношеніяхъ къ міру и человѣку, или, что то же—въ области содержанія идеи Божества. Мы увидимъ, что эти мыслители, кто-бы они ни были, поэты-ли, или философы, историки-ли или испытатели природы, далеко не всегда были чужды мыслей, высказанныхъ въ рѣчи Апостола. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ такъ близки были къ христіанскому образу религіознаго міровоззрѣнія, что церковные писатели, по примѣру св. Апостола язычниковъ, не могли не считать ихъ какъ-бы пророками - провозвѣстниками христіанства въ мірѣ языческомъ. И такъ именно они думали въ отношеніи къ эллинскимъ собственно мыслителямъ, особливо философамъ. Климентъ Александрійскій, на примѣръ, говоритъ: „до явленія Христа во плоти іудеямъ въ руководство данъ былъ законъ, эллинамъ—философія“. ¹⁾ Оригенъ пишетъ даже: „вся эллинская философія есть предъуготовленіе къ христіанству“. ²⁾ Особенно на философа Платона смотрѣли отцы и учителя Церкви, какъ на такового провозвѣстника христіанской истины въ эллинскомъ мірѣ. „Что такое Платонъ,—говоритъ, на примѣръ, тотъ же Климентъ Александрійскій,—какъ не по аттически пишу-

¹⁾ Стром. VI, 17. Opp. t. II. ed. Potteri Venetiis, 1757.

²⁾ Посл. къ Триг. 1. Operum t. XVII, pag. 49. Ed. Lommatzsch. Berolini, 1844.

щій Моусей“? ¹⁾ А Евсевій Кесарійскій оставилъ намъ цѣлое большое сочиненіе, подѣ заглавіемъ: „Предъуготовленіе къ Евангелію“ (Προπαρασκευὴ εὐαγγελική), въ которомъ собралъ во едино все, что до него приводимо было апологетами христіанства изъ языческихъ (притомъ почти исключительно греческихъ) писателей въ доказательство того, какъ и въ естественномъ состояніи человѣческаго разума Богъ не оставялъ его Своимъ просвѣщеніемъ, откровеніемъ: *не несвидѣтельствована Себе остави*, предъуготовляя его къ воспріятію истинъ христіанскаго откровенія сверхъестественнаго. Весьма любопытно, больше того, поучительно, поэтому, будетъ прослѣдить по самымъ произведеніямъ древне-греческой письменности ходъ раскрытія въ нихъ идеи о Богѣ, поступательное движеніе въ развитіи религіознаго міросозерцанія, начиная съ древнѣйшихъ временъ вплоть до явленія христіанства, или, что тоже—прослѣдить судьбы идеи Божества за все это время.

Но предварительно изслѣдованія предмета, мы должны выяснить и установить точку зрѣнія на предметъ. Уже при разъясненіи содержанія рѣчи св. Апостола Павла въ Аѳинскомъ ареопагѣ мы указывали на широту объема содержанія и значеніе идеи о Богѣ; говорили, что эта идея имѣетъ не только метафизически-философское, но и исторически-жизненное значеніе. Въ этомъ смыслѣ она столько-же принадлежитъ области философіи, сколько и вообще исторіи религіознаго міросозерцанія, въ какой-бы формѣ послѣднее не выражалось, какъ мы отчасти и мимоходомъ также замѣчали: въ формѣ-ли поэтическаго изображенія, или въ формѣ философеми и т. д.. Въ какую-бы то ни было изъ этихъ формъ облеченная, она равно достойна философскаго изслѣдованія, и именно въ отношеніи къ Греціи, образцовой странѣ постепеннаго развитія философствующаго сознанія и мышленія. Здѣсь форма, внѣшняя оболочка сама по себѣ, не имѣетъ большаго значенія. Съ одной стороны, мы знаемъ, что уже у Гомера, древнѣйшаго поэта эллинской народности, встрѣчаются многія мысли, которыя или прямо могутъ быть названы, какъ и считаются издавна по справедливости, философемами, или, и не будучи

¹⁾ Стром. I, 251. Opp. t. 1 ed. cit.

въ строгомъ смыслѣ таковыми, послужили исходными точками для философовъ послѣдующаго времени. Такъ на примѣръ, въ *Илиадѣ* говорится о „потокахъ рѣки Океана, отъ коего все родилось“, ¹⁾ т. е. говорится то самое, что гораздо позже Гомера высказано было первооснователемъ іонійской школы философской—*Θалесомъ*, какъ главнѣйшее положеніе его философіи, именно, что „все происходитъ изъ воды“ ²⁾. Не даромъ уже *Аристотель*, приведши эту основную мысль философіи *Θалеса*, замѣчаетъ, что „и самые древніе (*Παμπάλαιους*) такъ богословствовали (*θεολογήσαντες*) относительно природы, говоря объ *Океанѣ* и *Теисѣ*, какъ виновникахъ бытія (*γενέσεος πατέρας*) и представляя предметомъ клятвы для боговъ воду, подъ именемъ рѣки *Стикса*“ ³⁾. Тоже должно сказать и относительно ученія другаго представителя іонійской философской школы, *Анаксимена*,—о землѣ, держащейся на воздухѣ; ⁴⁾ ученія элейца *Ксенофана* о единомъ богѣ надъ богами, который весь — зрѣніе, разумъ и слухъ ⁵⁾ и т. д.. Не даромъ и св. Апостолъ *Павелъ* въ разсмотрѣнной рѣчи ближе всего не на философовъ, а на поэтовъ ссылается въ подтвержденіе истины происхожденія рода человѣческаго отъ единнаго Бога.

¹⁾ XIV. 245—246 по переводу *Н. Гнѣдича*. Спб. 1860—1861. Въ подлинникѣ ὅσπερ γενέσις πάντεσσι τέτυκται.

²⁾ *Fragm. philos. graecorum*, pag. 204—205. ed. *Mullachii*, Parisiis 1860. Срав. *Plutarchi, De plac. phil.* I, 3; opp. t. IX. pag. 472, ed. *Reiskii*. Lipsiae 1778.

³⁾ *Metaph.* I, 3; conf. *De coelo* II, 13; срав. также *Гераклида* Понтійскаго *Allegoriae Homericae*, cap. 22. t. 1 pag. 316. ed. *Matrangae*. Romae, 1850:—христіанскаго апологета *Аѳинагора*, *Legat.* cap. 15 и др. См. также во многихъ исторіяхъ философіи при разсужденіи о *Θалесѣ*. О клятвѣ водою рѣки *Стикса* см. *Ил.* XIV, 271 и дал.

⁴⁾ *Fragm. phil. graec.* pag. 241—242 ed. cit. Срав. рѣчь *Зевса* въ *Ил.* VIII, 34—36. Затѣмъ не даромъ уже древніе (напр. упомянутый *Гераклидъ*) видѣли въ *Ирѣ* представительницу воздуха, безпредѣльность котораго является основоположеніемъ философіи *Анаксимена* вообще. Срав. *Воеводскаго*: Введеніе въ міеологию *Одиссея*, въ запискахъ *Новоросс. унив.* за 1882 г. т. 33, стр. 204.

⁵⁾ *Fragm. phil. gr.* pag 101. ed. cit. Οὐλος ὄρα, οὔλος δὲ νοεῖ, οὔλος δὲ τ' ἀκούει. Срав. у Гомера о *Гелиосѣ*: Πάντ' ἐφορᾷ καὶ πάντ' ἐπακούει въ *Ил.* III, 277; *Од.* XII, 323 и др. Срав. *Воеводскаго*, цит. изслѣдованіе, стр. 204. См. въ этомъ-же изслѣдованіи и о вліяніи мыслей Гомера на другихъ философовъ (стр. 202 и дальн.)

Дальнѣйшія (послѣ-гомеровскія) поэтическія произведенія еще болѣе содержатъ въ себѣ элементовъ философскихъ. Орфическіе гимны, напримѣръ, въ значительной долѣ своего содержанія вошли въ составъ философскихъ воззрѣній такихъ мыслителей, какъ Ферекидъ Сиросскій, Пифагоръ и др.. Не даромъ во многихъ даже лучшихъ и новѣйшихъ исторіяхъ греческой философіи архаическаго періода орфическое міровоззрѣніе органически входитъ въ составъ историко-философскаго обзрѣнія 1). Съ другой стороны, не безызвѣстно также, что и древнѣйшіе мудрецы Греціи, каковы изъ семи: Хилопъ, Питтакъ, Солонъ и др. и позднѣйшіе философы, напримѣръ: Эмпедоклъ, Ксенофанъ, Парменидъ и др., оставили свои философскія воззрѣнія выраженными въ стихотворной формѣ. Такимъ образомъ форма, повторяемъ, здѣсь не имѣетъ большаго значенія. Лучше было-бы сказать, идея Божества принадлежитъ области *философіи религіи*. А эта область въ исторіи древне-греческой культуры весьма обширна. Она начинается вмѣстѣ съ началомъ литературы греческой (Гомеръ), мифологіею и кончается философскими школами сомнѣнія (скептицизмъ, сенсуализмъ), полное развитіе которыхъ относится къ первымъ вѣкамъ христіанства. Недаромъ уже древніе мыслители въ писаніяхъ Гомера видѣли источникъ языческаго богословія 2) и вмѣстѣ называли его „началовождемъ всякой мудрости языческой“ 3). Въ ходѣ развитія философіи религіи мифологія, главнымъ выразителемъ коей у грековъ былъ Гомеръ, является „религіознымъ міросозерцаніемъ въ формѣ представленія. И это міросозерцаніе обнимаетъ собою всѣ стороны религіозной идеи, какъ ученіе о Богѣ, такъ и объ отношеніи Его къ міру и человѣку“ 4). Еще далѣе пошло это міро-

1) См. напр. S. A. Byk. Die vorsokratische Philosophie der Griechen. Fh. 1, S. 3—24. Leipzig, 1876;—также *Op. Новицкаго*. Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій, ч. II, стр. 55 и дал. Кіевъ, 1860 и др.

2) Срав. *Геродота*: Исторія II, 53 и вышеприведенное выраженіе *Аристотеля* о Гомерѣ (съ Гезіодомъ и др.): Θεολογῆσαντες. Срав. также *Риттера*, Ист. философіи, т. 1, стр. 118. Сиб 1839; *Op. Новицкаго*, цит. соч. стр. 59 и дальн. ч. II и др.

3) Πάσης σοφίας ἀρχαίου ἀρχηγόν. Eusebii, Praepar. Evangel. X, 11, 2, pag. 93 vol. II, ed. Heinichen. Lipsiae, 1843.

4) *В. Д. Кудрявцевъ*. Изъ чтеній по философіи религіи, въ „Правосл. Обозр.“ за 1879 г. т. I, стр. 783. Срав. *Воеводскаго*, цит. изсѣд. стр. 183; 186 и др.

созерцаніе въ теогоніи Гезіода и въ орфическихъ представленіяхъ о Божествѣ. Здѣсь еще болѣе, нежели въ мифологіи Гомеровою, вѣра дѣлаетъ уступокъ разуму, такъ какъ простыя мифологическія представленія при этомъ уже получаютъ значительное „видоизмѣненіе подъ вліяніемъ болѣе или менѣе отвлеченнаго мышленія“ ¹⁾. Въ дальнѣйшемъ поступательномъ движеніи своемъ тоже религіозное міросозерцаніе древней Греціи еще болѣе расширяетъ права разума въ области предметовъ вѣры вообще и въ области содержанія идеи о Богѣ въ частности. Дѣтскій и юношескій возрастъ его развитія уступаетъ мѣсто мужескому. И между тѣмъ какъ одна часть греческихъ мыслителей и въ однихъ частяхъ обширной греческой территоріи продолжаетъ дѣло поэтовъ: Гомера, Гезіода и другихъ древнѣйшихъ, другая часть ихъ и въ другихъ или тѣхъ-же мѣстахъ этой территоріи начинаетъ дѣло прямо философскаго изслѣдованія объ означенныхъ предметахъ вѣры, при чемъ разумъ вступаетъ уже въ полныя права свои, пока въ Платонѣ и Аристотелѣ философія греческая не достигаетъ вершины своего всемірнаго значенія. Архилохъ, Терпандръ, Симонидъ, Пиндаръ, Эсхилъ, Софокль и др. (700 — 300 гг. до Р. Хр.) въ поэзіи совершаютъ и довершаютъ дѣло Гомера, Гезіода и др.; а философы, начиная семью мудрецами и кончая Сократомъ (700—400 гг. до Р. Хр.), такъ или иначе, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, уготовляютъ путь божественной философіи Платона ²⁾ и его завершителя, Аристотеля (439—322 гг. до Р. Хр.). Достигши вершины напряженія мысли въ философіи Аристотеля, религіозное міросозерцаніе испытываетъ затѣмъ общую для всего чисто-человѣческаго судьбу: постепенный упадокъ силы этого напряженія, нѣкотораго рода саморазложеніе, продолжающееся до третьяго вѣка по Рожд. Христ. Мѣсто поэтическаго вдохновенія прежнихъ временъ заступаетъ теперь скучное пережевываніе прежнихъ матерій (Аполлоній Родосскій, Теокрытъ и другіе лучшіе писатели, не говоря уже о писателяхъ худшаго разбора, носившихъ только имя поэтовъ), или не менѣе скучная поэзія дидактическая (Каллимахъ, Ликофронъ,

¹⁾ В. Д. Кудрявцева, тамъ-же, стр. 792.

²⁾ Срав. Ор. Новицкаго, цит. соч. Ч. II, стр. 75.

Эвдоксъ и др.). Самыя произведенія Гомера и другихъ древнѣйшихъ поэтовъ становятся теперь не столько источниками богословія языческаго, сколько предметомъ критики со стороны текста (Аристофанъ Византійскій, Аристархъ и др.) или и со стороны содержанія, но только въ видахъ объясненія его съ точки зрѣнія современнаго критикамъ пониманія этого содержанія (аллегорическое объясненіе мифовъ Евгемеромъ и представителями его школы). Не въ утѣшительномъ положеніи находилась и философія. Не говоря объ эпикурейской и другихъ философскихъ школахъ, даже стоическая философія, много оказавшая пользы нравственному ученію, со стороны религіознаго собственно міросозерцанія представляла въ себѣ шагъ назадъ въ сравненіи съ философіею Платона и Аристотеля, какъ то увидимъ въ свое время. Что-же касается до скептицизма, то онъ безпощадно ниспровергалъ добытое, въ пользу основныхъ истинъ религіи философіею Платона. Были даже и такіе мыслители, которые, удалившись отъ началъ вѣры и отъ источника идеи Божества, осуществляли на себѣ истину пророческаго изреченія: *еще не устыжите, ниже имате разумѣти* (Иса. 7, 9) и апостольскаго: *глаголющися быти мудри, обзюродѣши* (Рим. 1, 22); ибо перѣдко, подобно *безумнымъ*, говорили даже: *нѣсть Богъ* (Псал. 13, 1). Зато, съ другой стороны, и въ этотъ періодъ появлялись мыслители, которые, подобно Платону и другимъ, въ философскихъ изысканіяхъ своихъ, старались быть возможно ближе къ самому первоисточнику истинъ вѣры, покорять разумъ вѣрѣ, а чрезъ это становились ближе и въ христіанской истинѣ. Они дѣятельно осуществляли на себѣ истину изреченія одного церковнаго писателя (Тертуліана), что „душа есть по природѣ христіанка“ ¹⁾. Не даромъ-же нѣкоторые изъ нихъ удостоились быть въ числѣ свидѣтелей христіанской истины, по завѣренію св. Апостола Павла, каковы: дидактическій поэтъ Аратъ, философъ стоической школы Клеанетъ и др. Равнымъ образомъ не безъ основанія, конечно, дохристіанскіе послѣдователи Платона (неоплатоники такъ называемой новой академіи и представители іудео-александрій-

1) *Apologeticus adversus gentes*, 17, pag. 47 t. V ed. J. S. Semler. Halae Magd. 1773.

ской философіи) стали путеводителями философіи отцевъ и учителей христіанской Церкви.

Указаніемъ точки зрѣнія на предметъ предстоящаго намъ изслѣдованія мы уже предъуказали и самый путь этого изслѣдованія. Это—путь историко-философскій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не хотимъ оставить безъ предваренія и относительно объема выполненія задачи нашего изслѣдованія. Мы не рѣшаемся предпринять дѣло историко-философскаго обслѣдованія судебъ идеи Божества въ древне-греческомъ міросозерцаніи во всей полнотѣ ея значенія: это потребовало-бы слишкомъ много времени и излишне разширило-бы предѣлы нашего изслѣдованія. Къ тому-же многія стороны изъ полнаго объема содержанія идеи Божества уже раскрыты въ такихъ отечественныхъ сочиненіяхъ нашихъ, какъ *П. М. Леонтьева*: „О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи“. Москва, 1850; Преосв. *Хрисанова*: „Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству“, т. II, стр. 325—571. Спб. 1875 и др. Мы ограничимся только раскрытіемъ идеи о Богѣ въ Самомъ Себѣ, т. е. въ Его существѣ и свойствахъ, въ силу чего лишь въ необходимыхъ случаяхъ будемъ касаться другихъ сторонъ содержанія идеи Божества.

Наконецъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать и еще одно предвареніе относительно порядка обслѣдованія памятниковъ древне-греческой письменности съ интересующей насъ стороны. Этотъ порядокъ, какъ понятно уже и изъ указанія пути изслѣдованія, долженъ быть хронологическій. Но хронологію при этомъ мы будемъ имѣть въ виду не лицъ, дѣйствительныхъ-ли то или мнимыхъ, которымъ приписывались и иногда теперь приписываются тѣ или другія произведенія греческой письменности, а—самыхъ этихъ произведеній. Отчасти мы уже намѣтили этотъ порядокъ, когда говорили о произведеніяхъ, извѣстныхъ съ именами Гомера, Гезіода и Орфея, поставивъ ихъ именно въ этомъ порядкѣ, хотя болѣе чѣмъ вѣроятно, что Орфей самъ, какъ личность историческая (разумѣемъ Орфея старшаго), жилъ ранѣе Гомера, и хотя многими даже изъ новыхъ ученыхъ Гезіодъ признается старѣйшимъ, нежели Гомеръ. Само собою разумѣется, что въ настоящемъ нашемъ изслѣдова-

ни памъ нѣтъ возможности, да и нужды, входить въ подробное критическое разсмотрѣніе основаній для того порядка расположенія памятниковъ древне-греческой письменности, какой мы избираемъ. Мы будемъ опираться въ этомъ отношеніи на такихъ авторитетахъ учености и знакомства съ греческою литературою, какъ *Г. А. Фабрицій* съ его незамѣнимою „*Bibliotheca Graeca*“¹⁾; новые и новѣйшіе историки греческой литературы: *Мункъ*²⁾, *Бернарди*³⁾, *Беркъ*⁴⁾, *Николай*⁵⁾, *Магальфи*⁶⁾ и др. Руководясь такими авторитетами, мы и начнемъ свое изслѣдованіе судебъ идеи Божества съ твореній, извѣстныхъ съ именемъ Гомера, разумѣя при этомъ *Иліаду*, *Одиссею*, гимны и др.⁷⁾.

І. Идея Божества

ПО ПРЕДСТАВЛЕНІЮ ЕЯ ВЪ ТВОРЕНІЯХЪ ГОМЕРА.

„Гомеръ былъ-бы вполне нечестивъ, если-бы не говорилъ аллегорически“, — высказалъ въ защиту народнаго поэта Греціи одинъ изъ до-христіанскихъ представителей школы Евгемера, Гераклидъ Понтійскій⁸⁾. Высказывая это, Гераклидъ хотѣлъ освободить Гомера отъ обвиненія его въ грубо-чувственныхъ, человѣкообразныхъ представленіяхъ о Божествѣ. Но хотя мы и не отрицаемъ того, что въ твореніяхъ, извѣстныхъ съ именемъ Гомера, есть уже слѣды аллегорическаго

¹⁾ У насъ подъ руками было 4-е изданіе этого многотомнаго сочиненія, именно *Гарлесово* (Hamburgi, 1790, vqq.).

²⁾ Ed. Munk (1803—1871), *Griechische Literaturgeschichte* 1849—1850. 1-й томъ переведенъ и на русскій языкъ. У насъ подъ руками было 3-е изданіе подлинника. Berlin, 1879.

³⁾ G. Bernhardy (1800—1875), *Gr. Literaturgesch.* Halle, 1836.

⁴⁾ Th. Bergk (1812—1882), *Gr. Literaturgesch.* Berlin, 1872—1883.

⁵⁾ R. Nicolai. *Gesch. d. gr. Liter.* Leipz. 1876—71.

⁶⁾ *Магальфи*. *Исторія классическаго періода греческой литературы*, т. 1—2. Москва, 1882—1883.

⁷⁾ Творенія Гомера въ подлинникѣ мы будемъ цитировать по изданію Ernesti Lipsiae, 1824; *Иліаду* въ переводѣ *Гнѣдича*, выше цитированнаго изданія; *Одиссею* въ переводѣ *Жуковскаго*, изд. 6-е сочиненій послѣдняго, т. V Спб. 1869.

⁸⁾ Πάντη γὰς ἡσέβησεν (Ὀμηρος), εἰ μηδὲν ἡλληγόρησεν. См. въ самомъ началѣ „Гомеровыхъ аллегорій“ (*Allegoriae Homericae*) Гераклида по цит. изд. *Матранги*.

изложенія нѣкоторыхъ представленій ¹⁾), однако думаемъ, что и безъ особенной какой-либо аллегоріи мы найдемъ въ нихъ мысли, которыя способны защитить его отъ помянутаго обвиненія и которыя служатъ несомнѣннымъ признакомъ того, что и сему народному пѣвцу-поэту древней Греціи Богъ *не несвидѣтельствована Себе остави*. Мы найдемъ, что въ его твореніяхъ не одинъ только поэтической вымыселъ заключается, а содержатся и такія представленія и мысли, которыя издавна дѣлали ихъ въ глазахъ позднѣйшихъ писателей авторитетнымъ источникомъ богословія эллинскаго и мудрости эллинской, и которыя дали возможность даже въ новое время составлять такія обширныя сочиненія, какъ „Homerische Theologie“ von C. F. Nägelsbach ²⁾ и под. Мы увидимъ, что въ этихъ твореніяхъ не одно лишь грубо-чувственное многобожіе провозвѣщается, а и мелькаютъ тамъ и сямъ лучи свѣта отъ чистаго источника первоначальной идеи единобожія ³⁾. Не даромъ, въ самомъ дѣлѣ, Гомеръ всегда признавался и дѣйствительно является народнымъ поэтомъ и полнымъ выразителемъ религіозныхъ представленій Греціи его времени. Въ его твореніяхъ все даже не эллинское,—разумѣемъ ближе всего религіозныя представленія,—поэтически-художественно эллинизируется ⁴⁾. Таковы, наприкладъ, представленія о Зевсѣ Целасгическомъ ⁵⁾, Афродитѣ Финикійской ⁶⁾ и т. п. Гомеръ былъ, такимъ образомъ, среди своего народа какъ-бы пророкомъ ⁷⁾, провозвѣстникомъ истинъ естественнаго откровенія, естественной религіи, источникъ которыхъ есть одинъ и тотъ-же Богъ, Который является виновникомъ и сверхъестественнаго откровенія. Если *Богъ*, по неложному свидѣтельству Апостола язычниковъ, *явилъ* (ἐφ' αὐέρωσε) Себя *имъ* вообще (Рим. 1, 19), то, безъ сомнѣнія, явилъ и эл-

¹⁾ См. напр. Ил. V, IX, XIV; Од. XIX и др.

²⁾ У насъ подъ руками было 2-е изданіе этого сочиненія, обработанное *Аутентитомъ*. Nürnberg, 1861.

³⁾ Срав. В. Д. Кудрявцева: „О единобожіи, какъ первоначальномъ видѣ религіи рода человѣческаго“, въ прибавл. къ твор. св. отц. т. XVI, стр. 360. Москва, 1857.

⁴⁾ Nägelsbach, Hom. Theol. S. 10 и 7.

⁵⁾ Ил. XVI, 233 и дал.

⁶⁾ Ил. V, 367—371.

⁷⁾ Срав. Vates о Гомерѣ и другихъ древнѣйшихъ поэтахъ у Валерія Максима (VII, 1, 1).

линамъ, въ лицѣ представителя религіозныхъ воззрѣній ихъ—Гомера. Съ этимъ твердымъ и небезосновательнымъ убѣжденіемъ мы приступаемъ къ чтенію Гомеровыхъ твореній, и, по внимательномъ чтеніи, выносимъ слѣдующія мысли, касательно раскрытія въ нихъ идеи Божества.

1. Религіозносіе міросозерцаніе Греціи въ эпоху Гомера (X—IX в. до Р. Хр.) является, какъ мы замѣчали и выше, на степени *представленія*. Крѣпкая *отра* въ Божество, не омрачаемая ни малѣйшимъ сомнѣніемъ, является главною движущею силою для религіознаго сознанія. Разумъ и дѣятельность мышленія ограничиваются лишь самыми начальными отправленіями своими: наблюденіемъ, сличеніемъ, различеніемъ, неширокимъ отвлеченіемъ умопредставляемаго отъ конкретнаго и т. п. Еще менѣе было побужденій къ философскимъ обобщеніямъ, выводамъ и пр. И полнѣйшимъ выразителемъ религіознаго міросозерцанія эллинскаго на этой ступени его развитія является Гомеръ въ своихъ твореніяхъ. Тѣмъ важнѣе для насъ, потому, будетъ узнать, въ какихъ чертахъ представляется въ нихъ идея о Богѣ. Что-же мы узнаемъ? Прежде всего мы находимъ у Гомера эту полную *отру*, крѣпкую увѣренность въ Божествѣ. „Всѣ мы, люди, имѣемъ въ богахъ благодѣтельныхъ нужду“,—исповѣдуетъ Гомеръ ¹⁾. Этого мало. Въ выраженіи Гомера: „имѣютъ нужду“ (*χαιέουσι* ²⁾) не одно то высказывается, что всѣ люди нуждаются въ богахъ, какъ нуждаются въ матеріальныхъ, напимѣръ, средствахъ жизни, а и то, что они какъ-бы жаждутъ ихъ бытія, какъ необходимаго условія собственнаго своего существованія, собственной жизни, жаждутъ ихъ религіознаго отношенія къ себѣ, всѣми чувствами своими ищутъ ихъ присутствія. Это подобно тому, что Апостоль въ аѳинской рѣчи своей выразилъ словами: *ζητεῖν* (искать) и *φηλαφήραι* (ощутить). Иначе сказать, приведенными выраженіями изъ Одиссеи Гомера указывается на источникъ *отры*, общій для всѣхъ людей, на источникъ идеи Божества, на первооснову религіознаго сознанія и всего дальнѣйшаго міросозерцанія о Божествѣ и Божественномъ. Частіе и опредѣлен-

¹⁾ Од. III, 48.

²⁾ Отъ осн. *χα*, откуда *χαίρω*, *χάσχω*—разъваю рогъ, жажду.

нѣе вѣру въ Божество Гомеръ выражаетъ еще въ слѣдующихъ, на примѣръ, словахъ, влагаемыхъ имъ въ уста троянскаго героя Гектора, когда послѣднему Полидамасъ внушалъ принять во вниманіе одну изъ суетвѣрныхъ примѣтъ (полетъ птицъ):

„Вѣрить должны мы единому, Зевса великаго волѣ,
„Зевса, который и смертныхъ и вѣчныхъ боговъ повелитель ¹⁾).

И эта вѣра не имъ самимъ, Гомеромъ, измышлена, въ чемъ его обвиняли многіе позднѣйшіе, а имѣетъ подтвержденіе въ общемъ историческомъ преданіи, далеко упреждавшемъ появленіе Гомера въ Греціи. На такое (обще-эллинское ближе всего) преданіе о Божествѣ и Божественномъ Гомеръ перѣдко ссылается въ своихъ твореніяхъ, употребляя выраженіе: „говорять“ (φασι). Такъ, на примѣръ, находимъ у него сказанія относительно пребыванія боговъ на Олимпѣ, ²⁾ относительно генераций боговъ, ³⁾ взаимныхъ отношеній между ними ⁴⁾ и т. п. Таковы введенныя имъ въ свое религіозное міросозерцаніе (даже не-эллинскія) преданія о Зевсѣ Пеласгическомъ, Афродитѣ Финикійской, ⁵⁾ объ эѳіонахъ въ ихъ отношеніяхъ къ обще-эллинскому Божеству ⁶⁾, и т. д. И хотя это общее религіозное преданіе оказывается весьма омраченнымъ чрезъ многобожіе ко временамъ Гомера, однако вмѣстѣ съ ложными элементами, оно довело до сознанія современниковъ Гомеровыхъ и стихіи чистой истины первоначальнаго единобожія, которыхъ собственно и ищемъ мы въ твореніяхъ народнаго пѣвца Греціи и которыя тѣмъ легче найти, чѣмъ менѣе его вѣра, какъ стоящая на степени представленія, посредствуется дѣятельностію разсудка.

2. Предметъ представленія узнается ближе всего по имени его; признаки предмета узнаются уже послѣ того, какъ усвоено имя. Таковъ психологическій процессъ познаванія за время до-исторической жизни человѣчества, къ каковому времени, очевидно, относятся и творенія Гомера. Для Гомера было уже

¹⁾ Ил. XII, 241—242. Срав. V, 407 и др.

²⁾ Од. VI, 42.

³⁾ Ил. XX, 206 и дал.

⁴⁾ Ил. XIX, 96 въ контекстѣ. Объ историческомъ преданіи, вліявшемъ на вѣрованія, выраженныя Гомеромъ, см. *Нэгельсаха* въ цит. соч. стр. 18.

⁵⁾ Цитаты см. выше.

⁶⁾ См. Ил. I, 424, XXIII, 206; Од. I, 23 и др.

даннымъ въ народномъ преданіи имя Божества. *Что же есть имя Емυ?* спросимъ вмѣстѣ съ Моусеемъ (Исх. 3, 13). Опуская изъ вниманія пока имена личныя, каковы: Посидонъ, Аидъ у гр., обратимъ вниманіе лишь на общія наименованія Божества у Гомера. Самое общее и употребительное имя у него есть θεός — Богъ. Происходящее отсюда: θεῖον — Божество Гомеръ еще не употребляетъ, хотя и употребляетъ прилагательное: θεῖος — Божественный. Прилагая названіе: θεός весьма часто къ различнымъ божествамъ греческой народной религіи (женское: θεά — богиня), Гомеръ иногда употребляетъ это названіе и независимо отъ такового приложенія, въ смыслѣ общемъ (какъ латинское nomen), что является весьма важнымъ моментомъ для рассматриваемой теперь нами ступени развитія религіознаго сознанія и міросозерцанія. Такъ, наприимѣръ, въ 98—99 стихахъ XVП-й пѣсни Илиады читаемъ:

„Кто, вопреки божеству, 1) осмѣлится съ мужемъ сражаться,
„Богомъ 2) хранимымъ, бѣда надъ главою того быстрая грянетъ“.

Или:

„Богъ 3) ему ниспослалъ злополучіе, 4) и т. д. 5)“.

Но чаще въ этомъ общемъ, безотносительномъ къ богамъ и богинямъ народной религіи, смыслѣ употребляется у Гомера названіе: δαίμων. Въ противоположность названію: θεός, это названіе только въ шести мѣстахъ всѣхъ твореній Гомера относится къ извѣстнымъ личнымъ божествамъ народной мифологіи 6). Въ самой-же большей части случаевъ оно употребляется безотносительно и притомъ не въ позднѣйшемъ худомъ смыслѣ (демонъ—злой духъ), а обыкновенно въ значеніи существа высшаго, божественнаго, всевѣдущаго, 7) распредѣляющаго

1) Πρὸς δαίμονα.

2) Θεός.

3) Θεός.

4) Ил. XXIV, 538.

5) См. напр. Ил. XVII, 688; Одис. III, 131; 158; 183; VП, 286; XП, 38 и др. Эпигр. IV, 13.

6) Разумѣемъ Ил. III, 420; гимны Ерму, ст. 138 и 551 и другимъ божествамъ: XIX, 22; 40; и XXX, 16.

7) Основа δα въ δαίμωνъ значитъ, между прочимъ, и знаніе (δι-δα-σκω — учу, сообщаю знаніе).

людямъ каждому его жребій 1) и т. д. Такъ оно употреблено, напримѣръ, въ выше приведенномъ стихѣ Иліады на ряду съ названіемъ: *θεός*. Въ томъ-же смыслѣ употребляется оно по Гомеру въ устахъ Агамемнона:

„Клятву готовъ произнести я, какъ самое сердце велитъ мнѣ,
„И, передъ богомъ, 2) клятву не ложную! 3)

Или въ устахъ друга Ахиллесова—Патрокла:

„Можетъ быть, какъ предъзнать? убѣдить Ахиллесово сердце
„Богъ мнѣ поможетъ“. 4)

Или въ устахъ многоумнаго Одиссея:

„Я же одинъ злополучный на островъ ея 5) былъ враждебнымъ
„Демономъ 6) брошень, когда мой корабль сокрушительнымъ громомъ
„Зевсъ поразилъ посреди безпредѣльно-пустынного моря,“ 7) и т. д. 8).

Послѣднее приведенное мѣсто изъ твореній Гомера даетъ намъ поводъ и основаніе идти еще далѣе въ глубину религіознаго сознанія его и современниковъ его, по отношенію къ наименованію Божества. Мы здѣсь могли видѣть, что представленіе о Божествѣ вообще (*δαίμων*) логически связуется съ представленіемъ о Зевсѣ Кроніонѣ-громовержцѣ. И выше мы также видѣли, что вѣру свою въ Божество вообще (*θεοί*) Гомеръ сосредоточиваетъ около „Зевса единого“, волѣ котораго, по его убѣжденію, только и должны были „вѣрить“ его современники. Короче сказать, хотя имя *Зевсъ* есть какъ-будто названіе одного изъ личныхъ боговъ политеистической религіи эллиновъ, однако оно въ Гомеровомъ представленіи о Божествѣ играетъ столь важную роль, что приобрѣтаетъ значеніе общаго именованія

1) Таже основа имѣетъ значенія и дѣленія (*δαίω* — дѣлю, раздѣляю; см. напр. Ил. I, 125).

2) *Πρὸς δαίμονος*.

3) Ил. XIX, 187—188.

4) *Σὺν δαίμονι*. Ил. XV, 403—404.

5) Нимфы Калипсо.

6) Въ подлинникѣ просто: *δαίμων*, безъ всякаго указанія на враждебность его.

7) Од. VII, 248—250.

8) См. напр. Ил. VII, 291; 377; 396; XI, 792; XV, 468 и др.; Од. XIV, 386; XV, 261 и др. Гимнъ Ерму. ст. 343 и мн. др. Не даромъ уже Евсевій Кесарійскій въ своемъ „Предъуготовленіи къ Евангелію“ (Praeparat. evangel.) замѣчаетъ, что „Гомеръ безразлично употребляетъ имена: *θεός* и *δαίμονος*“ (V, 4, 3). См. цвт. изд. *Гейнхена*, стр. 192 т. 1.

Божества, становится именемъ нарицательнымъ, на подобіе именъ: θεός и δαίμων. Въ имени: *Зевсъ* у Гомера сосредоточивается, какъ увидимъ далѣе, все высшее, все лучшее изъ представленія о Божествѣ вообще; это имя чаще всѣхъ другихъ именъ боговъ и богинь является на устахъ героевъ и героинь, даже боговъ и богинь поэмъ Гомеровыхъ; чаще всѣхъ другихъ употребляетъ его и самъ Гомеръ въ своей собственной рѣчи. Если къ тому мы обратимъ вниманіе на это имя и со стороны филологической, то увидимъ, что оно по истинѣ болѣе нарицательное имя Божества, нежели собственное имя одного изъ многихъ божествъ, хотя въ представленіи Гомера и его современниковъ оно и олицетворяется до личной особы, разукрашивается человѣкообразными свойствами и признаками, атрибутами и дѣйствіями и пр. По самымъ послѣднимъ филологическимъ розысканіямъ греческое имя: Ζεός (= Διεύς, род. Διός) имѣетъ одинъ и тотъ-же корень съ нарицательнымъ именемъ Божества едва не во всѣхъ языкахъ семьи арійской или индоевропейской. 1) Имѣя корнемъ своимъ: δι, а съ дигаммою: διϕ, 2) откуда происходятъ столь нерѣдко употребляемые у Гомера прилагательныя: δῖος (δίϕιος) божественный, 3) διογενής — богомъ, Зевсомъ рожденный 4) и др., это имя прямо соответствуетъ санскритскому: div, — свѣтитъ, являться, видѣть, откуда diva — небо, солнце, свѣтъ, день, 5) divia, какъ на небѣ, днемъ, daiiva, deva — божественно, т. д. 6) А это обстоятельство устанавливаетъ связь имени Зевса, съ одной стороны, съ обще-арійскимъ представленіемъ Божества, какъ свѣтоваго начала, источника свѣта, съ неба на землю

1) Срав. для сего G. Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie, S. 235 Lpz. 1873; Fick, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, B. I, S. 108 f. Lpz. 1874; Welcker, Griechische Götterlehre, B. I, S. 129 ff. Göttingen, 1857 и др.

2) Въ замѣнъ дигаммы и является въ именит. пад. ο (Ζεός = Διεύς) (рав. лат. deus — Богъ; dii — боги).

3) См. напр. Ил. VII, 138; IX, 538; Од. III, 84 и др. Срав. лат. divus, слав. рус. дивный, и др.

4) См. напр. Ил. X, 340; Од. II, 352; 366; V, 387 и др. Срав. также διοτρεφής въ Ил. XIII, 427; XVII, 685; Од. XXII, 136 и др.

5) Лат. dies, сл.-рус. день — того-же корня.

6) См. выше цитованія немецкія сочиненія *Курциуса, Фикки* и др.

сіяющаго (солнце, луна, звѣзды, свѣтовой эфиръ), 1) а съ другой—съ нарицательными именами Божества въ самомъ греческомъ языкѣ и въ частности у Гомера. Ибо, какъ имя θεός стоитъ въ этимологическомъ соотношеніи съ индоевропейскимъ корнемъ *dhi*—являться, видѣть, созерцать, 2) а чрезъ это и съ *div*—свѣтить, являться, видѣть: такъ и названіе: δαίμων=санскр. daēva 3) имѣетъ прямое этимологическое соотношеніе съ тѣмъ же корнемъ: *div*, которое стоитъ въ прямомъ соотношеніи съ Διεύς=Зевсъ. 4) А чрезъ такія соотношенія мы приобретаемъ въ имени Зевса весьма сильное средство для цѣлей дальнѣйшаго нашего изслѣдованія по вопросу о содержаніи идеи Божества или о признакахъ содержимаго этой идеи.

3. Основнымъ признакомъ предмета идеи Божества во всевозможныхъ религіяхъ является *абсолютное совершенство*. „Идея абсолютнаго совершенства, какъ цѣль религіознаго процесса; была единственнымъ возбуждающимъ и направляющимъ его мотивомъ. Богъ есть существо всесовершенное,—вотъ общая мысль, проходящая во всѣхъ религіяхъ, вѣчное зерно истины, содержащееся подъ покровомъ всевозможныхъ частныхъ заблужденій“. 5) Что вообще, то въ частности и по отношенію къ Гомерову представленію о Божествѣ. Самый обычный и употребительный у Гомера для сего основнаго признака эпитетъ есть ἄριστος—наилучшій, превосходнѣйшій, совершеннѣйшій. 6) И этимъ эпитетомъ Гомеръ украшаетъ преимущественно Зевса, по причинамъ весьма понятнымъ изъ предшествующаго. Такъ, напримѣръ, повѣствуя о богинѣ умопомѣшательства и несчастій — Ати, Гомеръ говоритъ, что

1) Срав. для сего цитов. сочиненіе *Велькера*, а также цитов. изслѣдов. *Восводскаго* въ записк. Новор. унив. за 1882 г. т. 33, стр. 193 и др.

2) См. *Фикка*, словарь т. 1, стр. 635—636 цит. изд.

3) См. у *Курциуса* въ цит. сочин. стр. 235.

4) См. цитов. филолог. труды тѣхъ-же *Курциуса*, *Фикка*, также *Бенфея* и др.

5) *В. Д. Кудрявцева*, Изъ чтеній по философіи религіи, въ „Правосл. Обзор.“ за 1883 г. т. II, стр. 375.

6) Основа *ἀρί* значить: очень, весьма (срав. *ἀρίγυωτος*, *ἀρίζηλος* и под.). Срав. *Курциуса*, *Фикка* и др. Въ виду этого что удивительнаго, если слово *ἄριστος* употребляется у Гомера относительно людей и даже животныхъ? Цитаты можно видѣть въ Гомеровскихъ лексиконахъ.

„Древле она ослѣпила ¹⁾ и Зевса, который превыше
 „Всѣхъ земнородныхъ и всѣхъ небожителей“. ²⁾

Не разъ эпитетъ этотъ у Гомера стоитъ на ряду съ другимъ эпитетомъ: ὕπατος—самый верховный, высочайшій, и опять главнымъ образомъ относится къ Зевсу. Вотъ, напримѣръ, слова клятвы Одиссея:

„Могу подтверждать то и клятвой великой:
 „Зевсомъ, метателемъ грома, отцомъ и владыкой безсмертныхъ“ ³⁾

Подобно этому и Ахиллесъ клянется Зевсомъ, „божествомъ высочайшимъ, сильнѣйшимъ“. ⁴⁾ Или, вотъ слова молитвы Агамемнона:

„Зевсъ да будетъ свидѣтель, богъ высочайшій, сильнѣйшій!“ ⁵⁾ и т. д.

Много рѣже употребляется эпитетъ: ἄριστος о другихъ божествахъ, а ὕπατος даже и вовсе не употребляется о нихъ у Гомера. ⁶⁾ Въ той-же силѣ, если не въ томъ-же точно смыслѣ употребляются у Гомера относительно Зевса, кромѣ ὕπατος и эпитеты; κούδιος—славнѣйшій, μέγιστος—величайшій и т. п. Такъ наприм., Агамемнонъ въ молитвенномъ обращеніи къ Зевсу называетъ его „славнѣйшимъ, величайшимъ“ ⁷⁾; такъ же называютъ его и другіе герои поэмъ Гомеровыхъ въ своихъ молитвенныхъ-же воззваніяхъ къ нему ⁸⁾. Почти всѣ вышеупомянутые эпитеты собраны во едино въ слѣдующихъ словахъ гимна Гомерова Зевсу: „Воспою Зевса, превосходнѣйшаго изъ боговъ, величайшаго, широко-гремящаго, властительнаго, все приводящаго къ концу, того, который, съ присѣдящею ему Фемидою, ведетъ мудрыя рѣчи. Будь милостивъ, широко-гремящій Кроніонъ, слав-

¹⁾ ἄσπατος—собственно: оскорбля.

²⁾ Τόν περ ἄριστον ἀνδρῶν ἠδὲ θεῶν. Ил. XIX. 95—96.

³⁾ Переводъ Жуковскаго не вполне точенъ. Вотъ слова подлинника: Ζεὺς... θεῶν ὕπατος καὶ ἄριστος. Од. XIX, 302—303.

⁴⁾ Ил. XXIII, 43: θεῶν ὕπατος καὶ ἄριστος.

⁵⁾ Ил. XIX, 253. Въ подлинникѣ тоже выраженіе. Срав. также еще Ил. XIII 154, гимнъ Димитръ, ст. 21 и др.

⁶⁾ См. цитаты въ Гомеровскихъ словаряхъ, изъ коихъ у насъ подъ руками былъ словарь Эбелинга. Verolini, 1871—1880.

⁷⁾ Ζεῦ κούδιστε, μέγιστε. Ил. II, 412.

⁸⁾ См. напр. Ил. III, 276; 320; VII, 202 и др.

нѣйшій, величайшій“³⁾. Итакъ, основной признакъ предмета идеи Божества несомнѣнно является въ представленіи о немъ Гомера. Но въ этомъ признакъ—только начало раскрытія идеи Божества, только общее осново-положеніе, на которомъ она созидается въ религіозномъ сознаніи человѣчества. Въ немъ дано лишь общее свойство предмета идеи: *абсолютное совершенство*, отвлеченное отъ всего несовершеннаго или не абсолютно совершеннаго, въ мірѣ,—внѣ человѣка, или въ самомъ человѣкѣ, каковое отвлеченіе доступно и самой низшей ступени развитія сознанія. Дальнѣйшіе признаки или предикаты Божества, какъ предмета той-же идеи, образуются такимъ-же путемъ сличенія и отвлеченія. Встрѣчая въ существахъ ограниченныхъ различныя степени бытія, различныя качества этого бытія, мыслящее человѣческое сознаніе не могло отсюда не вывести тѣхъ простыхъ умозаключеній, что на сколько въ семь бытіи дробленіе, множественность составляетъ его недостатокъ, несовершенство, на столько-же въ существѣ высочайшемъ, все-совершенномъ, каковымъ мыслится Божество, должно быть представляемо, какъ необходимое свойство Его—единство; на сколько въ бытіи ограниченномъ непрерывная цѣпь условности, зависимости по его началу (происхожденіе однихъ существъ отъ другихъ), является его несовершенствомъ, на столько-же въ бытіи абсолютно совершенномъ должна быть представляема полная безусловность, независимость, самобытность; на сколько въ бытіи ограниченномъ его измѣнчивость есть его несовершенство, на столько же въ существѣ все-совершенномъ должна быть представляема всецѣлая неизмѣняемость, и т. д. Затѣмъ и изъ самыхъ видовъ бытія ограниченаго есть болѣе и менѣе совершенныя. Болѣе всѣхъ другихъ, изъ числа доступныхъ на блюденію видовъ бытія, ограниченаго совершеннымъ,

³⁾ Въ виду соотношенія съ орфическими гимнами, приводимъ самый подлинный текстъ Гомерова гимна:

Ζῆνα θεῶν τὸν ἄριστον αἰεῖσθαι, ἠδὲ μέγιστον
 Εὐρύππα, κρείοντα, τελευφόρον, ὃς τε θεῖσσι
 Ἐγκλιδὸν ἐξομένη πιπνοὺς ὀάρους ὀαρίζει.

“Πηδ’ εὐρύππα Κρονίδῃ, κῦδιστε, μέγιστε. См. цит. изд. Эрнеста, т.

является, конечно, самъ человѣкъ, и въ немъ самомъ его духъ. Понятно, что и Божество, какъ существо всесовершенное, по Его сущности, ничѣмъ инымъ лучше не могло быть представляемо, какъ только Духомъ и притомъ совершеннѣйшимъ и высочайшимъ, въ сравненіи съ духомъ человѣческимъ, по Его силамъ и свойствамъ. Такъ могли образоваться въ религіозномъ сознаніи всѣ признаки или предикаты Божества изъ основной идеи абсолютнаго совершенства, такъ называемые *онтологическіе*, т. е. относящіеся къ бытію, и *нравственные* или *идеальные*, *духовные*, относящіеся къ сущности Его, какъ высочайшаго Духа. И не должно думать, что честь такового образованія полноты содержанія идеи Божества доступна была лишь философствующему сознанію. „Что предикаты Божества, открыто исповѣдуетъ одинъ современный философъ, обязаны своимъ происхожденіемъ не философскому мышленію, какъ можно-бы предположить по ихъ отвлеченности, а именно религіозному сознанію, это видно изъ того, что стремленіе опредѣлять ими Божество замѣтно уже на первыхъ порахъ религіознаго сознанія, когда оно находилось еще на ступени представленія (политеизмъ), и когда о философскомъ мышленіи не могло быть еще и рѣчи“. 1) У насъ теперь дѣло съ такими памятниками письменности, которые являются выразителями эллинскаго политеизма, религіознаго сознанія эллиновъ, именно „на ступени представленія“.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ)

1) В. Д. Кудрявцевъ. Изъ чтеній по философіи религіи, въ „Прав. Обозр.“ за 1883 г., т. II, стр. 378.

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО XXV *).

ДОБРОДѢТЕЛЬ ЕСТЬ ЕДИНСТВЕННОЕ ИСТИННОЕ БЛАГО.

Письмо твое доставило мнѣ удовольствіе, оживило меня дряхлаго и пробудило мою уже ослабѣвшую и притупившуюся память. Зачѣмъ ты, Луцилій, не считаешь самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія счастливой жизни то убѣжденіе, что добродѣтель есть единственное благо? Кто смотритъ на благо такъ, тотъ носитъ свое счастье въ себѣ самомъ, а кто признаетъ благомъ что-либо другое, тотъ отдаетъ себя во власть *слѣпой* фортуны и произволу другихъ. Одинъ оплакиваетъ потерю дѣтей, другаго беспокоитъ ихъ болѣзнь, третьяго печалитъ ихъ поведеніе и дурная о нихъ молва; иного мучитъ любовь къ чужой женѣ, а иной ревнуетъ свою. Найдутся такіе, которыхъ печаливаетъ отказъ отъ мѣста, рядомъ съ такими, которыхъ тяготитъ самый почетъ. Но самое большее количество такихъ несчастныхъ людей, которыхъ страшитъ со всѣхъ сторонъ угрожающая смерть: вѣдь она повсюду. Такимъ людямъ, какъ въ странѣ враговъ, должно поспатривать туда и сюда, прислушиваться ко всякому шуму; ихъ сердце постоянно тревожно бьется, если не изгнанъ изъ груди этотъ страхъ. Встрѣтятся изгнанные, встрѣтятся лишенные имущества, встрѣтятся — и такой родъ бѣдности самый тяжелый — богачи, бѣдные *при своемъ богатствѣ*, встрѣтятся потерпѣвшіе кораблекрушеніе или подобное сему, которыхъ,

*) Ep. 74.

подобно бурѣ, появляющейся часто на ясномъ небѣ сверхъ ожиданія, или подобно неожиданному удару грома, отъ котораго содрогается вся окрестность,—ниспровергла неожиданно, при ихъ безпечности, или зависть, самое гибельное противъ честныхъ оружіе, или гнѣвъ народный. Какъ при громовомъ ударѣ стоящій близко къ мѣсту удара молніи цѣпенѣтъ какъ-бы пораженный, такъ и при рѣзкихъ случайностяхъ бѣдствіе постигаетъ одного, а остальныхъ поражаетъ страхъ: возможность потерпѣть тоже повергаетъ ихъ въ ту-же печаль, какую испытываютъ потерпѣвшіе. Чужое внезапное бѣдствіе поражаетъ сердца всѣхъ. Какъ птицу пугаетъ звукъ пустой пращи, такъ и мы волнуемся не только при ударѣ, но и отъ шума. Итакъ, никто не можетъ быть счастливымъ, довѣряясь пустой мечтѣ; нѣтъ счастья тамъ, гдѣ страхъ; худо жить съ опасеніями. Кто слишкомъ поддается случайностямъ, тотъ готовитъ себѣ безчисленные и непрестанные поводы къ тревогѣ; ищущему покоя единственный путь: презирать все внѣшнее и довольствоваться добродѣтелью. Кто считаетъ что-либо лучшимъ добродѣтели, или признаетъ какое-нибудь другое благо кромѣ нея, тотъ раскрываетъ свои объятія всему тому, что даетъ фортуна, и съ тревогою ожидаетъ ея подарковъ. Ты такъ представляй себѣ, что фортуна устраиваетъ для себя забаву и бросаетъ въ толпу смертныхъ почести, богатства и милости. Одни изъ этихъ подарковъ разрываются на части руками устремившихся на нихъ; другіе дѣлятся между собою кружкомъ безчестныхъ людей; третьи попадаютъ въ руки *желавшихъ воспользоваться подаркомъ* съ великимъ для нихъ уцербомъ; иное достается людямъ, совершенно не интересующимся этимъ, иное при крайнемъ увлеченіи теряется и выталкивается изъ рукъ, жадно хватающихъ *подачку*. Но ни у кого, даже съ успѣхомъ хватавшаго подарки, не остается надолго радость о награбленномъ. Поэтому всякій благоразумный, какъ только замѣтитъ, что несутъ подарки, бѣжитъ изъ театра, зная, что дорого обойдутся эти мелочи. *) Никто не вступать въ борьбу съ

*) Для этой характеристики раздачи фортуной жизненныхъ благъ Сенека занимательнаго образъ отъ обычаевъ, существовавшихъ въ Римѣ и состоявшихъ въ томъ, что императоры бросали въ толпу зрителей въ театрѣ деньги и разныя мелкія

отступающимъ, никто не толкнетъ уходящаго: борьба около добычи. Тоже самое бываетъ и съ тѣмъ, что посылаетъ сверху фортуна. Мы, жалкіе, сгораемъ отъ жадности, мечемся туда и сюда, желаемъ имѣть побольше рукъ, бросаемъ взоры то въ ту, то въ другую сторону; намъ кажется, что слишкомъ медленно бросаютъ къ намъ возбуждающія въ насъ жадность вещи, которыхъ ждутъ всѣ, и которыя достанутся только немногимъ. Намъ хочется броситься на встрѣчу падающимъ вещамъ; мы рады, если что схватили; другіе, которые тщетно надѣялись схватить, завидуютъ; ничтожную добычу мы оплачиваемъ большимъ для себя вредомъ, или обманываемся. Итакъ, бѣжимъ отъ этой забавы и уступимъ мѣсто жаждущимъ подачекъ. Пусть они смотрятъ на эти неустойчивыя блага и сами остаются въ неустойчивомъ положеніи. Всякій, рѣшившійся быть счастливымъ, пусть признаетъ единственнымъ благомъ добродѣтель, потому что если кто признаетъ за благо что-либо другое, несправедливо судить о провидѣніи, такъ какъ на долю честныхъ людей выпадаетъ много бѣдствій и все, что ово даетъ намъ, бываетъ ничтожно и кратковременно сравнительно съ продолжительностію всего міра. Отсюда происходитъ то, что мы становимся неблагодарными истолкователями божественнаго управленія; мы жалуемся на то, что намъ не всегда даются блага, да и выпадающихъ на нашу долю мало; что они невѣрны и скоропреходящи. Отсюда выходитъ то, что мы не хотимъ ни жить, ни умереть; жизнь намъ ненавистна, смерть страшна. Каждое рѣшеніе наше не твердо и никакое счастье не въ состояніи насъ удовлетворить. А причина заключается въ томъ, что мы не достигли еще до того неизмѣримаго и недосыгаемаго блага, гдѣ необходимо полагается предѣлъ нашему желанію, такъ какъ за предѣлами высочайшаго нѣтъ ничего. Ты спросишь, почему добродѣтель ни въ чемъ не нуждается?—Она радуется настоящему, не желаетъ отсутствующаго; для нея все стоитъ дорого, потому что она всѣмъ довольна. Отступи отъ этого взгляда, и не останется ни честности,

дешевые подарки. Толпа жадно бросалась на эту подачку, толкаясь и вырывая другъ у друга схваченное. Понятно, чего нужно было тогда ожидать и что бывало, если благоразумный считалъ за лучшее совѣмъ удалиться изъ театра.

ни вѣрности. Кто хочетъ проявить то и другое, долженъ много потерпѣть того, что называется зломъ, и многое изъ того, къ чему мы прилѣпляемся какъ-бы къ благу, принести въ жертву. Гибнетъ мужество, которое должно испытывать себя въ опасностяхъ; гибнетъ величіе духа, которое не можетъ проявиться, если не будетъ презирать, какъ не имѣющее цѣны, все то, что толпа считаетъ за великое; гибнетъ благодарность и благодарить считается за трудъ, если мы знаемъ что-либо цѣннѣе вѣрности, если не имѣемъ предъ глазами прекраснаго. Короче, или все то, что (обыкновенно) называется благомъ, не благо, или человекъ счастливѣе Бога, потому что Богъ не имѣетъ нужды въ томъ, что приготовлено намъ. Ему чужды низкія пожеланія, Ему не нужно пышныхъ пиршествъ, для Него нѣтъ того, что заманиваетъ человека и увлекаетъ его дешевымъ удовольствіемъ. Итакъ, или Богъ не имѣетъ благъ, что невѣроятно, или, что несомнѣнно, не благо то, чего нѣтъ въ Богѣ. Прибавь къ этому, что многое изъ того, что кажется благомъ, свойственно болѣе животнымъ, чѣмъ людямъ. Животныя съ большею жадностію пожираютъ пищу, не истощаются вслѣдствіе неправильнаго *удовлетворенія инстинктамъ*; силы у нихъ больше и крѣпость ихъ имѣетъ болѣе цѣлесообразности, — слѣдовательно, они гораздо счастливѣе человека. Они живутъ безъ злобы и обмана, наслажденій *) у нихъ больше, достаются они имъ легко и при томъ безъ всякой смущающей мысли о стыдѣ или раскаяніи. Поразмысли, такимъ образомъ, должно-ли называть благомъ то, чѣмъ человекъ отличается отъ Бога? *Нѣтъ*, признаемъ высшее благо заключающимся въ душѣ! Оно дѣлается ничтожнымъ, если мы переносимъ его отъ самой лучшей части нашего существа къ худшей, сводимъ къ чувственности, которая свойственнѣе безсловеснымъ животнымъ. Высшее условіе нашего счастья не должно искать въ плоти. Истинное благо то, что даетъ намъ разумъ. Это благо твердо и непресѣкаемо, оно не можетъ исчезнуть, не можетъ даже быть отнято или уменьшиться. Прочія блага суть воображаемая и, хотя имѣютъ общее имя съ истиннымъ, лишены свойства этого послѣдняго. Итакъ, пусть они называются полез-

*) Разумѣется чувственныхъ.

ными и, скажу нашимъ языкомъ, *) предметами предпочитаемыми; впрочемъ, мы должны знать, что они у насъ нѣчто служебное, а не часть нашего существа; пусть они остаются при насъ, но такъ, чтобы мы (постоянно) помнили, что они вѣн насъ. Даже если они при насъ будутъ, должно считать ихъ подчиненными и низшими, чтобы никто не смѣлъ гордиться ими. Вѣдь что можетъ быть глупѣе, какъ гордиться слишкомъ тѣмъ, чего самъ не сдѣлалъ? Пусть все это къ намъ приходитъ, но не прилѣпляется къ намъ, дабы при удаленіи этого не возбуждалось въ насъ нѣкотораго болѣзненнаго чувства. Мы должны пользоваться всѣмъ этимъ, а не гордиться, и пользоваться осторожно, какъ предметами, которые оставлены у насъ *на время* и снова должны отойти отъ насъ. Кто неразумно пользуется ими, тотъ недолго обладаетъ ими; его подавляетъ самое счастье, если не умѣрять его. Кто довѣряется этимъ скоропреходящимъ благамъ, того скоро они оставляютъ, и онъ безпокоится о томъ, чтобы они его не покинули. Немногимъ можно было сложить свое счастье исподоволь; другіе падали вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ что поднимались вверхъ, и ихъ подавляло тоже, что превозносило. Посему пусть будетъ привлечена на совѣтъ мудрость, которая покажетъ имъ мѣру и научитъ бережливости, потому что необузданность быстро истощаетъ свои богатства; никогда неумѣренность не бываетъ продолжительна, если ее не сдерживаетъ обуздатель-разумъ. Доказательствомъ можетъ служить судьба многихъ городовъ, славное могущество которыхъ ггло въ цвѣтѣ, и то, что приготовила добродѣтель, уничтожалось неумѣренностію. Должно защищаться противъ этихъ несчастныхъ случайностей. Но никакая стѣна не въ состояніи выдержать напора фортуны,—нужно вооружаться противъ нея внутри. Если эта часть обезопасена, то человѣка могутъ тѣснить, но въ плѣнъ взять не могутъ. Ты желаешь знать, что это за вооруженіе? Человѣкъ не долженъ негодовать ни на что, что съ нимъ случается, и долженъ сознавать, что причиняющее ему, повидимому, непріятность, имѣетъ отноше-

*) Т. е. языкомъ стойковъ, на которомъ подобнаго рода блага назывались *producta*, *предметы*, *достойные предпочтенія предъ другими*, у грековъ *προημενα*.

ніе къ сохраненію цѣлаго и принадлежитъ къ числу тѣхъ предметовъ, которые составляютъ *ничто необходимое въ общемъ ходѣ вещей и жизни міра*. Пусть человѣку правится все, что бы ни было угодно Богу; пусть поэтому онъ радуется на себя самого и на то, что есть въ немъ, такъ какъ этого нельзя побѣдить, такъ какъ это подчиняетъ даже самое зло и при помощи разума, сильнѣе котораго ничего нѣтъ, беретъ перевѣсъ надъ случайностію, надъ скорбью и несправедливостію. Люби разумъ: любовь къ нему дастъ тебѣ оружіе противъ всего тяжелаго. Дикіе звѣри, которые по дикости и ярости представляются неодолимыми, изъ-за любви къ дѣтямъ бросаются на охотничью рогатину; любовь къ славѣ заставляетъ иногда юношескія сердца презирать мечъ и огонь; нѣкоторыхъ побуждаетъ принять добровольную смерть одинъ видъ и тѣнь добродѣтели. Насколько выше и постояннѣе всего этого разумъ, настолько съ большимъ мужествомъ пройдетъ онъ опасности и ужасы. „Вы, скажутъ намъ, ничего не достигаете, если говорите, что нѣтъ другаго блага, кромѣ добродѣтели. Эта защита не обезопаситъ и не освободитъ васъ отъ судьбы. Вы называете благомъ почтительныхъ дѣтей, благоустроенное отечество и добрыхъ родителей. На опасности, *которымъ они могутъ подвергнуться*, вы не въ состояніи смотрѣть равнодушно: вашъ духъ будетъ смущать нападеніе враговъ на отечество, смерть дѣтей, рабство родителей“. Сначала я скажу, что обыкновенно отвѣчаютъ противъ этого, а потомъ прибавлю еще, что самъ считаю кромѣ того нужнымъ отвѣтить. Нужно *въ этомъ случаѣ* отличать тѣ вещи, съ уничтоженіемъ которыхъ на ихъ мѣсто является какое-нибудь зло. Такъ, напримѣръ, съ поврежденіемъ здоровья является болѣзнь, съ уничтоженіемъ силы зрѣнія—слѣпота, при перерѣзываніи подкожной жилы пропадаетъ не только быстрота, но является и слабость въ ногахъ. Опасности *такого рода* не имѣютъ тѣ предметы, которые мы перечислили нѣсколько выше. Почему?—Если я потерялъ вѣрнаго друга, то нѣтъ необходимости, чтобы на его мѣсто вступилъ невѣрный; *точно также*, если я похоронилъ хорошихъ дѣтей, на ихъ мѣсто не явятся забывшія свои обязанности *къ родителямъ*. Затѣмъ это погибель не

друзей или дѣтей, а тѣмъ ихъ. Благо гибнетъ однимъ только способомъ,—если къ нему привходитъ зло, котораго по природѣ оно не терпитъ, такъ какъ всякая добродѣтель и всякое дѣйствіе добродѣтели остается непорочнымъ. Далѣе, если погибнуть друзья, если погибнуть честныя, оправдывающія надежды родителей дѣти, то есть нѣчто, что можетъ замѣнить ихъ. Что-же это такое?—спросишь ты. Да то, что дѣлало ихъ прекрасными,—добродѣтель. Она не терпитъ пустоты; она наполняетъ сердце и изгоняетъ всякую тоску; ея одной достаточно, потому что въ ней начало и источникъ всего добраго. Для потока,—если источникъ, изъ котораго онъ беретъ свое начало, не зараженъ, — не имѣетъ значенія, задерживаютъ-ли его воду, или - же она течетъ безпрепятственно. Ты не будешь утверждать, что при жизни дѣтей живется болѣе честно, болѣе упорядоченно, болѣе благоразумно и добродѣтельно, — слѣдовательно, лучше, чѣмъ съ потерей ихъ. Толпа собравшихся около тебя друзей не сдѣлаетъ тебя мудрѣе, равно какъ гибель ихъ не сдѣлаетъ глупѣе, — слѣдовательно, не принесетъ большаго счастья или несчастія. Пока будетъ добродѣтель, ты не будешь чувствовать никакой утраты. Какъ? Неужели окруженный толпою дѣтей и друзей не будетъ счастливѣе, чѣмъ *лишенный ихъ*? Отчего? Высшее благо не уменьшается, не увеличивается; оно всегда остается въ одномъ положеніи, какъ бы судьба ни относилась къ человеку. Выпадаетъ - ли на его долю продолжительная старость, или онъ окончитъ жизнь, не достигнувъ ея, мѣра высшаго блага, — хотя есть разница въ возрастѣ, — одна и таже. Опишешь-ли ты большую окружность или малую, дѣло касается пространства, а не формы; пусть одна останется надолго, а другую ты уничтожишь тотчасъ и заметишь тою-же пылью, на которой начертилъ ее *), форма у каждой была *все-таки* одна и таже. Честное не измѣряется ни величиною, ни числомъ, ни временемъ; оно не можетъ ни продолжаться, ни сокращаться. Ограничь ты добродѣтельную жизнь, вмѣсто ста лѣтъ, какимъ угодно меньшимъ количествомъ, даже ограничь однимъ днемъ, — она все-таки останется добро-

*) Древніе чертили иногда геометрическія фигуры на пескѣ, какъ это дѣлалъ и знаменитый математикъ Архимедъ.

дѣтельною. То добродѣтель распространяетъ свою дѣятельность очень широко и управляетъ государствами, городами и провинціями, даетъ законы, поддерживааетъ дружбу, исполняетъ свои обязанности въ отношеніи къ дѣтямъ и родственникамъ; то ограничивается узкимъ кругомъ бѣдняковъ, изгнанниковъ, сиротъ,—и нисколько не уменьшается въ своемъ достоинствѣ, если отъ высокаго общественнаго положенія нисходитъ къ частному, съ царственной высоты въ низшій *кругъ*, если отъ широкаго круга общественной дѣятельности сходитъ въ ограниченный кругъ дѣятельности въ своемъ домѣ или уголкѣ. Она одинаково велика, если даже изгоняемая всюду заключится сама въ себя; въ ней нисколько не менѣе останется великаго и возвышеннаго духа, полной мудрости и непреклонной справедливости. Поэтому она *всегда* одинаково счастлива, ибо положена только въ одномъ мѣстѣ, въ самомъ духѣ; она неизмѣнна, величественна и спокойна, но не достижима безъ знанія о Богѣ и человѣкѣ. Теперь скажу, какъ я обѣщаль, отъ себя. Мудрецъ не опечалится потерей дѣтей и друзей; онъ перенесетъ ее съ тѣмъ-же спокойствіемъ духа, съ какимъ ожидаетъ свою смерть; его душа опечалится такъ-же мало смертию ихъ, какъ мало она боится встрѣтить свою. Добродѣтель основывается на согласіи; всѣ ея дѣйствія согласны съ ней и ей соотвѣтствуютъ; но это согласіе тернется, если духъ, который долженъ быть возвышенъ, падаетъ подъ вліяніемъ скорби и печали. При всякомъ дѣйствіи боязливость, безпокойство и дурное расположеніе духа не заслуживаютъ уваженія. Добродѣтель спокойна и всегда на все готова, неустрашима и всегда во всеоружіи. „Какъ? Неужели у мудреца не бываетъ ничего подобнаго смущенію? Неужели онъ и не поблѣднѣетъ, на лицѣ не выразится безпокойство, не пробѣжитъ дрожь по его членамъ и не будетъ ничего иного, если не по требованію духа, то произвольно?“ Признаюсь, — *это можетъ быть*; но у него останется то-же *твердое* убѣжденіе, что во всемъ этомъ (т. е. вызывающемъ произвольное выраженіе страха и т. п.) нѣтъ зла и не стоитъ ради этого терять здравый умъ. Все, что должно дѣлать, онъ дѣлаетъ рѣшительно и безъ замедленія. Кто не согласится съ тѣмъ, что глупо дѣлать, что дѣлаешь, — медленно и

робко, стремиться къ разнымъ цѣлямъ и поддаваться самымъ разнообразнымъ порывамъ? Тѣ *поступки*, которыми *такой человекъ* гордится и на которые смотритъ *самъ* съ уваженіемъ, презрѣнны, и онъ не дѣлаетъ даже съ охотою то, чѣмъ хвалится. А если онъ боится какого-нибудь зла, то онъ, пока его ожидаетъ, мучится имъ, какъ будто-бы оно уже пришло; если онъ боится пострадать отъ чего-либо, то онъ страдаетъ уже отъ страха. Какъ въ тѣлѣ заранѣе проявляются признаки болѣзни (*чѣмъ почувствуется самая болѣзнь*), проявляется слабость въ нервахъ, усталость безъ всякаго труда, совливость и пробѣгающая по членамъ дрожь, — такъ и слабый духъ заранѣе мучитъ и тревожитъ зло; онъ напередъ его переживаетъ и прежде времени ослабѣваетъ. А что безразсуднѣе того, какъ мучиться будущимъ и не готовить себя къ мученію, а приближать и призывать къ себѣ несчастія, когда лучше всего отдалить ихъ, если нельзя совсѣмъ разсѣять ихъ. Знай, что будущимъ никто не долженъ мучиться. Никто, слыша о томъ, что ему чрезъ пятьдесятъ лѣтъ придется потерпѣть мученіе, не обезпokoится этимъ, если только не перескочитъ отдѣляющее его отъ этого момента время и (мысленно) не подвергнетъ себя страданію, которое долженъ перенести черезъ полвѣка. Точно также случается, что страдаютъ отъ стараго и давно забытаго люди съ такимъ характеромъ, который *какъ-бы* ищетъ себѣ страданій и поводовъ къ скорби. Что прошло и что будетъ, того еще нѣтъ; мы не чувствуемъ ни того, ни другаго, — а то не болѣзнь, чего ты не чувствуешь.

ПИСЬМО XXVI *).

НУЖНО ПОСТОЯННО ПОМНИТЬ О СМЕРТИ.

Перестанемъ желать того, чего мы (прежде) желали. Я, старикъ, такъ и поступаю: не желаю уже, чего желалъ, будучи мальчикомъ. Всѣ дни и ночи, все стараніе и всѣ помышленія направлены къ одному — положить конецъ старымъ грѣхамъ.

*) Ер. LXI.

Я такъ живу, что для меня день подобенъ цѣлой жизни *). И, увѣряю тебя, встрѣчаю я его *не съ боязнью*, какъ-бы послѣдній, но такъ смотрю на него, какъ-бы онъ могъ быть послѣднимъ. Вотъ съ такимъ настроеніемъ я пишу тебѣ это письмо, какъ будто-бы смерть позоветъ меня во время самаго написанія. Я готовъ умереть, и посему наслаждаюсь жизнью, такъ какъ меня не слишкомъ беспокоитъ то, какъ долго это продлится. До старости я заботился о томъ, чтобы хорошо пожить; теперь, въ старости, у меня забота о томъ, чтобы спокойно умереть,—а спокойно умереть, значитъ—умереть съ охотою. Старайся никогда не дѣлать ничего противъ воли. Чему необходимо быть, то будетъ; но необходимость является необходимостію только для упорствующаго, — для расположеннаго нѣтъ необходимости. Я такъ утверждаю: кто съ охотою принимаетъ приказанія, тотъ избѣгаетъ самой тяжелой стороны рабства—дѣлать то, чего не хочетъ. Не тотъ несчастливъ, кто дѣлаетъ что-либо по приказанію, а кто дѣлаетъ съ неохотою. И такъ, будемъ себя настраивать къ тому, чтобы желать всего, что потребуютъ обстоятельства, и прежде всего будемъ безъ печали ожидать нашего конца. Прежде чѣмъ приготовляться къ жизни, должно приготовиться къ смерти. Жизнь достаточно обезпечена, но мы слишкомъ заботимся о благоустроеніи ея. Намъ кажется и всегда будетъ казаться, что намъ чего-либо недостаетъ. Жизнь довольною не сдѣлають ни годы, ни дни, а только сердце. Пожилъ я, дражайшій Луцилій, вдоволь и довольный ожидаю смерти.

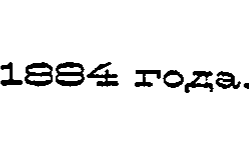
*) Т. е. я думаю, что каждый день можетъ быть послѣднимъ и закончить собою мою жизнь.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Мая № 9. 1884 года.

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія. — Отъ Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Извѣстія и замѣтки.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

1. Отъ 6—19 марта 1884 года за № 471, о трехъ стальныхъ камертонахъ, изобрѣтенія священника А. Израилева, съ журналомъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 2 марта 1884 г. за № 151, журналъ Учебнаго Комитета, № 80, съ заключеніемъ Комитета, о трехъ стальныхъ камертонахъ на резонансовыхъ ящикахъ—работы и изобрѣтенія священника Рождественскаго женскаго монастыря въ г. Ростовѣ, Ярославской епархіи, Аристарха Израилева. Учебный Комитетъ, въ виду отзыва главной физической обсерваторіи о вышеозначенныхъ трехъ камертонахъ—работы и изобрѣтенія священника Израилева, полагаетъ рекомендовать оныя для употребленія при обученіи пѣнію въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ и для физическихъ кабинетовъ въ семинаріяхъ. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о трехъ стальныхъ камертонахъ на резонансовыхъ ящикахъ—работы и изобрѣтенія священника Ярославской епархіи Израилева, правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ сообщить, съ приложеніемъ копии съ журнала Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Журналъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ № 80, о вышеозначенныхъ камертонахъ.

Въ отзывѣ главной физической обсерваторіи, отъ 17 января сего года за № 70, о трехъ стальныхъ камертонахъ на резонансовыхъ ящикахъ—работы и изобрѣтенія священника Рождественскаго женскаго монастыря въ г. Ростовѣ, Ярославской епархіи, Аристарха Израилева, изложено: „присланные въ обсерваторію для испытанія 3 камертона сдѣланы очень тщательно изъ хорошихъ матеріаловъ; эти камертоны вслѣдствіе своихъ отличныхъ качествъ вполне могутъ быть рекомендованы какъ для учебныхъ, такъ и для практическихъ цѣлей“.

„Изъ числа этихъ діапазоновъ средній камертонъ, соотвѣтствующій нотѣ А, при ближайшемъ изслѣдованіи обнаружилъ, что онъ производитъ 870,65 простыхъ колебаній въ секунду при температурѣ 15° стоградуснаго термометра, т. е. на 0,65 простыхъ колебаній болѣе, чѣмъ Высочайше утвержденный нормальный камертонъ“.

На основаніи вышеизложеннаго Учебный Комитетъ, въ виду отзыва главной физической обсерваторіи о вышеозначенныхъ трехъ камертонахъ—работы и изобрѣтенія священника Израилева, полагаетъ рекомендовать оныя для употребленія при обученіи пѣнію въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ и для физическихъ кабинетовъ въ семинаріяхъ.

II. Отъ 6 — 19 марта 1884 года за № 468, о сочиненіи Н. Аванасьева „Литургія св. Іоанна Златоустаго для четырехголоснаго смѣшаннаго хора и отдѣльно для женскаго или мужскаго хора“, съ журналомъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 22 февраля 1884 года за № 131, журналъ Учебнаго Комитета, № 71, съ заключеніемъ Комитета, по прошенію коллежскаго ассесора Николая Аванасьева объ одобреніи для приобрѣтенія въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній, въ качествѣ учебнаго пособія при обученіи церковному пѣнію, сочиненія его, подъ названіемъ: „Литургія св. Іоанна Златоустаго, для четырехголоснаго смѣшаннаго хора и отдѣльно для женскаго или мужскаго хора“ (Москва 1883 года). Учебный Комитетъ полагаетъ, въ виду одобренія означеннаго изданія придворною пѣвческою капеллою,

одобрить сочиненіе Аѳанасьева для пріобрѣтенія въ библіотеки духовно-учебныхъ заведеній въ качествѣ учебнаго пособія при обученіи церковному пѣнію. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о сочиненіи Аѳанасьева, подъ названіемъ „Литургія св. Іоанна Златоустаго для четырехголоснаго смѣшаннаго хора и отдѣльно для женскаго или мужскаго хора“ (Москва 1883 года) начальствамъ духовно-учебныхъ заведеній, сообщить, съ приложеніемъ копии съ журнала Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Журналъ Учебнаго Комитета при Святейшемъ Синодѣ за № 71 о вышеозначенномъ сочиненіи.

„Литургія св. Іоанна Златоустаго“, гармонизованная г. Аѳанасьевымъ, разрѣшена духовной цензурой и одобрена директоромъ пѣвческой капеллы для исполненія при богослуженіи. Изъ разсмотрѣнія композиціи г. Аѳанасьева оказывается, что она удовлетворяетъ духу православнаго церковнаго богослуженія, написана въ строго церковномъ стилѣ, съ отличнымъ знаніемъ музыкальной техники. Будучи гармонизована отдѣльно для мужскихъ и женскихъ голосовъ, она удобна для исполненія хоровъ семинарскихъ и хоровъ женскихъ училищъ, а потому можетъ служить для нихъ, какъ пособіе при обученіи церковному пѣнію.

На основаніи вышеизложеннаго Учебный Комитетъ полагаетъ, въ виду одобренія означеннаго изданія придворною пѣвческою капеллою, одобрить сочиненіе Аѳанасьева для пріобрѣтенія въ библіотеки духовно-учебныхъ заведеній въ качествѣ учебнаго пособія при обученіи церковному пѣнію.

III. Отъ 22-го марта—6-го апрѣля 1884 года за № 665, о брошюрѣ В. Самарянова: „Памяти Ивана Сусанина“.

По указу Его Императорскаго Величества, Святейшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 19 марта 1884 года за № 189, журналъ Учебнаго Комитета, № 99, съ заключеніемъ Комитета, по прошенію столоначальника Костромской духовной консисторіи, коллежскаго ассесора Василя Самарянова, объ одобреніи для пріобрѣтенія въ библіотеки духовно-учебныхъ заведеній составленной имъ брошюры, подъ за-

главiемъ: „Памяти Ивана Сусанина, за Царя, спасителя вѣры и царства, животь свой положившаго въ 7121 (1613) году. Историческое изслѣдованiе преимущественно по неизданнымъ источникамъ“ (Кострома. 1882 года). Учебный Комитетъ полагаетъ: означенную брошюру Самарянова одобритъ для приобрѣтенiя въ фундаментальныя и ученическiя библiотеки духовныхъ семинарiй, мужскихъ и женскихъ епархiальныхъ училищъ. П р и к а з а л и: заключенiе Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленiя о брошюрѣ Самарянова, подъ заглавiемъ: „Памяти Ивана Сусанина, за Царя, спасителя вѣры и царства, животь свой положившаго въ 7121 (1613) году. Историческое изслѣдованiе, преимущественно по неизданнымъ источникамъ“ (Кострома. 1882 года),—правленiямъ духовныхъ семинарiй и училищъ и совѣтамъ епархiальныхъ женскихъ училищъ сообщить, съ приложенiемъ копiи съ журнала Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

1884 года апрѣля 16 дня. Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 28 марта 1884 года за № 1005, дано знать, что согласно ходатайству Епархiальнаго Начальства, Святѣйшiй Синодъ опредѣлялъ: выдѣлить изъ Братеницкаго прихода, Богодуховскаго уѣзда, Екатерининскую села Поличковки церковь и открыть при ней самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ настоятеля и псаломщика.

Епархiальныя извѣщенiя.

По указу Правительствующаго Сената отъ 4 апрѣля 1884 года № 29, произведены, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: а) по Харьковской семинарiи: въ статскiе совѣтники—коллежскiе совѣтники Валентинъ Леонтовичъ, съ 9 октября 1883 и Николай Макухинъ (бывшiй), съ 24 октября 1876 года; въ надворные совѣтники—преподаватель, коллежскiй ассесоръ Семень Фоменко, съ 17 февраля 1882 года; въ коллежскiе ассесоры—преподаватель, Василiй Извольскiй съ 21 марта 1879 года; въ титулярные совѣтники—помощникъ инспектора Георгiй Фолте съ 24 октября 1876 года; б) по Харьковской духовной консисторiи:

въ губернскіе секретари — п. д. столоначальника, коллежскій регистраторъ Константинъ Касьяновъ, съ 5 декабря 1882 года.

Отъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища.

— На основаніи постановленія бывшаго въ октябрѣ 1883 года съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа и резолюціи Его Преосвященства, послѣдовавшей на журналѣ училищнаго Правленія отъ 5 мая сего года, на 17 іюня сего года назначается собраніе съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа.

Предметами занятой съѣзда имѣютъ быть: а) разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училища и училищнаго общежитія въ 1885 году; б) избраніе, на основаніи опредѣлен. Св. Синода ³/17 ноября 1882 года, трехъ членовъ ревизіоннаго комитета для документальной повѣрки экономической отчетности по содержанію училища и училищнаго общежитія въ 1884 году и для наблюденія за производствомъ расходовъ въ 1885 году; в) разсмотрѣніе вѣнчиковыхъ вѣдомостей за 1883 годъ; г) разсмотрѣніе доклада Правленія училища и строительной комиссіи о постройкѣ училищныхъ зданій и д) другія текущія дѣла.

Отъ Совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.

Съ разрѣшенія его преосвященства, Совѣтъ училища доводитъ до свѣдѣнія духовенства епархіи:

1. Въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ годовые экзамены воспитанницамъ начнутся 30 апрѣля, а окончатся: въ I классѣ 12 мая—(по француз. языку 16 мая); во II классѣ 19 мая—(по француз. языку 23); въ III классѣ 21 мая—(по француз. языку 24); въ IV норм. классѣ 30 мая—(по француз. языку 2 іюня); въ IV параллел. клас. 29 мая—(по французск. языку 2 іюня); въ V и VI классахъ 4 іюня—(по француз. языку 7 іюня). 12 іюня актъ и роспускъ воспитанницъ на канікулярное время.

Примѣчаніе: Воспитанницы I—V классовъ, по окончаніи въ каждомъ классѣ экзаменовъ, по желанію родителей, могутъ быть уволены изъ училища и ранѣе 12 іюня.

2. Разрѣшенные воспитанницамъ экзамены и переэкзаменовки послѣ канікулъ будутъ произведены: для I класса 8 и 9 августа, а для всѣхъ остальныхъ классовъ 10 и 11 августа. Воспитанницы, неявившіяся въ означенные дни къ экзамену и переэкзаменовкѣ и не представившія къ тому времени достаточно уважительныхъ причинъ о своей неявкѣ, — не будутъ допущены въ послѣдствіи къ этимъ испытаніямъ.

3. Приемные экзамены для вновь поступающихъ въ училище будутъ произведены: въ I классѣ 8 и 9 августа, а въ остальные классы—10 и 11 августа.

4. При прошеніяхъ, о вновь поступающихъ въ училище, должны быть непременно приложены: *метрическія* свидѣтельства о рожденіи и *медицинскія*—о привитіи оспы и состояніи здоровья, оплаченныя 60 коп. гербовымъ сборомъ. Просьбы, безъ приложенія означенныхъ документовъ, будутъ оставлены безъ разсмотрѣнія.

5. Прошенія о вновь поступающихъ въ I классъ будутъ приниматься только до *перваго августа*.

Отъ Харьковскаго духовнаго пріюта.

Госпожа Игуменья Хорошевскаго Вознесенскаго женскаго монастыря снѣмъ честь имѣетъ извѣстить родителей и родственниковъ воспитанницъ Хорошевскаго духовнаго пріюта, что роспускъ воспитанницъ пріюта на предстоящія каникулы состоится 1-го іюня.

— Священникъ *Василій Насѣдкинъ* утвержденъ законоучителемъ Лиманскаго народнаго училища, Старобѣльскаго уѣзда.

— Рукоположены во священника діаконъ: Знаменской церкви с. Знаменска, Валковскаго уѣзда, *Петръ Дюковъ*, на праздное мѣсто помощника настоятеля при Александро-Невской церкви с. Александровки, того-же уѣзда; Сошествіевской церкви слоб. Хатней, Волчанскаго уѣзда, *Косьма Оульковъ* къ Покровской церкви слоб. Верхней-Писаревки, того-же уѣзда; слоб. Лямана Зміевскаго уѣзда, *Петръ Поповъ* и Ахтырско-Богородичной церкви слоб. Михайловки, Изюмскаго уѣзда; Славянской Троицкой церкви, *Василій Домополянскій* къ Васильевской церкви с. Прелестнаго, Изюмскаго уѣзда; Николаевской церкви слоб. Коломака, Валковскаго уѣзда, *Георгій Дикаревъ* къ Екатерининской церкви с. Поличковки, Богодуховскаго уѣзда.

— И. д. псаломщика Благовѣщенской церкви с. Шаровки, Богодуховскаго уѣзда, *Стефанъ Поморцевъ* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Николаевской церкви слоб. Коломака, Валковскаго уѣзда, на праздное-же мѣсто псаломщика при Благовѣщенской церкви с. Шаровки опредѣленъ бывший воспитанникъ Ахтырскаго духовнаго училища *Василій Котычиковъ*; причетническій сынъ *Петръ Мигулинъ* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Сошествіевской церкви, слоб. Хатней, Волчанскаго уѣзда, до усмотрѣнія; на псаломщическое мѣсто къ Благовѣщенской церкви слоб. Богуславскаго, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ бывший воспитанникъ Харьковской ду-

ховной семинаріи Димитрій *Торанскій*. — Перемѣщенъ псаломщикъ Архангело-Михайловской церкви заштатнаго города Краснокутска діаконъ Платонъ *Пономаревъ* къ Іоанно - Златоустовской церкви Харьковскаго Земледѣльческаго училища.

— Церковныя старосты церквей, Валковскаго уѣзда, Николаевской сл. Новой-Водолаги крестьянинъ Димитрій *Закутскій*, Троицкой слоб. Одринки крест. Иванъ *Пащенко* и Троицкой с. Васплевки, Лебединскаго уѣзда, мѣщанинъ Захарій *Кривенко*, за усердную и полезную ихъ службу награждены похвальными листами.

— Утверждены въ должностяхъ церковныхъ старостъ: къ Покровской церкви с. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, крест. Стефанъ *Волкъ*; къ Георгіевской церкви с. Лѣсповки, Богодуховскаго уѣзда, крест. Иванъ *Назаренко*; Зміевскаго уѣзда къ Рождество-Богородичной церкви слоб. Новоборисоглѣбска крест. Иванъ *Патокъ 2-й* и къ Вознесенской цер. с. Борщеваго крест. Алексѣй *Борщъ*; къ Покровской цер. сл. Вѣлинькой, Изюмскаго уѣзда, капитанъ Ниль Петровъ сынъ *Золотаревъ*; Купянскаго уѣзда къ Петропавловской цер. слоб. Дружковки крест. Петръ *Бурлачекъ*; къ Вознесенской цер. слоб. Кабатья крест. Тарасій *Острроверховъ* и Владимірска - Богородичной цер. слоб. Калиновой крест. Стефанъ *Котманъ*; къ Николаевской церкви с. Буймера, Лебединскаго уѣзда, крест. Василій *Горуля*; и къ Васильевской церкви с. Песочина, Харьковскаго уѣзда, крест. Димитрій *Шевченко*.

— Купецъ Димитрій *Потановъ* уволенъ епархіальнымъ начальствомъ, согласно его прошенію, отъ должности церковнаго старосты Преображенской церкви дома призрѣнія Харьковскаго Благотворительнаго общества, а на мѣсто его утвержденъ въ означенной должности Харьковскій 1 гил. купецъ Николай Александровъ сынъ *Чикинъ*.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Священническія: 1) Въ сел. *Ольховомъ Ротъ*, Изюмскаго уѣзда; 2) *Валвенкиномъ*, того-же уѣзда; 3) *Большой Чернетшинъ*, Сумскаго уѣзда.

Псаломщицкіе: 1) Въ *Ольховомъ Ротъ*, Изюмскаго уѣзда; 2) *Бригадировкѣ*, Богодуховскаго уѣзда; 3) *Полшковкѣ*, того-же уѣзда; 4) *Краснокутскѣ*, заштат. городѣ, при Арханг.-Михайловской церкви; 5) Въ г. *Славянскѣ*, при Троицкой цер.; 6) въ *Ульяновкѣ*, Сумскаго уѣзда; 7) въ *Знаменскомъ*, Валковскаго уѣзда; 8) въ *Диманѣ*, Зміевскаго уѣзда.

Отъ Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ составъ суммъ Комитета въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1884 года поступило: отъ протоіерея Тимофея Павлова—3 р., Ряснянскаго Свято - Дмитріевскаго общежительнаго монастыря—10 р., игумена Харьковскаго Покровскаго монастыря Прокопія—3 р. Итого въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1884 г. поступило—16 руб. А всего съ поступившими въ 1884 году—2253 руб. 77 коп.

Всѣхъ ревнителей православія, сочувствующихъ св. дѣлу распространенія онаго между язычниками, Комитетъ покорнѣйше проситъ доставлять свои членскіе взносы непосредственно въ Комитетъ при Архіерейскомъ домѣ, или вручать своимъ приходскимъ священникамъ.

Въ члены общества могутъ поступать лица всякаго званія, состоянія и пола; отъ члена требуется ежегодный взносъ не менѣе *трехъ* руб., или же одновременно не менѣе *шестидесяти* рублей.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Церемоніаль и форма присяги Государя Наслѣдника Престола при торжественномъ объявленіи совершеннолѣтія Его.—Хиротонія памѣтника Кіево-Печерской лавры и его преемникъ въ Кіевѣ.—Новые монастыри.—Уставы духовныхъ академій.—Церковно-приходскія школы.—Высочайшее пожалованіе.—Издавіе и раздача книгъ религіозно-правственнаго содержанія.—Вѣдъ богослужбеныя собесѣдованія.—Соображенія объ улучшеніи религіозно-правственнаго состоянія прихожанъ.—Религіозно-правственныя бесѣды съ заключенными.—Примѣры пастырскаго усердія и энергіи.—Обрядъ страшнаго суда — По поводу бывшаго въ Святогорскомъ монастырѣ пожара (письмо въ редакцію) — Распоряженіе Кіевской консисторіи относительно пропзошенія надгробныхъ рѣчей лицами, не принадлежащими къ клиру.— Пожертвованія на храмъ въ память Императора Александра II въ Болгаріи.—Постановленіе Одесской думы.—По поводу законовъ о раскольникахъ.—Объ отчужденіи крестьянскихъ земель.—Проектъ правилъ о питейной торговлѣ.—Проектъ измѣненія дѣйствующихъ правилъ о личномъ наймѣ.—Работы по пересмотру законовъ о евреяхъ.—Вселенскій патріархъ и Порта.—Царительственное сообщеніе.

Согласно церемоніалу, въ Зимній Дворецъ 6 мая съѣхались въ 1-мъ часу, члены Императорской Фамиліи, знатное духовенство, дипломатическій корпусъ, чины Двора, сановники, генералитетъ, военные чины и почетное купечество. Государь Императоръ и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ выѣхали изъ Аничкова Дворца въ коляскѣ и изволили прослѣдовать по Невскому проспекту въ Зимній дворецъ; Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ въ мундирѣ атаманскаго полка; черезъ нѣсколько минутъ выѣхали также Государыня Императрица съ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ и Великою Княжною Ксеніей Александровной въ парадномъ экипажѣ четверней на выносъ. Дворецъ окружали съ набережной и площади толпы народа и рядъ экипажей, изъ которыхъ выдѣлялись парадныя кареты германскаго и французскаго пословъ; на рѣкѣ Невѣ выстроились суда, убранныя флагами. Церемоніальное шествіе въ дворцовый Соборъ началось около часа, при народномъ гимнѣ. Въ соборѣ, по случаю присяги, поставленъ былъ аналой съ крестомъ и Евангеліемъ и два стола, покрытые пунсовымъ бархатомъ: на одномъ—держава, скипетръ и корона, на другомъ—золотой письменный приборъ. Въ назначенный для присяги моментъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ прочелъ вслухъ присягу по листу, поднесенному изъ алтаря, поцѣловалъ крестъ и Евангеліе, и, перейдя къ столу, утвердилъ присягу подписью; подписанный листъ принялъ министръ иностранныхъ дѣлъ; затѣмъ воспѣли „Тебѣ Бога хвалимъ“ и раздались выстрѣлы съ крѣпости. По окончаніи молебствія къ Государю Императору приблизились высшіе сановники. Католическое и лютеранское духовенство принесли поздравленія. Влестящій видъ

представлялъ Георгіевскій залъ, куда перешли Ихъ Величества послѣ молебствія и взошли на Тронъ; разнообразныя мундиры, наши и иностранныя, наряды дамъ, дворцовыя гренадеры передъ Трономъ, шеренги воспитанниковъ военныхъ училищъ наполняли залу. Среди этой-то торжественной обстановки Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ принялъ присягу на вѣрность службы. До торжества присяги принцъ Вильгельмъ передалъ орденъ „Чернаго Орла“ Государю Наслѣднику Цесаревичу въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Вотъ форма присяги для Наслѣдника Престола при торжественномъ объявленіи совершеннолѣтія Его.

„Именемъ Бога Всемогущаго, предъ святымъ Его Евангеліемъ клянусь и обѣщаюсь Его Императорскому Величеству, моему Всемилостивѣйшему Государю Родителю, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества самодержавію, силѣ и власти принадлежація права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, споспѣшествуя всему, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной относиться можетъ; въ званіи же Наслѣдника Престола Всероссійскаго и соединенныхъ съ нимъ Престоловъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго обязуюсь и клянусь соблюдать всѣ постановленія о наслѣдіи Престола и порядкѣ фамильнаго учрежденія, въ Основныхъ Законахъ Имперіи изображенныя, во всей ихъ силѣ и неприкосновенности, какъ предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ отвѣтъ въ томъ дать могу.—Господи, Боже Отцевъ и Царю Царствующихъ! настави, вразуми и управи мя въ великомъ служеніи, мнѣ предназначеномъ; да будетъ со мною пристѣдающая престолу Твоему премудрость; послѣди ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ очима Твоима и что есть право по заповѣдемъ Твоимъ. Буди сердце мое въ руку Твоею. Аминь“.

7-го мая, въ полдень, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ принимать въ Аничковомъ дворцѣ поздравленія отъ дипломатическаго корпуса. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ въ формѣ атаманскаго полка. При Его Высочествѣ находился министръ двора, а представлялъ лицъ, приносившихъ поздравленія, оберъ-церемоніймейстеръ князь Долгорукой. Въ 5 часовъ начался обѣдъ въ Николаевской залѣ; за Императорскимъ столомъ сидѣли:

около Государя Императора справа Государыня Императрица и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, а слѣва королева Эллиновъ и германскій принцъ, остальныя-же мѣста занимали члены Императорской Фамиліи, высшее духовенство, германскій посолъ, германскій военный агентъ и посланники: датскій, виртембергскій и греческій; за другими столами сидѣли члены Государственнаго Совѣта, сенаторы, министры, генералитетъ и придворные чины. Гости, при пушечной пальбѣ, провозглашены были за здоровье Ихъ Императорскихъ Величествъ и Государя Наслѣдника Цесаревича, за весь Императорскій Домъ, Августѣйшихъ Гостей, духовенство и вѣрноподданныхъ. Во время обѣда играли оркестры русской оперы и финляндскаго полка и пѣли артисты русской оперы.

— Въ среду, 25-го апрѣля, въ присутствіи членовъ Св. Синода происходило нареченіе намѣстника Успенской Кіевской лавры, архимандрита Иллариона, въ санъ епископа. 29-го апрѣля, въ Свято-троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры совершенъ во время литургіи обрядъ хиротоніи новаго епископа. Хиротонію совершалъ высокопреосвященнѣйшій Исидоръ, митрополитъ новгородскій и петербургскій, въ сослуженіи съ членами Св. Синода: высокопреосв. Іоанникіемъ, митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ, высокопреосв. Леонтіемъ, архіепископомъ холмскимъ и варшавскимъ, Саввою, архіеписк. тверскимъ, Іонафаномъ, епископомъ ярославскимъ, и пресв. Арсеніемъ, епископомъ ладожскимъ, ректоромъ здѣшней духовной академіи. Преосвященный Илларионъ назначается на новооткрытый постъ епископа прилукскаго, викарія Полтавской епархіи. („Нов.“).

По сообщенію „Кіевлянина“, на мѣсто о. Иллариона въ высшихъ духовныхъ сферахъ кандидатомъ имѣютъ архимандрита Ювеналія (Половцева), проживающаго въ Оутинской пустынѣ, Калужской губерніи. Новый кандидатъ на намѣстника лавры аристократическаго рода (родственникъ сенатора Половцева), воспитанникъ юридическаго лицея, служилъ ранѣе въ Александро-Невской лаврѣ, извѣстенъ переводомъ многихъ богословскихъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ, которыми владѣетъ въ совершенствѣ, и отличается строгою иноческою жизнью.

— Преосвященный воронежскій ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ объ учрежденіи при деревнѣ Тоголжанкѣ, Новохоперскаго уѣзда, Казанскаго женскаго общежительнаго монастыря съ пріютомъ для сиротъ дѣвицъ духовнаго званія и объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на укрѣпленіе за симъ монастыремъ

жертвуемаго священникомъ Василиемъ Голубевымъ имѣнія, состоящаго изъ 600 десятинъ земли, въ томъ числѣ 200 десятинъ пахатной и 400 лѣсной, съ постройками на ней. При этомъ преосвященный объяснилъ, что въ означенномъ жертвуемомъ священникомъ Голубевымъ имѣніи находятся значительныя каменные постройки съ домовою двухпрестольною церковію, и что въ имѣніи этомъ получается ежегоднаго дохода съ пахатной земли не менѣе 1,800 р. и съ лѣса не менѣе 3,200 руб. Признавая указанныя средства достаточными для обезпеченнаго существованія женскаго общежительнаго монастыря при деревнѣ Товолжанкѣ и ходатайство преосвященнаго воронежскаго по сему предмету уважительнымъ, и имѣя въ виду, что къ учрежденію означеннаго монастыря со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ препятствій не встрѣчается, Св. Синодъ, руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ 9 мая 1881 года (собр. узак. и расп. прав. 1881 г., № 82, ст. 552), опредѣлилъ (отъ 8 марта — 18 апрѣля 1884 г. за № 506) учредить въ Новохоперскомъ уѣздѣ, Воронежской епархіи, при деревнѣ Товолжанкѣ, женскій общежительный Казанскій монастырь съ пріютомъ при немъ для сиротъ дѣвицъ духовнаго званія, съ тѣмъ, чтобы число инокинь въ семъ монастырѣ и призрѣваемыхъ въ пріютѣ было такое, какое обитель можетъ содержать на свои средства.

Святѣйшій Синодъ слушалъ: 1) представленіе преосвященнаго орловскаго, отъ 5-го февраля 1884 года за № 676, объ учрежденіи первокласснаго общежительнаго женскаго монастыря, во имя св. Маріи Магдалины, съ училищемъ и богадѣльнею въ имѣніи умершей жены статскаго совѣтника Маріи Арсеніевой Охотниковой въ селѣ Никольскомъ, Кудиново, Губаново тожъ, Ливенскаго уѣзда, и объ укрѣпленіи за симъ монастыремъ завѣщаннаго оному помянутою Охотниковою собственнаго ея недвижимаго имѣнія, со всѣми угодьями, постройками и хозяйственными принадлежностями, — находящагося въ Орловской губерніи, Ливенскаго уѣзда, при селѣ Никольскомъ и другихъ, и заключающаго въ себѣ 810 десятинъ 1058 сажень земли или и болѣе, сколько окажется въ томъ имѣніи земли, за сдѣланными Охотниковою въ духовномъ ея завѣщаніи назначеніями, и 2) предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 22-го марта 1884 г. за № 1308, о томъ, что со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ не встрѣчается препятствій къ учрежденію вышеозначеннаго монастыря. И, по справкѣ, приказали: Преосвященный орловскій ходатайствуетъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи въ селѣ Никольскомъ, Кудиново, Губано-

во тожь, Ливенскаго уѣзда, Орловской губерніи, первокласснаго общежительнаго женскаго монастыря, во имя св. Маріи Магдалины, съ училищемъ для дѣвочекъ и богадѣльнею, съ назначеніемъ для сего монастыря слѣдующаго штата: игуменья, казначея, 98 монахинь и послушницъ, два священника и два псаломщика съ тѣмъ, чтобы монастырь этотъ, училище и богадѣльня при немъ, а также служащіе и призрѣваемые въ ономъ содержались на средства, пожертвованныя для сего умершею женою статскаго совѣтника Марією Охотниковою. Изъ представленія преосвященнаго по настоящему дѣлу и изъ приложенныхъ къ сему представленію документовъ видно: для обезпеченнаго существованія означеннаго монастыря завѣщано умершею женою статскаго совѣтника Марією Охотниковою благопріобрѣтенное недвижимое имѣніе со всѣми угодьями и постройками, состоящее изъ находящейся въ селѣ Никольскомъ, Кудиновомъ, Губановомъ тожь, Ливенскаго уѣзда, усадьбы, въ коей предполагается помѣстить монастырь, и изъ значущихся по купчей крѣпости, планамъ и духовному завѣщанію земель, всего въ количествѣ 844 десятинъ 591 сажени, а именно: Ливенскаго уѣзда участокъ земли изъ дачъ села Никольскаго, Кудиново тоже, сельца Андріановки-Хармовки, семнадцатою части села Вышняго Алшанаго, всего удобной и неудобной земли 489 десятинъ 164 сажени, и того же уѣзда участокъ земли изъ дачъ вышепоименованныхъ и изъ урочища Ивановскаго при хуторѣ Марьянѣ, всего удобной и неудобной земли 355 десятинъ 427 сажень. Сверхъ сего Охотникова завѣщала: на устройство церкви въ означенномъ монастырѣ 100,000 р., на содержаніе монастыря 100,000 р., на содержаніе богадѣльни при монастырѣ 15,000 рублей, а на содержаніе одного священника и одного псаломщика при монастырѣ положенъ Охотниковою въ банкъ капиталъ 12,000 руб. и отведены 36 десятинъ земли. Таковыя средства для содержанія монастыря преосвященный признаетъ достаточными, объясняя, что содержаніе втораго священника и втораго псаломщика должно быть отнесено на средства монастыря и въ томъ размѣрѣ, въ какомъ назначено Охотниковою содержаніе первому причту отъ капитала изъ земли. Министръ внутреннихъ дѣлъ не встрѣчаетъ препятствій къ учрежденію выше-означеннаго монастыря. Признавая устройство сего монастыря полезнымъ, Святейшій Синодъ, руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ, воспомоществовавшимъ 9 мая 1881 г. (Собр. узак. и расп. прав. 1881 г. № 82, ст. 552), опредѣляетъ: Согласно изъясненному представленію преосвященнаго орловскаго учредить въ селѣ Никольскомъ, Ливен-

скаго уѣзда, въ имѣніи умершей жены статскаго совѣтника Маріи Охотниковой женскій общежительный монастырь во имя св. Маріи Магдалины, съ училищемъ для дѣвочекъ и богадѣльнею, съ такимъ числомъ монахинь и послушницъ, какое монастырь можетъ содержать на свои средства, и съ назначеніемъ для сего монастыря настоятельницы въ саяѣ игуменіи, и казначеи и причта изъ двухъ священниковъ и двухъ псаломщиковъ, безъ всякаго отпуски на сей монастырь содержанія отъ казны. (Опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 27-го марта 1884 г., за № 683).

— Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ возбужденъ былъ въ духовномъ вѣдомствѣ вопросъ о пересмотрѣ и измѣненіи устава православныхъ духовныхъ академій. Этотъ вопросъ разработывала особая коммиссія. Въ настоящее время новый проектъ устава академій уже утверждёнъ и на дняхъ будетъ изданъ въ свѣтъ. Укажемъ на нѣкоторыя существенныя особенности его, отличающія новый уставъ отъ прежняго, до сихъ поръ дѣйствовавшаго. По новому уставу, отмѣняется въ академіяхъ раздѣленіе студентовъ на три особыхъ отдѣленія (факультета), изъ которыхъ въ каждомъ до сихъ поръ преподавались науки какъ спеціально-богословскаго, такъ и общаго характера. Всѣ студенты, безъ различія, обязательно будутъ изучать всѣ богословскія науки. Только нѣкоторыя науки филологическаго разряда (какъ, на примѣръ, философія, исторія и словесность) будутъ раздѣлены на двѣ группы такимъ образомъ, что каждый студентъ будетъ изучать одну изъ этихъ группъ наукъ. Этимъ путемъ будетъ достигаться та цѣль, что всѣ студенты будутъ выходить изъ академіи, прежде всего, спеціалистами богословія, чего до сихъ поръ не было, при раздѣленіи богословскихъ наукъ на особые факультеты. Другая особенность новаго устава академій—та, что онѣ будутъ поставлены въ ближайшее отношеніе къ духовнымъ семинаріямъ. Последнія будутъ подчинены академіямъ, причемъ къ каждой академіи будетъ отнесенъ извѣстный округъ въ нѣсколько губерній съ имѣющимися въ нихъ семинаріями. Профессоры академій, въ случаѣ надобности, будутъ ревизовать семинаріи. Новый уставъ академіи будетъ введенъ въ дѣйствіе съ начала будущаго 1884—85 учебнаго года. Нѣкоторые частные вопросы, вытекающіе изъ новой постановки духовныхъ академій, по словамъ „Новостей“, должны быть еще разработаны духовнымъ начальствомъ въ теченіи нынѣшняго лѣта, съ такимъ расчетомъ, чтобы новая реформа могла быть исполнѣ осуществлена съ новаго учебнаго года.

— Высокопреосвященный Θεогностъ, архіепископъ владимірскій,

обратился съ наставленіемъ къ священникамъ, имѣющимъ въ своихъ приходсахъ церковно-приходскія школы и обучающимъ въ нихъ дѣтей. Указавъ на то, что направленіе церковно-приходскихъ школъ, по самому ихъ наименованію и по цѣли, должно быть вполнѣ церковное, преосвященный преподаетъ правила о томъ, какими способами поддерживать и развивать это направленіе. Для этого обученіе должно производиться по Евангелію, Псалтири, Часослову и назидательнымъ книгамъ; во время урока предъ класснымъ образомъ должна горѣть лампадка, уроки должны быть прерываемы пѣніемъ церковныхъ пѣсней, причемъ ученики должны стоять, обратившись къ иконѣ; наканунѣ великихъ праздниковъ и нѣкоторыхъ воскресныхъ дней, священникъ долженъ собирать учениковъ въ школу и читать имъ акафистъ Спасителю или Божіей Матери; при всѣхъ церковныхъ службахъ въ воскресные и праздничные дни ученики должны присутствовать, участвовать въ клиросномъ чтеніи и пѣніи, а также прислуживать поочередно въ алтарѣ во время священнослуженія; священникъ долженъ всѣми мѣрами пріучать учениковъ къ осмысленному и внимательному стоянію въ храмѣ Божіемъ, для этого объяснять имъ дѣйствія богослуженія, смыслъ и значеніе св. иконъ и пріучать къ точному соблюденію правилъ и постановленій св. Церкви. Въ заключеніи преосвященный приглашаетъ священниковъ придти на помощь владимірскому Александро-Невскому братству, предположившему взять на свое попеченіе школы по селеніямъ, въ которыхъ частныя лица, по соглашенію съ крестьянами, обучаютъ ихъ дѣтей. Для этого наблюдать за обученіемъ дѣтей частными лицами и употреблять все свое вліяніе, чтобы и въ частныхъ крестьянскихъ школахъ направленіе было церковное, чтобы и въ нихъ обученіе по возможности шло также, какъ въ церковно-приходскихъ школахъ. Съ своей стороны Владимірское Александро-Невское братство объявило духовенству, что оно почтетъ долгомъ посильно вознаграждать труды наиболѣе ревностныхъ священниковъ, которые будутъ посѣщать школы и руководить дѣломъ, въ особенности-же которые будутъ содѣйствовать къ умноженію и развитію подобныхъ школокъ.

Въ недавнее время Св. Синодомъ собраны были отъ епархіальныхъ властей свѣдѣнія, гдѣ и сколько имѣется церковно-приходскихъ школъ. По словамъ „Моск. Вѣдом.“ оказалось, что школъ этого рода числятся за послѣднее время до 4,000. По исключительнымъ условіямъ положенія православія въ западныхъ епархіяхъ и въ Прибалтійскомъ краѣ здѣсь и тамъ прилагаются осо-

быя попеченія о поддержаніи церковно-приходскихъ школъ. Въ семи епархіяхъ Западнаго края число сихъ школъ за послѣднее время простиралось до 2,411 и въ нихъ давалось начальное образованіе въ духѣ православія 59,026 дѣтямъ обоого пола. Въ Прибалтійскомъ краѣ состояло 138 приходскихъ и 250 вспомогательныхъ школъ, въ коихъ обучалось дѣтей обоого пола 11,572. Всѣ церковно-приходскія школы содержатся на мѣстныхъ, изыскиваемыхъ стараніями духовенства, средства, и только нѣкоторыя школы изъ находящихся въ западныхъ епархіяхъ и Прибалтійскомъ краѣ пользуются пособіями изъ казны или изъ средствъ Св. Синода. Въ настоящее время, въ виду окончательнаго разъясненія того положенія, которое занимаютъ церковно-приходскія школы въ дѣлѣ распространенія грамотности въ народѣ, сдѣлано распоряженіе объ устройствѣ при каждой приходской церкви, въ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ Сѣверо-западнаго края, гдѣ нѣтъ народныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, церковно-приходскихъ школъ и ихъ отдѣленій какъ постоянныхъ, такъ и подвижныхъ.

Могилевскій губернаторъ разослалъ слѣдующій циркуляръ уѣзднымъ исправникамъ и непремѣннымъ членамъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій о содѣйствіи къ учрежденію и поддержкѣ церковно-приходскихъ школъ:

„Преосвященный Виталій, епископъ могилевскій, заявляя мнѣ о своемъ намѣреніи учредить церковно-приходскія школы при всѣхъ церквахъ Могилевской губерніи, просилъ моего въ этомъ отношеніи содѣйствія. Цѣль учрежденія этихъ школъ самая скромная—съ наименьшими издержками дать возможно большому числу дѣтей обоого пола, по преимуществу крестьянъ, самое начальное и вмѣстѣ самое необходимое образованіе, именно научить ихъ: 1) церковно-славянскому и русско-гражданскому чтенію, 2) письму, 3) ариѳметическому счету, 4) необходимѣйшимъ для всякаго православнаго христіанина молитвамъ, символу вѣры и заповѣдямъ Господнимъ и 5) церковному пѣнію—по слуху; словомъ, обучить тому, что крайне необходимо знать каждому православному христіанину.

„Для достиженія такой благотворной цѣли, епархіальная духовная власть беретъ на себя обязанность заботиться о томъ, чтобы церковно-приходскія школы всегда имѣли своихъ учителей въ составѣ мѣстныхъ причтовъ и чтобы въ лицѣ благочинныхъ и ихъ помощниковъ былъ неослабный надзоръ за правильнымъ веденіемъ въ этихъ школахъ учебно-воспитательнаго дѣла, а при общаемомъ

содѣйствіи дирекціею народныхъ училищъ, снабжать эти школы нужными учебными пособіями и руководствами. Но, кромѣ того, необходимо помѣщеніе для школы—хотя самое скромное—въ видѣ чистой крестьянской избы и посильная матеріальная помощь учителю. Хотя, такимъ образомъ, намѣренія преосвященнаго имѣютъ весьма скромный характеръ и безусловно въ высшей степени будутъ полезны для массы населенія, тѣмъ не менѣе они могутъ осуществиться и достигать цѣли лишь при сочувствіи къ такимъ школамъ населенія и при посильномъ его содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ. Искренно сочувствуя этому дѣлу, я увѣренъ, что и вы исполните его важность и пользу и потому прошу васъ принять самое живое и личное участіе въ успѣшномъ его ходѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ при личныхъ поѣздкахъ и чрезъ подвѣдомыхъ вамъ чиновъ разъяснить крестьянамъ дѣйствительное значеніе этихъ школъ, ихъ важность въ смыслѣ самаго начальнаго религіозно-нравственнаго образованія, наконецъ пользу и сравнительную дешевизну, чтобы возбудить желаемое сочувствіе въ крестьянскомъ населеніи и тѣмъ обезпечить прочное и соотвѣтствующее цѣли устройство этихъ школъ, даже при совмѣстномъ существованіи въ разныхъ волостяхъ народныхъ училищъ, гдѣ производится обученіе по болѣе обширной программѣ“.

Въ другомъ циркулярѣ магилевскаго губернатора по тому же предмету, между прочимъ, объяснено:

„Забота епархіальнаго начальства о повсемѣстномъ открытіи въ епархіи церковно-приходскихъ школъ, осчастливленная Всемилоствѣйшимъ благоуманіемъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, и благословеніемъ Св. Синода, при живомъ сочувствіи и самомъ искреннемъ содѣйствіи этому святому дѣлу губернскаго начальства и всѣхъ сословіи губерціи, увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ. При церквахъ и по деревнямъ въ 432 приходсахъ и при 6 монастыряхъ, какъ оказывается изъ сообщенныхъ мнѣ преосвященнымъ подробныхъ „Вѣдомостей о церковно-приходскихъ школахъ“, по всей епархіи за первую половину 1883/4 учебного года такихъ школъ открыто около 900. Изъ представленныхъ окружными епархіальными ревизорами отчетовъ видно, что значительная часть церковно-приходскихъ школъ, будучи достаточно обезпечена помѣщеніемъ и средствами къ найму способныхъ учителей, принесла вполне желанные плоды; въ другой же части новооткрытыхъ школъ нѣтъ достаточныхъ успѣховъ потому именно, что онѣ не имѣютъ этихъ обезпеченій. Вполнѣ сознавая ту пользу, какую принесутъ церковно-приходскія школы для подъема

умственного и религіозно-нравственного состоянія простаго населенія нашей губерніи, столь необходимаго и для его бытоваго благосостоянія, принимая во вниманіе, что для прочнаго и цѣлесообразнаго существованія этихъ школъ необходимо, чтобы каждая изъ нихъ имѣла въ своемъ распоряженіи хотя небольшія, но соотвѣтственныя матеріальныя средства, — вновь прошу васъ: 1) неупустительно заботиться, чтобы населеніе дѣлало посильныя пожертвованія на содержаніе своихъ церковно-приходскихъ школъ, независимо отъ народныхъ училищъ; 2) предписать волостнымъ правленіямъ — располагать крестьянъ къ тому, чтобы они посылали своихъ дѣтей въ школу, не стѣсня свободы родителей въ выборѣ школы народной или церковно-приходской, какая, по мѣстнымъ условіямъ и по желанію, окажется для нихъ болѣе удобною“.

Въ циркулярномъ предложеніи попечителя Вилнускаго учебнаго округа мѣстнымъ директорамъ народныхъ училищъ обращено вниманіе на слѣдующій фактъ:

„Доходитъ до моего свѣдѣнія, что при обнаруженіи тайныхъ польскихъ школъ были случаи намѣреннаго будто бы закрытія, подъ видомъ тайныхъ школъ, только что открывающихся церковно-приходскихъ училищъ. Не допуская возможности подобнаго отношенія къ церковно-приходскимъ училищамъ со стороны лицъ учебнаго вѣдомства, я тѣмъ не менѣе считаю долгомъ обратить особенное вниманіе на необходимость въ дѣлахъ по обнаруженію недозволенныхъ школъ, насколько дѣла эти соприкасаются съ учебнымъ вѣдомствомъ, со всею осторожностію удостовѣряться, не подходятъ ли подъ заявленія о такихъ школахъ возникающія церковно-приходскія школы, быть можетъ, не успѣвающія на первыхъ порахъ получить отъ надлежащихъ духовныхъ лицъ какого-либо письменнаго документа, удостовѣряющаго законность ихъ существованія, какъ церковно-приходскихъ школъ. вмѣстѣ съ симъ во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній разъясняю, что лица учебнаго вѣдомства отнюдь не должны входить въ разсмотрѣніе основаній устройства церковно-приходскихъ школъ и назначенія въ оныя тѣхъ или другихъ лицъ къ учительскимъ обязанностямъ. Это принадлежитъ духовному вѣдомству и высшей власти онаго въ епархіи. Лица учебнаго вѣдомства въ отношеніи къ церковно-приходскимъ школамъ должны всецѣло оставаться на почвѣ полнаго содѣйствія, сочувствія, согласія, вообще глубокаго единенія. Несовѣршившіеся какіе-либо факты со стороны лицъ учебнаго вѣдомства вызываютъ настоящія мои указанія, а единственно горячее жела-

ніе, чтобы возникающія церковно-приходскія школы сразу вошли въ жизнь успѣшно къ благу православнаго здѣсь народа и Церкви“.

Съ цѣлію создать прочную организацію для церковно-приходскихъ школъ, относительно которыхъ законоположеніи до сихъ поръ отличались случайнымъ и противорѣчивымъ характеромъ, теперь, какъ сообщаютъ газеты, выработанъ проектъ новыхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ. Существенная сторона правилъ заключается въ учрежденіи школъ двухъ категорій: начальныхъ школъ грамотности съ двухгодичнымъ курсомъ, и двухклассныхъ училищъ съ четырехгодичнымъ курсомъ. Приходскимъ попечительствамъ отводится весьма видная роль въ дѣлѣ устройства и развитія школъ. Проектъ правилъ, по разсмотрѣніи ихъ Св. Синодомъ, будетъ представленъ на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ.

— Въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ читасмъ: „Мы получили отъ настоятеля Кальварійской православной церкви, священника І. Левицкаго, слѣдующее пріятное извѣстіе: „Въ началѣ текущаго года въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ помѣщена была замѣтка объ устройствѣ и освященіи въ г. Кальваріи (Сувалкской губерніи) церкви во имя св. преподобнаго Агаѳона, соименника извѣстнаго скобелевскаго героя, Агаѳона Никитина, мученически животъ свой положившаго за Вѣру, Царя и Отечество. Церковь созидалась исключительно на средства мѣстной православной общины и потому неудивительно, что средства эти оказались вовсе недостаточными для снабженія новосозданнаго храма всѣми необходимыми церковными принадлежностями. Не говоря о прочей церковной утвари, не было, напримѣръ, ни одного колокола, что, конечно, сопровождалось большими неудобствами какъ для причта церковнаго, такъ и для прихожанъ, лишенныхъ возможности своевременно являться въ церковь на богослуженія. Кальварійская православная община, изыскивая средства на пріобрѣтеніе нужныхъ для церкви вещей, между прочимъ, обратилась письменно къ извѣстному ревнителю православія, бывшему попечителю Виленскаго учебнаго округа, Помпею Николаевичу Батюшкову, съ просьбой объ оказаніи содѣйствія въ удовлетвореніи нуждъ церкви. Результатъ превзошелъ всѣ ожиданія. Г. Батюшковъ сначала телеграммой, а потомъ подробнымъ письмомъ на имя попечительства по устройству въ г. Кальваріи церкви, извѣстилъ, что просительное на его имя письмо членовъ Кальварійской православной общины всеподданнѣйше было доложено Государю Императору, и что Его Императорское Величество

Высочайше изволилъ пожаловать изъ собственныхъ денегъ три тысячи рублей на устройство въ г. Кальваріи церкви во имя преподобнаго Агаѳона“.

— Духовное вѣдомство въ послѣднее время усиленно занялось изданіемъ разныхъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія для продажи ихъ народу по самымъ дешевымъ цѣнамъ, а отчасти даже и для бесплатной раздачи ихъ бѣднымъ людямъ. Синодальная типографія, хорошо организованная, работаетъ въ этомъ отношеніи весьма успѣшно. Св. Синодъ ассигнуетъ особыя средства на изданіе подобныхъ книгъ для потребностей церковно-приходскихъ школъ, братствъ, попечительствъ и другихъ учрежденій при церквяхъ. Являются и частные благотворители, обращающіеся къ содѣйствию духовнаго начальства для изданія и бесплатной раздачи народу разныхъ сочиненій религіознаго содержанія. Въ этомъ направленіи и дѣйствуетъ нынѣ духовное вѣдомство съ особенною энергіей. На страстной недѣлѣ, по словамъ газеты „Новости“, предполагалось раздать народу бесплатно въ церквяхъ Петербурга 100,000 экземпляровъ брошюры: „О крестныхъ страданіяхъ Іисуса Христа“.

— На одномъ благочинническомъ съѣздѣ Николаевского уѣзда, Самарской губерніи, — какъ передаютъ мѣстныя „Епарх. Вѣд.“, относительно вѣбогослужебныхъ собесѣдованій признано цѣлесообразнымъ принять въ руководство слѣдующее предложеніе председателя съѣзда: Вѣбогослужебныя собесѣдованія съ прихожанами о предметахъ вѣры и нравственности священниками округа ведутся обыкновенно въ промежутокъ времени между утренею и литургіею по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, если въ это время священники не бываютъ отвлечены для исправленія требъ; предметомъ занятій на собесѣдованіяхъ преимущественно служитъ рассказъ или чтеніе житія святаго и исторіи праздника, затѣмъ по временамъ объясненіе евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, положенныхъ на тотъ или другой праздникъ и воскресный день. И въ этомъ видѣ бесѣды приносятъ пользу прихожанамъ, потому что онѣ всегда выслушиваются ими съ охотою и вниманіемъ; но было-бы несравненно полезнѣе для дѣла, если-бы священниками установленъ былъ какой-нибудь порядокъ или система въ передачѣ истинъ вѣры и нравственности на собесѣдованіяхъ, съ цѣлію ознакомленія прихожанъ съ этими истинами не отрывочно, а въ связи однихъ съ другими, и затѣмъ для собесѣдованій было отведено болѣе свободное время, чѣмъ промежутокъ между утренею и литургіею, какъ не

всегда свободный для приходскаго священника. Не исключая чтенія или разсказовъ житій святыхъ, слѣдуетъ на воскресныхъ собесѣдованіяхъ начинать дѣло съ исторіи Ветхаго Завѣта, въ порядкѣ хронологическомъ, и останавливаться преимущественно на тѣхъ событіяхъ, которыя безъ особаго затрудненія могутъ быть усвоены прихожанами какъ взрослыми, такъ и ихъ дѣтьми, а затѣмъ переходить къ исторіи Новаго Завѣта и разсказывать подробно о земной жизни Іисуса Христа и излагать Его ученіе; далѣе слѣдуетъ объяснить богослуженіе, также молитвы, послѣднія даже изучать на память. Времени на эти собесѣдованія можно удѣлять болѣе: лѣтомъ—послѣ обѣда, а зимою вечеромъ, такъ чтобы они продолжались около часа, но безъ обремененія вниманія слушателей.

— Въ приложеніи къ „Минск. Епарх. Вѣд.“ печатаются акты депутатовъ духовенства минскаго епархіальнаго съѣзда, въ которыхъ, между прочимъ, изложены практическія соображенія объ улучшеніи религіозно-нравственнаго состоянія прихожанъ двумя способами: а) устройствомъ внѣ-церковныхъ собесѣдованій, б) распространеніемъ за умѣренныя цѣны иконъ, крестиковъ, молитвослововъ, религіозно-нравственныхъ книгъ и брошюръ. Относительно внѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ прихожанами депутаты согласились, что это наилучшая мѣра къ распространенію въ народѣ познаній объ обязанностяхъ христіанина, но безпрепятственное осуществленіе ея возможно лишь въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ положены два священника. Въ такихъ приходяхъ настоятели церкви обязаны завести журналы для записи собесѣдованій и ежегодно въ январѣ мѣсяцѣ должны представлять преосвященному чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ отчетъ о собесѣдованіяхъ. Въ остальныхъ-же приходяхъ, гдѣ не окажется возможнымъ завести правильное и аккуратное собесѣдованіе, депутаты съѣзда признаютъ необходимымъ бесѣдовать съ прихожанами при освященіи полей, домовъ, при посѣщеніяхъ прихожанъ съ молитвословіями предъ праздниками Рождества и Воскресенія Христова и т. п. случаевъ; причемъ рекомендуется священникамъ заготовить пособія для нравоучительныхъ чтеній и статьями для улучшенія быта прихожанъ въ гигиеническомъ отношеніи.

Что касается распространенія иконъ, крестиковъ и др. предметовъ, то депутатами признана важность и необходимость этой мѣры и указано, съ какою ловкостью римско-католики умѣютъ пользоваться ею для своихъ цѣлей. Съѣздъ проектировалъ и консисторія выработала по этому предмету слѣдующія правила, утвержден-

ныя преосвященнымъ: 1) завѣдывающему минскимъ свѣчнымъ складомъ, комитету предложить расширить запасъ недорогихъ крестиковъ, иконъ, молитвослововъ, религіозно-нравственныхъ книгъ и брошюръ для продажи простому народу, равно собрать и указать (съ обозначеніемъ цѣны), напечатаніемъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, адреса мѣстъ и учрежденій, изъ коихъ съ удобствомъ можно было-бы церковнымъ причтамъ выписывать эти предметы непосредственно; 2) настоятелямъ всѣхъ церквей епархіи вмѣнить въ обязанность обсудить на благочинническихъ съѣздахъ способъ устройства складовъ сихъ предметовъ въ каждомъ благочинническомъ округѣ и озаботиться безотлагательнымъ устройствомъ таковыхъ складовъ; 3) разрѣшить настоятелямъ заимствовать церковныя суммы, въ видѣ оборота, на покупку сихъ предметовъ; 4) внушить крестьянамъ обращаться, въ случаѣ ихъ желанія, за покупками сихъ предметовъ въ извѣстныя мѣста, въ которыхъ учреждены будутъ склады.

— 30 ноября прошлаго 1883 года, какъ сообщаетъ „Варш. Днев.“, діаконъ Плоцкой Преображенской церкви, В. А. Голынецъ, обратился къ начальнику губерніи съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему безвозмездно, въ воскресные, праздничные и табельные дни, отъ 9 до 10 часовъ утра, посѣщать заключенныхъ въ илоцкихъ тюрьмахъ арестантовъ православнаго вѣроисповѣданія, лишенныхъ возможности присутствовать на общественномъ богослуженіи и слышать слово Божіе. Основаніемъ къ такому ходатайству послужило желаніе самихъ узниковъ, высказанное ими, во время говѣнія въ 1883 году, настоятелю церкви исходатайствовать для нихъ разрѣшеніе собираться для общественныхъ молитвъ и чтенія слова Божія, причемъ они просили также и о снабженіи ихъ книгами религіознаго содержанія. Согласіе губернатора не заставило себя ожидать, и 4 декабря діаконъ Голынецъ отправился въ тюрьму въ первый разъ, явился въ указанную ему комнату и нашель тамъ тринадцать человекъ. Полъ этой комнаты былъ весьма тщательно вымытъ, столъ засланъ бѣлою скатертью, а на столѣ стоялъ образъ Спасителя, взятый узниками на время у старшаго ихъ стражника; предъ образомъ горѣли церковныя свѣчи — жертва самихъ узниковъ. О. діаконъ предъ иконой Спасителя началъ пѣть молитву „Царю Небесный“, въ чемъ ему помогли и сами заключенные. Послѣднимъ послѣ молитвы сказана была рѣчь о легкости нравственнаго паденія, возможности и средствахъ его возстановленія, и заключена общимъ пѣніемъ молитвы „Достойно есть“. Въ

послѣдующіе дни заключенные начали изучать общеупотребительныя молитвы съ объясненіемъ ихъ смысла и исторіи ихъ происхожденія, десять заповѣдей, символъ вѣры и новозавѣтную исторію, что продолжается и до настоящаго времени. Трудъ этотъ сопровождается хорошими послѣдствіями: икона Божіей Матери, лампадка и прочія принадлежности, необходимыя для горѣнія лампадки предъ иконою, пріобрѣтенныя на скудныя средства заключенныхъ, знаніе молитвъ, символа вѣры, десяти заповѣдей, нѣкоторыхъ событій изъ новозавѣтной исторіи, пытливость, обнаруживаемая въ вопросахъ вѣры, искреннее раскаяніе нѣкоторыхъ заключенныхъ въ своихъ преступленіяхъ, неоднократно высказанное ими сквозь слезы, и, наконецъ, изученіе православныхъ молитвъ и догматовъ однимъ евангеликомъ, желающимъ принять православіе, — таковы плоды бесѣдъ о. діакона Голынца.

— Изъ Корчевы, Тверской губ., пишутъ въ „Церк. Общ. Вѣстн.“: „На пятой недѣлѣ поста, по дѣламъ службы мнѣ пришлось остановиться и ночевать въ селѣ Новоникитскомъ. Хозяинъ квартиры съ семьей, по случаю говѣнія, былъ въ церкви, а когда возвратились говѣющіе; я замѣтилъ, что двое ихъ дѣтей плакали. Приходскій батюшка изъ студентовъ, о. Александръ Скобниковъ, поступившій года три тому назадъ на мѣсто, какъ передавалъ мнѣ хозяинъ, завелъ новые порядки. Каждый праздникъ, а иногда и при вечернемъ богослуженіи, говоритъ проповѣди и такъ просто, что и малый ребенокъ понимаетъ; на исповѣди дѣтей спрашиваетъ молитвы и каждому задаетъ урокъ выучить къ будущему говѣнію по двѣ, по три молитвы, — вотъ они, сердечные, теперь и плачутъ, видно батюшка пожурилъ за незнаніе. Заинтересовали меня порядки молодаго батюшки. На другой день вмѣстѣ съ хозяиномъ квартиры я отправился въ церковь послушать проповѣдь и посмотреть живонись, которая стараніемъ о. Александра была произведена нынѣшнимъ лѣтомъ. По дорогѣ встрѣтились и другіе прихожане, спѣшившіе къ обѣднѣ. Между прочимъ я узналъ, что батюшка за три года своей службы устроилъ церковный домъ, выхлопоталъ жалованье причту, открылъ третій придѣлъ во имя св. Николая Чудотворца. Словомъ, входя въ церковь, я уже зналъ формуляръ батюшки. Дѣйствительно, послѣ громкой и внятной, полной благоговѣнія службы, предъ причащеніемъ прихожанъ, сталъ говорить батюшка поученіе о значеніи причастія св. таинъ для христіанина. Простота изложенія, а главное — удачныя сравненія, заимствованныя изъ быта своихъ прихожанъ, дѣлали поученіе на

столько убѣдительнымъ, что причастники знали, къ чему приступали. Желательно, чтобы и во всякой церкви и почаще говорились такія поученія, хотя они составляли-бы и перифразъ печатныхъ. Во время причащенія прихожанъ, которыхъ на этотъ разъ было не мало, я посмотрѣлъ на живопись—работа весьма удовлетворительна; третій придѣлъ, тоже недавно освященный, особенно придаетъ видъ церкви по своей симметріи, не смотря уже на нравственное значеніе его для прихожанъ; зато бѣдно и убого въ сторожкѣ, гдѣ о. Александръ обучаетъ дѣтей. Весьма радъ, что обученіе ведется только по постамъ, иначе отъ сырости и темноты легкія и зрѣніе дѣтей не мало-бы пострадали. Хорошъ и церковный домъ, мимо котораго пришлось идти: круглый около двадцати аршинъ и болѣе десятка оконъ на улицу, что по деревнѣ, а особенно по Никитскому приходу, большая роскошь. Оказывается, что практическая смѣтка отслужила службу молодому батюшкѣ: то лѣсомъ, то кирпичемъ, соломой и подводами онъ собралъ съ прихожанъ вмѣсто денегъ—и явился церковный домъ. Работы по церкви также произведены безъ затраты кошелековой суммы; отыскалъ батюшка благодѣтелей среди своихъ и чужихъ прихожанъ. Не пришлось мнѣ лично познакомиться съ о. Александромъ, но случай, переданный мнѣ его прихожаниномъ, говоритъ и за деликатность батюшки. Когда работы по церкви были окончены, прихожане задумали было въ признательность ходатайствовать у владыки о наградѣ для своего батюшки, но онъ отклонилъ ихъ, а вмѣсто того самъ испросилъ имъ архипастырское благословеніе за усердіе къ храму. Отрадное чувство, вынесенное мною изъ Новоникитскаго, еще болѣе убѣдило меня, что духовенство и нравственно и матеріально улучшить свое положеніе при энергіи и добрыхъ стремленій болѣе, чѣмъ кабинетныя средства“.

— Въ корреспонденціи „Южнаго Края“ изъ Бирюча разсказывается слѣдующее. Верстахъ въ 45 отъ Бирюча есть небольшое село Петренково (Острогж. уѣзда), а въ немъ священствуетъ молодой іерей о. И. Г—скій. Лѣтъ восемь тому назадъ о. И. имѣлъ любящую жепу и двухъ малютокъ, гордость и радость молодого отца. Но волею судебъ, въ одну несчастную для него недѣлю, о. И. схоронилъ въ одну могилу все, что было для него дорого въ этомъ мірѣ; сначала умерли малютки, а дня чрезъ два за ними отправилась и жена. Несчастный едва не лишился разсудка, едва не умеръ отъ горя. Но молодая натура взяла верхъ: время постепенно уменьшило остроту боли сердечныхъ ранъ, душа запросила при-

вязанности, любви. Онъ взглянулъ на свою небольшую паству и... въ немъ заговорило къ ней доброе, хорошее чувство. Онъ поселился въ сторожкѣ, и свои молодыя силы отдалъ этой паствѣ. Онъ сдѣлался законоучителемъ школы, сдѣлался учителемъ (въ лучшемъ значеніи этого слова) своихъ прихожанъ, завелъ воскресную школу для взрослыхъ, праздничныя религіозно-нравственныя бесѣды; свои скромныя заработки онъ сталъ употреблять на избранное имъ святое дѣло. Онъ дѣлаетъ свое дѣло въ тиши, въ глуши; онъ не трубитъ о немъ нигдѣ и не ищетъ похвалъ; онъ вершитъ свое дѣло по мѣрѣ силъ и разумѣнія, и его имя далеко за предѣлами Петренкова произносится съ уваженіемъ.—Хоть и не часты у насъ такія отрадныя явленія, но они должны служить укоромъ нашей уѣздной интеллигенціи, которая обладаетъ большими и умственными и матеріальными средствами для того, чтобы что-нибудь сдѣлать на благо „малыхъ сихъ“...

— Въ „Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о совершеніи обряда страшнаго суда. Обрядъ страшнаго суда совершался въ кафедральныхъ соборахъ въ недѣлю мясопустную, въ которую на литургіи читается Евангеліе о страшномъ судѣ. Для совершенія этого обряда заблаговременно устраивалось подъ открытымъ небомъ, за алтаремъ собора, возвышенное мѣсто, на которомъ поставлялась икона страшнаго суда съ нѣкоторыми другими иконами и вода для освященія. Обрядъ начинался предъ литургіею крестнымъ ходомъ изъ собора, съ пѣніемъ канона страшнаго суда. По шестой пѣсни канона, крестный ходъ останавливался на приготовленномъ мѣстѣ; здѣсь пѣли стихиры страшнаго суда; во время пѣнія стихиръ, святитель и власти кадили иконы и народъ на все стороны, читались апостолъ и Евангеліе о страшномъ судѣ. Евангеліе читали святитель и протодіаконъ попеременно, раздѣляя оное на нѣсколько статей; затѣмъ освящалась вода, и святитель, по умовеніи рукъ, погружая крестъ въ воду, осѣнялъ онымъ на четыре страны и дѣлалъ отпускъ съ окропленіемъ властей водою; по окончаніи сего, крестный ходъ продолжаемъ былъ кругомъ собора, съ пѣніемъ остальныхъ пѣсней канона, и со крестами входили въ соборъ въ западныя двери. Въ соборѣ святитель произносилъ отпускъ молебна, послѣ котораго начиналась литургія по обычаю. Кромѣ Москвы и Новгорода, въ которомъ совершались все старинныя, нынѣ большею частію вышедшіе изъ употребленія, церковныя обряды, или чины, какъ-то — чинъ пещнаго дѣйствія, чинъ лѣтопровожденія, или поволѣтія, чинъ

хожденія на осляти и другіе, обрядъ страшнаго суда вѣкогда со вершался и въ Вологдѣ. Объ этомъ свидѣтельствуеть найденная въ старомъ архивѣ Вологодской консисторіи приходо-расходная книга Вологодскаго архіерейскаго дома за 1671 годъ, въ которой, подъ 22 числомъ февраля, записано слѣдующее: „Февраля 22 дня, бобыль Івашко Даниловъ работалъ на архіепископлѣ дворѣ къ недѣли мясопустной, для выходу и Дѣйства Страшнаго Христова Суда, вокругъ архіепископла мѣста рѣшетки, полпяты недѣли, дано ему за работу 2 алтына, 2 деньги“. Неизвѣстно, часто-ли отправляемъ былъ этотъ обрядъ въ Вологдѣ; но изъ того, что въ 1671 году было дѣлано для него мѣсто новое, можно заключать, что въ предшествующее время онъ или весьма долго, или вовсе не былъ совершаемъ. А это ведетъ опять къ заключенію, что въ 1671 году былъ какой-нибудь особенный случай и нужда къ его совершенію. Случай этотъ и нужда могли быть слѣдующія:

Извѣстно, что 1671 годъ былъ въ Вологдѣ годомъ великой хлѣбной скудости, доводившей многихъ до нищеты и голода; въ этомъ году извѣстный своею благотворительностію окольниковъ царя Алексѣя Михайловича, Федоръ Михайловичъ Ртищевъ, посылалъ въ Вологду хлѣбъ и деньги „на раздаваніе нищимъ, убогимъ и гладнымъ“. Въ это неблагополучное время въ Вологдѣ могло быть тоже, что, къ сожалѣнію, вездѣ бываетъ въ подобныя времена, т.-е. многіе богатые и зажиточные люди могли, забывъ страхъ Божій и заповѣди евангельскія, или вовсе затворить свои сердца, а съ ними и житницы свои, для пуждающихся, и, по излишнему опасенію за собственную жизнь, могли нисколько не заботиться о жизни другихъ; или, изъ корыстныхъ расчетовъ, могли отворить свои хлѣбохранилища только съ тѣмъ, чтобы, продавая съѣстные припасы по цѣнамъ непомерно высокимъ, еще болѣе обогатиться. Для пресѣченія этого зла и для побужденія народа къ взаимному милосердію, состраданію и помощи, надлежало употреблять самыя сильныя вразумительныя средства. Въ качествѣ одного изъ такихъ средствъ и могъ быть совершенъ въ означенномъ году архіепископомъ вологодскимъ Симономъ поразительный обрядъ страшнаго суда, съ одной стороны для утѣшенія и поощренія милосердыхъ и нищелюбивыхъ, которымъ Небесный Судія преимущественно предъ другими благотворцами обѣщаетъ всѣ блага Своего царствія: (пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе... взалкахся бо и дасте Ми ясти); съ другой стороны для устрашенія и вразумленія жестокосердыхъ и немилостивыхъ, на

которыхъ въ будущемъ вѣкѣ съ особенною тяжестью и преимущественно предъ другими грѣшниками обрушится праведный гнѣвъ Божій: „отидите отъ Мене проклятіи... взякахся бо и не дасте Ми ясти“.

— Настоятель Святогорской обители, отецъ архимандритъ Германъ, въ интересахъ истины, проситъ насъ напечатать слѣдующую замѣтку о бывшемъ 13 февраля сего года въ монастырѣ пожарѣ, такъ какъ помѣщенная въ № 47 „Харьк. Губ. Вѣд.“ и перепечатанная въ „Листкѣ для Харьковской Епархіи“ № 4 корреспонденція не вполне вѣрно излагаетъ обстоятельства этого дѣла.

„Начну съ того, пишетъ отецъ Германъ, что въ обители имѣется четыре пожарныя трубы, но вѣтеръ былъ такъ силенъ и порывистъ, шелъ ураганомъ отъ запада къ востоку и гналъ пламя по направленію на весь монастырь съ такою силою и скоростью, что не только имѣвшіеся въ наличности и дѣйствовавшіе пожарныя инструменты оказывались бессильными противу разрушительнаго дѣйствія пламени, но будь ихъ вдвое и втрое больше числомъ, и тогда-бы ничего не могли помочь бѣдѣ, если-бы не помогъ ей Господь милосердый. Явное знаменіе чудеснаго заступленія Божія всѣ бывшіе на пожарѣ 13 февраля видѣли воочию. Когда пламя рѣдко разливалось по зданіямъ двухъ братскихъ двухъ-этажныхъ корпусовъ и сильно угрожало третьему корпусу и всему вообще монастырю, іеромонахи обители вынесли противъ огня чудотворныя иконы обители Успенія Богоматери и Святителя чудотворца Николая и начали пѣть молебны и акаѳисты Спасителю, Богоматери, Неопалимой Куупинѣ, и Святителю и чудотворцу Николаю; вѣтеръ мгновенно перемѣнилъ свое направленіе, началъ дуть съ востока на западъ и гнать пламя назадъ, что дало возможность людямъ взойти на кровлю загорѣвшагося корпуса, часть ея разобрать и тѣмъ сдѣлать перерывъ въ зданіи, съ котораго удобно можно было уже бороться съ всепожирающею стихіею. На пожарѣ никто изъ монаховъ и даже рабочихъ не провалился и не подвергся опасности: всѣ дѣйствовали и хлопотали съ большимъ усердіемъ, и особой суетлики и суеты безцѣльной не было замѣтно: кто могъ, спасалъ достояніе святой обители, выносили вещи, мебель; старцы немощные молились, и ихъ-то молитва, какъ видно, болѣе всего помогла дѣлу, помимо всякихъ пожарныхъ инструментовъ. Ихъ къ утру собралось весьма довольно, но дѣйствовать, по тѣснотѣ мѣста, многимъ пожарнымъ инструментамъ и не досталось. Впрочемъ, при похвальномъ усердіи окрестныхъ поселянъ и мѣстной земскою полиціи,

равно г. исправника, лично прибывшаго и распорядившагося при тушеніи пожара, онъ былъ остановленъ и потушенъ довольно скоро и удачно. А все-таки, не поверни вѣтеръ назадъ, плохо-бы было, и никакое усердіе, и никакіе инструменты пожарные врядъ-ли бы спасли обитель нашу отъ моря огнеаго, на нее шедшаго съ ужасающею силою и скоростію. Да, дивны дѣла Божіи, что и мы видѣли здѣсь, въ этомъ присно памятномъ для насъ пожарѣ. 28 марта 1884 года“.

— По сообщенію „Кіевлянина“, Кіевская духовная консисторія, усмотрѣвъ, что въ кіевскихъ церквахъ нерѣдко, при отпѣваніи умершихъ, произносятся рѣчи лицами, не принадлежащими къ церковному клиру, притомъ рѣчи эти произносятся безъ предварительной цензуры и по содержанию своему не всегда соотвѣтствуютъ ученію православной Церкви,—съ утвержденія высокопреосвященнаго кіевского митрополита Платона, постановила: такъ какъ правилами церковными свѣтскимъ лицамъ, не получившимъ богословскаго образованія и не имѣющимъ церковной степени, проповѣдываніе въ церквахъ воспрещается, а на основаніи указа Св. Синода 1821 года произносимыя въ церквахъ рѣчи и проповѣди подлежатъ предварительной цензурѣ духовной, то предписать настоятелямъ городскихъ соборовъ, монастырей и приходскихъ церквей Кіевской епархіи, чтобы произнесеніе свѣтскими лицами рѣчей въ церквахъ не было допускаемо, подъ строгою отвѣтственностью настоятелей, не пречатствуя, впрочемъ, свѣтскимъ лицамъ произносить рѣчи въ домахъ предъ выносомъ покойника и на кладбищахъ послѣ опущенія гроба въ могилу, если на то будетъ согласіе родныхъ покойнаго.

— Въ болгарскомъ „Державномъ Вѣстникѣ“ напечатанъ, по приказу министра внутреннихъ дѣлъ, отчетъ о дѣятельности комитета, руководящаго дѣлами по собиранію добровольныхъ пожертвованій для постройки храма св. Александра Невскаго, въ память Царя-Освободителя. Предсѣдатель комитета, г. Тодоръ Икономовъ, сообщаетъ въ отчетѣ, что по 20 марта 1884 года подписано было 519,642 франка золотомъ. Въ число этой суммы князь Александръ пожерововалъ 5000 фр., народное собраніе 200,000 фр. и городскія болгарскія общины 248,000 фр. Въ Варненскомъ округѣ подписка достигла 11,000 фр., въ Софійскомъ—9000 фр., въ прочихъ она заявлена на меньшія суммы.

— Въ ознаменованіе дѣятельности покойнаго архіепископа Димитрія, одесская городская дума 20 февраля постановила, какъ сообщаютъ „Херсон. Епарх. Вѣд.“, соорудить на новомъ кладбищѣ

церковь во имя св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, для чего и ассигновано 25,000 рублей.

— Законъ 3 мая о расколѣ составляетъ не послѣднее слово законодательства, касающагося устройства гражданскаго быта и религіозной обезпеченности раскольниковъ. „Новости“ упоминаютъ, напримѣръ, въ настоящее время о законопреступности сектантства и основательно говорятъ, что въ сущности предстоитъ не „согласованіе“ только прежнихъ законоположеній о раскольникахъ съ новымъ закономъ, но выработка и изданіе совершенно новыхъ законовъ, измѣняющихъ, въ самомъ существѣ дѣла, даже принципъ наказуемости за преступленія, относящіяся къ категоріи дѣйствій, направленныхъ къ поврежденію ученія господствующей Церкви въ государствѣ. Работа эта можетъ имѣть цѣльный, стройный и строго систематическій характеръ въ томъ лишь случаѣ, если дарованная сектантамъ, закономъ 3 мая 1883 года равноправность въ пользованіи нѣкоторыми гражданскими и религіозными правами будетъ проведена черезъ всю систему наказаній за распространеніе, какимъ бы то ни было путемъ, повреждающихъ вѣроученій, безъ всякаго различенія сектъ по степени ихъ вредности. Только при этомъ условіи новое законодательство о раскольникахъ будетъ дѣйствительно согласовано съ духомъ и направленіемъ прекраснаго по цѣли и значенію закона 3 мая 1883 года. Согласованіе-же это, какъ сказано, составляетъ основную задачу пересмотра всѣхъ статей X, XII, XIV и XV томовъ Свода законовъ, которыя имѣютъ отношеніе къ раскольникамъ.

— Въ дополненіе къ сообщенному въ „Юж. Краѣ“ о проектирующихся измѣненіяхъ въ нынѣ дѣйствующихъ правилахъ объ отчужденіи крестьянской земли подъ устройство полезныхъ промышленныхъ заведеній, а равно и для сооруженія на нихъ рельсовыхъ путей, газета сообщаетъ теперь, что, при обсужденіи вновь проектируемыхъ правилъ, возникъ вопросъ о мѣрѣ участія, которое можетъ принимать въ отчужденіи или продажѣ общество, когда земля находится въ подворномъ пользованіи. По дошедшимъ до газеты свѣдѣніямъ, рѣшено въ принципѣ установить, что крестьянская надѣльная земля признается неприкосновенной принадлежностью общества, такъ что продажа части земли можетъ быть совершена лишь съ согласія всего сельскаго общества, а не отдѣльнаго домохозяина. На этомъ основаніи проектируется установить общимъ правиломъ, что всякая уступка части крестьянской надѣльной земли можетъ быть признана законной, если на то послѣдовало со-

гласіе всего общества. Домохозяину-же предоставлено будетъ право вовсе не согласиться на продажу своей земли, хотя-бы все сельское общество и изъявило согласіе на уступку даннаго участка.

Вмѣстѣ съ воспрещеніемъ отдѣльнымъ домохозяевамъ отчужденія своихъ надѣльныхъ участковъ, проектируется не допускать впредь и закладывать неотчуждаемое имущество. Переходъ крестьянской надѣльной земельной собственности къ лицамъ, не принадлежащимъ къ сельскому обществу, предполагается воспретить даже въ томъ случаѣ, когда земля должна перейти по наслѣдству. Съ этой цѣлью предполагается въ законѣ уяснить, что лица, не принадлежащія къ крестьянскому сословію, не лишены права наслѣдованія послѣ крестьянина въ имуществѣ, составляющемъ личную собственность умершаго, если таковое пріобрѣтено внѣ крестьянскаго надѣла; участіе же въ пользованіи надѣломъ общества лицами, не принадлежащими къ крестьянскому обществу, не будетъ допускаться и по праву наслѣдства.

— Въ „Юж. Край“ пишутъ изъ Петербурга, что въ представленномъ на дняхъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта проектѣ новыхъ правилъ о питейной торговлѣ предполагается, съ утвержденіемъ его во всѣхъ городахъ Имперіи, образовать особыя присутствія по дѣламъ о питейной торговлѣ, которыя будутъ состоять подъ предсѣдательствомъ городского головы, изъ членовъ: непремѣннаго члена, въ лицѣ представителя отъ акцизнаго вѣдомства, по назначенію управляющаго акцизными сборами, предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей или одного изъ городскихъ мировыхъ судей, члена городской управы и члена по выбору думы и полиціймейстера или исправника. Вѣдѣнію означенныхъ городскихъ присутствій будутъ подлежать: 1) организція питейной торговли въ городѣ, а именно: назначеніе числа и мѣстъ открытія заведеній съ распивочной продажей питей, разрѣшеніе вопроса объ ограниченіи выносной торговли крѣпкими напитками въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, принятіе въ извѣстныхъ мѣстностяхъ исключительныхъ мѣръ, опредѣленіе случаевъ, когда могутъ быть допускаемы отступленія отъ установленныхъ правилъ и составленіе постановленій о внутреннемъ устройствѣ помѣщеній для продажи питей и 2) выдача лицамъ, желающимъ открыть питейную торговлю одобрительныхъ свидѣтельствъ на производство таковой торговли какъ распивочной, такъ и выносной, отдача въ содержаніи питейныхъ заведеній съ торговъ или по жребію, закрытіе мѣстъ продажи административнымъ порядкомъ, разрѣшеніе на передачу питейныхъ за-

веденій отъ одного лица къ другому, распредѣленіе штрафныхъ денегъ между открывателями нарушеній по дѣламъ, не поступающимъ на разсмотрѣніе акцизнаго управленія, а равно и лишеніе правъ торгующихъ напитками производить торговлю въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, на срокъ не свыше пяти лѣтъ.

— Въ правительственныхъ сферахъ, какъ сообщаютъ „Юж. Краю“, проектируется въ настоящее время измѣнить и дополнить нынѣ дѣйствующія законоположенія о личномъ наймѣ, выраженные въ статьяхъ 2201—2247 ч. I т. X св. зак. гражд. Поводомъ къ возбужденію этого вопроса послужили жалобы частныхъ нанимателей, преимущественно землевладѣльцевъ, на постоянныя нарушенія нанимающимися условій найма. Землевладѣльцы въ своихъ прошеніяхъ указывали, что зачастую сельскіе работники, нанятые заблаговременно для весеннихъ и лѣтнихъ полевыхъ работъ, съ наступленіемъ рабочей поры вовсе не являются къ исполненію принятыхъ на себя обязанностей, предпочитая воспользоваться задаточными деньгами, выдаваемыми обыкновенно нанимателями. При настоящихъ условіяхъ, единственной гарантіей исправности нанимающихся служатъ условія, заключаемыя съ крестьянами въ волостныхъ правленіяхъ, но на дѣлѣ, по заявленію землевладѣльцевъ, и это не ведетъ къ цѣли, такъ какъ изъ практики дознано, что несмотря на договоры, заключенные въ волостныхъ правленіяхъ, крестьяне на работы не являются, зная хорошо, что наниматель можетъ искать съ нихъ только гражданскимъ порядкомъ, а по исполнительнымъ листамъ съ такихъ крестьянъ-работниковъ все равно получать ничего нельзя. Такое положеніе ставитъ землевладѣльца въ невозможность вести правильное и раціональное хозяйство, лишая его въ горячее время рабочихъ рукъ. Во вниманіе къ этимъ ходатайствамъ, проектируется дополнить нынѣ существующія узаконенія о личномъ наймѣ. Какъ извѣстно, на основаніи 2201 ст. X т. I ч., нынѣ дѣйствующія правила, — хотя и исчисляють слѣдующія три вида найма: а) для домашнихъ услугъ, б) для отправленія земледѣльческихъ, ремесленныхъ и заводскихъ работъ, торговыхъ промысловъ и в) для отправленія всякаго рода работъ и должностей, не воспрещенныхъ законами, — тѣмъ не менѣе не дѣлаютъ никакой существенной разницы между нарушителями условій найма всѣхъ трехъ родовъ. Чтобы обезпечить земледѣліе, болѣе другихъ работъ нуждающееся въ своевременномъ работникѣ, проектируется для работниковъ, нанимающихся для земледѣльческихъ работъ, установить особыя правила, въ силу которыхъ нарушители договоровъ,

за неявку въ срокъ на работу, кромѣ гражданской отвѣтственности будутъ подвергаться и уголовнымъ взысканіямъ, по образцу существующихъ въ законодательствахъ западной Европы. Къ уголовной отвѣтственности будутъ привлекаться рабочіе, неявившіеся на договорныя срочныя сельско хозяйственныя работы безъ уважительныхъ причинъ, каковы: болѣзнь работника, смерть его близкихъ родственниковъ и т. п.

Вышеупомянутыя правила, предварительно предложенія ихъ на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, будутъ предложены на обсужденіе гг. министровъ.

— „С.-Петербургскія Вѣдомости“ сообщаютъ, что комиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря графа Палепа, назначенная для пересмотра дѣйствующихъ въ Имперіи законовъ объ евреяхъ, начала работу съ пересмотра Уложенія царя Алексѣя Михайловича, при чемъ познакомилась съ мѣропріятіями правительства относительно евреевъ, начиная съ 1649 года до конца восемнадцатаго столѣтія. Нынѣ всѣ отдѣльныя правительственныя распоряженія, касающіяся евреевъ Великороссіи, Малороссіи и Литвы, сгруппированны въмѣстѣ и составляютъ цѣлую самостоятельную часть. Къ составленію второй части будетъ приступлено въ непродолжительномъ времени, при чемъ въ составъ ея войдутъ всѣ новѣйшія законодательства объ евреяхъ, начиная съ XIX столѣтія и до послѣднихъ дней. По окончаніи этой работы будетъ приступлено къ составленію заключенія, съ указаніями на удобства и неудобства тѣхъ или иныхъ законоположеній.

— О положеніи дѣлъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ мы находимъ слѣдующее извѣстіе въ англійской газетѣ „Times“. Порта, по сообщенію этой газеты, по прежнему выказываетъ готовность уладить недоразумѣнія съ Константинопольскимъ патріархатомъ путемъ компромисса. Великій визирь обнародовалъ распоряженіе, коимъ мѣстной печати предписывается умалчивать о греко-турецкихъ несогласіяхъ во избѣжаніе опаснаго броженія умовъ. Обязанности, сопряженныя съ патріаршимъ саномъ, возложены временно на ефесскаго митрополита; ему-же поручено замѣнить патріарха и при торжественномъ пасхальномъ богослуженіи, что было не малою отрадой для греческаго народа, который опасался, что отсутствіе патріарха будетъ имѣть видъ пагубнаго для интересовъ Церкви скандала. Хотя, по словамъ корреспондента, и невозможно предугадать исходъ продолжающейся распри, но несомнѣнно, что греческая община ослабила свою позицію, допустивъ возникновеніе

раздора въ своей средѣ. Патріархъ, по слухамъ, намѣренъ настаивать, чтобъ обвиненія, взведенныя на него смѣшаннымъ совѣтомъ духовенства и мірскихъ представителей греческой общины, были повергнуты на судъ компетентной духовной инстанціи.

По болѣе позднимъ извѣстіямъ, Порта приняла отставку патріарха Іоакима и предложила греческой общинѣ приступить къ избранію новаго патріарха.

— Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ за 1882 годъ, № 87, напечатанъ одобренный Высочайше утвержденнымъ, 16-го апрѣля 1882 г., журналомъ Комитета Министровъ планъ занятій *особой комиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія.*

Планъ этотъ былъ предъявленъ особой комиссіи въ засѣданіи оной 26-го апрѣля того-же года.

Принявъ въ соображеніе недостатокъ такого проекта преобразованій въ мѣстномъ управленіи, который могъ-бы служить исходомъ для сужденій комиссіи, и въ виду невозможности слишкомъ продолжительнаго отвлеченія отъ прямыхъ служебныхъ занятій всѣхъ своихъ членовъ, особая комиссія и пришла, между прочимъ, къ заключенію о практической пользѣ выдѣленія изъ своей среды совѣщанія для подготовленія способовъ разрѣшенія предстоящихъ къ обсужденію вопросовъ. Совѣщаніе это составилось изъ предсѣдателя комиссіи и изъ заявившихъ свою на то готовность членовъ комиссіи, и въ теченіи 26-ти засѣданій, до 15-го іюня 1882 года, намѣтило въ общихъ чертахъ предварительныя заключенія по всѣмъ вопросамъ, вошедшимъ въ перечень предметовъ занятій комиссіи.

Сужденія совѣщанія окончательно выяснили трудность и сложность возложенной на комиссію работы, а также тѣсную взаимную связь всѣхъ частей этой работы. Вместе съ тѣмъ по отдѣльнымъ вопросамъ выразились различныя мнѣнія, согласеніе коихъ требовало дальнѣйшихъ разъясненій и сужденій. Приступивъ къ этой послѣдней работѣ осенью 1882 года, совѣщаніе окончило таковую къ маю мѣсяцу 1883 года, посвятивъ на сіе 52 засѣданія. Въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ составлены были объяснительныя записки къ сдѣланнымъ въ формѣ отдѣльныхъ статей выводамъ изъ бывшихъ сужденій и съ начала осени 1883 года совѣщаніе приступило къ повѣркѣ изложенія самыхъ статей и объяснительныхъ записокъ. При этомъ совѣщанію пришлось возвращаться къ новому обсужденію вопросовъ по замѣчаніямъ отдѣльныхъ членовъ, возбуждавшихъ нѣкоторыя существенныя сомнѣнія относительно многихъ принятыхъ ими первоначально основаній и предположеній.

Проходя изложенные въ перечнѣ предметовъ занятій особой комиссіи вопросы, совѣщаніе останавливалось на послѣдовательномъ изученіи современнаго состоянія различныхъ единицъ управленія и возможныхъ способовъ исправленія замѣченныхъ недостатковъ. При такомъ изученіи совѣщаніе пользовалось матеріалами упраздненной комиссіи объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, сенаторскими ревизіями, собранными въ 1881 и 1882 гг. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отзывами мѣстныхъ установленій, ходатайствами земскихъ собраній и городскихъ думъ, поступившими въ особую комиссію записками оффиціальныхъ и частныхъ лицъ, прежними производствами и др. свѣдѣніями. Выводы совѣщанія заключаютъ въ себѣ какъ изложеніе основныхъ положеній, согласно выразившимся въ средѣ совѣщанія мнѣніямъ, такъ и нѣкоторое развитіе этихъ положеній, какъ это казалось совѣщанію необходимымъ для выясненія главныхъ предположеній и для нѣкоторой повѣрки ихъ удобопримѣнимости.

Составившійся, такимъ образомъ, сводъ положеній не имѣетъ въ виду представить окончательно выработаннаго законопроекта. И по существу, и по формѣ, сдѣланныя намѣтки требуютъ дальнѣйшей разработки и, главное, провѣрки со стороны практической ихъ примѣнимости; но представляя систематическое цѣлое, заключающее въ себѣ проектъ устройства всего мѣстнаго управленія отъ сельскаго общества до губерніи включительно, въ порядкѣ, указанномъ въ перечнѣ предметовъ занятій комиссіи, — предположенія совѣщанія могутъ служить, какъ это и имѣлось въ виду особой комиссіей, исходными началами для дальнѣйшаго обсужденія вопросовъ и восполняютъ, такимъ образомъ, существовавшій недостатокъ общаго плана преобразованій.

Нынѣ предположенія совѣщанія подлежатъ внесенію на разсмотрѣніе особой комиссіи въ полномъ ея составѣ, и статсъ-секретарь Кохановъ, руководствуясь Высочайшими указаніями, данными при учрежденіи комиссіи, вступалъ въ соглашеніе съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, по вопросу объ усиленіи состава комиссіи мѣстными дѣятелями, практически знакомыми съ дѣйствующимъ порядкомъ.

По состоявшемуся по сему предмету соглашенію, въ составъ особой комиссіи приглашены нынѣ 15 лицъ изъ числа губернаторовъ, губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства и предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ. Въ усиленномъ мѣстными дѣятелями составѣ комиссіи предстоитъ, по предварительномъ соображеніи работъ совѣщанія, приступить къ составленію законопроектовъ. Засѣданія предположено открыть по истеченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ текущаго 1884 года.

У ПРОТОІЕРЕЯ ІОАННА ЛУКИЧА
ЧИЖЕВСКАГО

(Харьковъ, Екатеринославская улица, домъ № 15-й) можно
получать слѣдующія его изданія:

1. „Инструкція церковнымъ старостамъ, Высочайше утвержденная 17 апрѣля 1808 года, и послѣдовавшая съ того времени законоположенія, относящаяся къ обязанностямъ ихъ съ приложеніемъ положеній о приходскихъ попечительствахъ и церковныхъ братствахъ“. Харьковъ 1883 года. Цѣна съ перес. 80 коп. Свыше 10-ти экз. по 60 коп. съ перес.

Инструкція эта рекомендована Харьковскимъ епархіальнымъ начальствомъ для всѣхъ церквей епархіи; Херсонское и Тамбовское епархіальныя начальства выписали для всѣхъ церквей, а также по нѣсколько экзем. и другія епархіи.

2. „Церковное письмоводство. Собраніе правилъ, постановленій и формъ къ правильному веденію онаго. Составлено на основаніи законовъ и указовъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода“. Второе изданіе, во многомъ исправленное и дополненное. Харьковъ. 1881 года. Стран. VIII и 391. Цѣна экземплярю съ пересылкою и безъ пересылки 1 руб. 40 коп. Выписывающимъ свыше 10-ти экземпл. дѣлается уступка по 20 коп. на каждомъ экземпл., а отъ 20-ти и свыше—по 30 коп. Такая-же уступка дѣлается и всѣмъ книгопродавцамъ.

„Церковное письмоводство“, первое изданіе 1880 года. Цѣна съ перес. 1 руб. 10 коп., безъ перес. 1 руб.

3. „Церковное хозяйство, или правила и постановленія касательно благоустройства храмовъ и церковнаго имущества, извлеченныя изъ Свода Законовъ и Указовъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода“. Второе изданіе, исправленное и во многомъ дополненное. Харьковъ. 1875 г. Стран. XXX и 420.

Цѣна экземпл. 1 руб. 20 коп. съ перес.; выписывающіе 10-ть экзем. высылаютъ по 1 руб. съ пересылкою;—отъ 10 до 100 и свыше 100— по 80 коп. съ пересылкою за каждый экземпляръ.

Сборникъ этотъ, предварятельно дозволенія къ отпечатанію С.-Петербургскимъ комитетомъ духовной цензуры, въ рукописи былъ представленъ на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Святѣйшему Правительствующему Синоду, заключеніемъ котораго, состоявшимся 15-го мая 1874 года, одобренъ къ напечатанію.

4. „Общія способы призрѣнія священно-церковнослужителей и ихъ семействъ (епархіальныя попечительства, пособія потерпѣвшимъ раззореніе отъ пожаровъ; онеки, пенсія и единовременныя пособія) и краткій обзоръ мѣръ, предпринимавшихся къ улучшенію положенія заштатныхъ, вдовъ и сиротъ. Извлечено изъ Свод. Закон., постановленій и распоряженій Святѣйшаго Правительствующаго Синода“. Харьковъ. 1874 года. VII и 207 стран. Цѣна съ перес. 40 коп. Книга эта необходима для попечительствъ епархіальныхъ, благочинныхъ, опекуновъ и пенсіонеровъ.

5. „Руководство къ производству слѣдствій, къ удостовѣренію дѣйствительности браковъ и рожденій и по случаямъ упущеній и неправильныхъ записей въ метрическихъ книгахъ. Составлено на основаніи законовъ“. Харьковъ. 1877 года. Цѣна съ пересылкою и безъ пересылки 35 коп.

6. „Положеніе о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ“. Цѣна экзempl. безъ пересылки 10 коп., съ пересылкою 15 коп.; за 10-ть экзempl. безъ пересылки 60 коп., съ пересылкою 70 коп., а за 100 экзemplаровъ съ пересылкою 4 руб.

То-же положеніе, напечатанное на большомъ листѣ для рамъ. Цѣна экзempl. съ пересылкою 40 коп., безъ пересылки 30 коп.

7. „Правла для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ лицамъ, желающимъ при отбытіи воинской повинности воспользоваться льготою, опредѣленною п. 4 ст. 56 Уст. о воинской повинности“. Харьковъ. 1875 г. Цѣна экз. безъ перес. 12 к., съ перес. 15 к.

8. „Церковно-гражданскія постановленія о церковномъ пѣніи“. Харьковъ. 1878 года. Цѣна съ пересылкою 35 коп.

9. „Инструкція для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Цѣна съ перес. и безъ перес. 30 к.

10. „Историческая Хронологія Харьковской губерніи“. Составилъ К. П. Щелковъ. Харьковъ. 1882 года, 366 стран. Цѣна съ пересылкою 1 руб. 20 коп., безъ пересылки 1 руб.

Мелочь можно высылать почтовыми марками.

отъ Совѣта общества Любителей церковнаго пѣнія.

вышла въ свѣтъ ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

КРУГА ЦЕРКОВНЫХЪ ПѢСНОПѢНІЙ

обычнаго напѣва Московской епархіи,

заключающая въ себѣ пѣснопѣнія Св. Четырдесятницы и Страстной седмицы. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 2 руб. Получать можно въ канцеляріи Общества, въ Богоявленскомъ монастырѣ, у книгопродавца Ферапонтова, на Никольской улицѣ, и у Мейкова, на Кузнецкомъ мосту. Тамъ-же продаются первая и вторая части означеннаго изданія, стоящія — 1-я часть „Всенощное бдѣніе“ 1 р., съ пересылкой 1 р. 30 к., 2-я часть „Ирмосы Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ съ тропарями“ 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 2 руб.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полу-мѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою листокъ для Харьковской епархїи. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.